

ФОРУМ

ФОРУМ

ОБЩЕСТВЕННО — ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

3

1983

3

1983

Ф О Р У М

ОБЩЕСТВЕННО — ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛ

3

1983

«СУЧАСНІСТЬ»

Ответственный редактор:

ВЛАДИМИР МАЛИНКОВИЧ

Консультативный совет:

Петр АБОВИН-ЕГИДЕС, Михаил АКСЕНОВ МЕЕРСОН, Владимир БОРИСОВ, Борис ВАЙЛЬ, Николай ДРАГОШ, Кронид ЛЮБАРСКИЙ, Михайло МИХАЙЛОВ, Сергей ПИРОГОВ, Игорь ПОМЕРАНЦЕВ, Галина САЛОВА, Тамара САМСОНОВА, Надия СВИТЛЫЧНА, Сейтхан СОРОКИНА, Виктор ФАЙН-БЕРГ, Борис ШРАГИН.

Статьи, подписанные авторами, выражают их собственное мнение.

Журнал выходит четыре раза в год.

Für den Inhalt verantwortlich: Dr. W. Malinkowitsch.

Адрес редакции: Georg-Mauerer-Weg 11, 8000 München 50, BRD.

Оформление подписки на журнал: «Sučasnist» e. v. München, Müllerstr. 33, Rgb, 8000 München 5, BRD.

К ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЮ УКРАИНСКОЙ ТРАГЕДИИ

1933 год. Моя двадцатилетняя мама — учительница украинского языка и литературы в сельской школе на Николаевщине. Дополнительно ее «нагрузили» уроками пения (такие «нагрузки» до сих пор существуют в некоторых сельских школах: не хватает учителей). На детей страшно смотреть. Распухли с голода. В глазах недетское равнодушие. Засыпают на уроках. Бывает, что не просыпаются. А по школьной программе — пение. Пение! Весной начали есть траву. Шли на кладбище, — на кладбищах всегда густая трава. Соседский мальчик вышел из хаты. Еле доплелся до кладбища. Обессиленный, упал в траву. Мать ждет — его нет. Начала искать. Нашла все-таки. Вдруг увидела — кого-то хоронят. Поднимает мальчика, тянет за руку:

— Сыночек, вон хоронят кого-то. Уже и могилка готовая есть. Пойдем, я тебя туда положу. Все равно тебе не жить. Я скоро помру, кто ж тебя тогда похоронит?..

Едва оттащили. Через несколько дней умерли и мать, и мальчик. Люди их похоронили.

Сколько же их, трагических безымянных холмиков на Украине? Забытых. Незабываемых. Когда же будут судить палачей? Когда?

*Моисей ФИШБЕЙН,
«Відстань пізнання»*

ГОЛОД 1933 ГОДА НА УКРАИНЕ

В годы II мировой войны гитлеровцы убили шесть миллионов евреев. Весь мир знает и помнит трагедию еврейства. Человеконенавистнический режим фашизма уничтожен, идеологию расовой ненависти заклеямили позором.

О не менее страшной трагедии украинского народа не знают даже многие украинцы. Режим, ответственный за массовую гибель украинских крестьян в 33-м голодном году, все еще находится у власти в стране, занимающей одну шестую земной суши, диктует свою волю десяткам народов, влияет на судьбы всего мира. Это тоталитарный режим советского «коммунизма».

Пятьдесят лет назад, в 1933 году, жертвами искусственно вызванного голода стали миллионы украинцев — миллионы детей, женщин и мужчин, стариков.

Сегодня трудно с уверенностью назвать точное число жертв. Результаты всесоюзной переписи 1937 года — первой переписи после голода в 33-м — скрыты в архивах КГБ (если не уничтожены), а данные переписи 1939 года фальсифицированы.

В соответствии с первым пятилетним планом, население Украины должно было увеличиться с 30,2 млн человек в 1929 году до 33 млн к I. I. 1933 года. В последующих «народнохозяйственных» планах, приведены цифры: население республики составило в январе 1933 года около 32 млн человек, а к началу 1935 оно сократилось до 30,0 млн.¹ Если бы темпы воспроизводства населения в республике соответствовали тем, что ожидали при планировании первой пятилетки, Украина должна была бы иметь в конце 1934 года 34,5 млн граждан. За шесть лет население Украинской

1. Ukraine. A. Concise Encyclopaedia. Univ. of Toronto press, 1963, pp. 820-823.

республики уменьшилось на 4,3 млн человек. В числе тех, кто «исчез» в эти годы, были и высланные в ссылку в кампанию «раскулачивания» и те, кому удалось бежать от голода за пределы Украины. Но все это было до конца 1932 года, после

чего покинуть территорию республики стало невозможно. За два года (33 и 34 гг.) население Украины уменьшилось на два миллиона человек. За эти же годы почти на 1 млн увеличилось количество русских в республике (за счет массовой колонизации, начавшейся во второй половине 33 года). И, несмотря ни на что, рождались дети (если брать для 1934 года — первого «нормального» года после голода — обычный для тех времен процент прироста населения, то только в этом году население республики должно было увеличиться на 750 тысяч человек). Таким образом, даже по подсчетам, основанным на данных советских источников, которые уж никак нельзя обвинить в стремлении занижить цифры роста народонаселения в годы «сталинских пятилеток», в 1933 году на Украине погибло от голода *около 4 миллионов* человек. Некоторые исследователи приводят данные о гибели 8

миллионов человек в этот год, большинство оценивает количество жертв в 5-6 миллионов.²

В течение одного года на Украине погибло столько же украинцев, сколько евреев во всех странах, попавших под сапог III рейха, за все годы второй мировой войны. Ужасная судьба еврейских гетто всем хорошо известна. А спросите сегодня в Киеве о трагедии украинского народа. Большинство молодых людей о голоде 33 года ничего не знает. Старики помнят, хорошо помнят, но... молчат.

Для того, чтобы подобная трагедия больше никогда не повторилась, страницы страшного прошлого надо знать. И не только украинцам, но и русским, в том числе и тем, что думают: украинцы и русские — братья, и не должно быть между ними никакой границы. В 33-м эта граница была, ее хорошо знали украинские беженцы, которых встречали там пули солдат войск НКВД, и русские жители приграничных деревень — те, что видели в десятках метров от себя трупы распухших от голода украинских крестьян. По ту сторону границы.

Как это произошло? Почему мы называем голод искусственным? Кто планировал голод, а значит — кто убивал?

1923-29 годы — лучшие годы Украины за последних несколько столетий. Благодаря НЭПу украинские крестьяне получили относительную экономическую самостоятельность, получили возможность хозяйствовать на своей земле. Даже несмотря на жесткую налоговую политику государства, направленную на то, чтобы выкачать как можно больше денег для индустриализации, в домах хлеборобов появился достаток. Развиваются национальные формы жизни, возрождается культура.

2. Соловей, Д., Голгота України. Вінніпег, 1953; Процюк, С., «Сучасність», 1961, N 7, сс. 78-79; Kostyuk, H., Stalinist Rule in the Ukraine, Munich, 1960, pp. 71-72; Genocide in the USSR, Institute of the Study of the USSR, Munich, Series I, N 40, 1958, pp. 145-146; The Black Deeds of the Kremlin, V. 2, Detroit, 1955.

Сталин в эти годы занят борьбой за власть в Кремле. Но он уже хорошо знает своих будущих противников на пути к созданию тоталитарной империи: это экономически независимое крестьянство и движения за национальную самостоятельность республик. Сталин понимает, что в нерусских республиках эти две силы, по самой своей сущности противостоящие тоталитаризму, тесно связаны между собой. «Основу национального вопроса, его внутреннюю суть все же составляет вопрос крестьянский. Этим именно объясняется, что крестьянство представляет основную армию национального движения», — пишет он в 1925 году.³

Коллективизация на Украине нанесла одновременный удар и по самостоятельной хозяйственной жизни крестьян и по национальным ценностям украинцев. Проводилась она самыми варварскими, самыми бесчеловечными методами. К 1931 году было «конфисковано около 200 000 кулацких хозяйств, их имущество передано в общественные фонды колхозов. Наиболее злобная и активная часть кулаков была выселена в другие районы страны», — читаем мы в «Очерках истории Коммунистической партии Украины».⁴ И 1 миллион 200 тысяч украинских крестьян выслали в Сибирь и Казахстан. Большая часть из них (в первую очередь, дети и женщины) погибла.

Попытка руководства компартии Украины проводить коллективизацию умеренными темпами вызвала недовольство Москвы. В постановлении ЦК КП(б)У и СНК Украины от 25 декабря 1929 года намечалось провести к октябрю 1930 г. коллективизацию 21,6% пахотных земель. Но уже через 10 дней ЦК Всесоюзной КП(б) вынес решение о необходимости ускорить темпы коллективизации на Украине с тем, чтобы завершить ее к 1932 году. И к октябрю 1930 года было коллективизировано не 21, а 70% всей пахоты.

Спешная, непродуманная, экономически не обоснованная, насильственная коллективизация привела к резкому

3. И. В. Сталин, Соч., т. 7, с. 71.

4. Нариси історії Комуністичної партії України, Київ, 1961, с. 388. (перевод с украинского)

упадку сельскохозяйственного производства, в том числе и производства хлеба.

Но план хлебозаготовок был не только не снижен с учетом сложившейся в деревне ситуации, но, напротив, значительно повышен. В 1930 году с Украины было вывезено 7,7 млн тонн зерна (33% всего урожая), тогда как в значительно более благоприятном в этом отношении 1926 году вывезли лишь 3,3 млн тонн. Хлеб этот шел, главным образом, на покрытие экспортных обязательств Советского Союза. Важно и то обстоятельство, что хлебозаготовки с Украины составляли 38% всех хлебозаготовок в СССР, хотя урожаем 1930 года на полях украинской республики составлял лишь 27% всего урожая в Советском Союзе.

Уже в 1930 г. украинские крестьяне не имели достаточного количества зерна для посевной следующего года. В 1931 г. Украина должна была поставить вновь 7,7 млн тонн зерна, несмотря на то, что урожай хлеба (даже по советским статистическим данным) уменьшился почти на 5 млн тонн. И еще около 30 % всего зерна было потеряно при сборе урожая. Весной следующего года с Украины было вывезено 7 млн тонн зерновых (91% плана). Крестьянам осталось по 112 кг хлеба на человека в год — по 300 граммов в день.

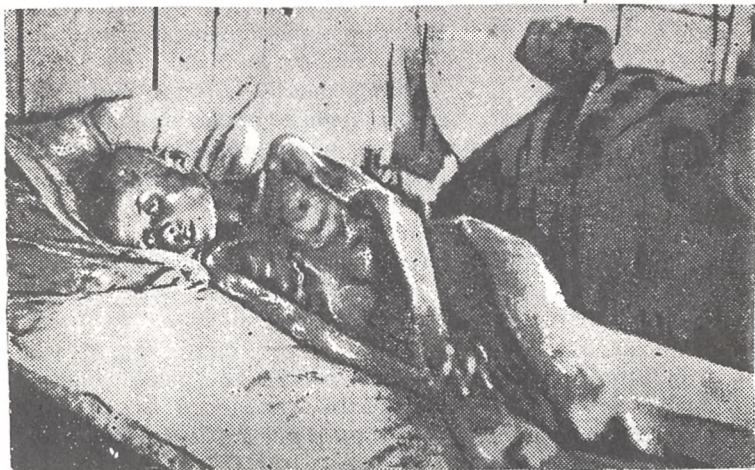
А хлеб — единственное, чем питались крестьяне в украинских селах. Коллективизация привела к массовому падежу скота. Уже в июне 1930 г. на Харьковской областной партконференции Косиор говорил о снижении поголовья скота на 16%.⁵ Газеты того времени постоянно сообщают о массовом падеже коров, овец, свиней и обвиняют в диверсиях кулаков-вредителей (хотя все «кулаки» уже вывезены в Сибирь). Зимой 31-32 годов, например, лишь в одном районе Полтавской области погибло 8 тысяч свиней.⁶ И так было повсюду. Неумение правильно вести хозяйство, отсутствие какой-либо моральной и материальной заинтересованности колхозников в своем труде, бездарная организация производства и плохое обеспечение вновь созданных колхозов — все это привело к тому, что план по мясу выполнялся лишь на 10-20%. Да и то, мясо, что было, вывозилось в

5. «Правда», 2 июня 1930 г.

6. «Вісті ВУЦВК», 3 февраля 1932 г.

индустриальные центры республики или за пределы Украины. Колхозники мяса и не видели. Овощей тоже не было.

Уже к концу 1931 года стало очевидным, что Украине угрожает страшный голод. Весной 32-го все запасы хлеба, что еще оставались у крестьян, забрали под семенной фонд. И все

же в тот год удалось засеять лишь часть всех посевных площадей. Сеять было нечем и некому. Многие крестьяне, чтобы накормить семьи, уходили в поисках хлеба из своих сел.

Надвигался голод. Еще можно было попытаться избежать его. Снизить план хлебозаготовок, дать зерно для посевной из общесоюзного фонда, помочь голодающим районам продуктами из других областей и республик Союза, где дело с хлебом обстояло много лучше. Конечно же, замедлить темпы строительства предприятий тяжелой индустрии, которое велось на деньги, получаемые от продажи крестьянского хлеба. И приостановить процесс коллективизации (например, вернуть часть скота и заготовленный для него корм в руки крестьян, раздать все еще хранящийся в колхозных амбарах хлеб и т. д.). Но ничего этого сделано не было.

Руководство компартии Украины неоднократно обращалось в начале 1932 года в Москву с просьбами уменьшить давление на Украину. Оно предупреждало, что украинское сельское хозяйство находится в критическом состоянии. Но Сталин напролом шел к своей цели — построению тоталитарной коммунистической системы. Для этого необходимо было подавить остатки крестьянской инициативы, заставить крестьян (пусть даже ценой миллионов жизней) беспрекословно работать в колхозе при любых условиях. Тем более, что надо спешить с индустриализацией и милитаризацией страны. И, кроме того, даже малейшее проявление политической самостоятельности украинских коммунистов вызывало у Сталина раздражение. Не забудем, что он считал «национальный вопрос вопросом крестьянским».

В июле 1932 г. Сталин направляет на III Всеукраинскую конференцию КП(б)У, посвященную одному вопросу — положению в деревне, своих подручных Молотова и Кагановича. В ответ на жалобы Скрыпника на то, что у украинских крестьян «уже больше нечего брать, так как уже все забрано под метелку»,⁷ сталинские эмиссары заявили: *«Никаких уступок или колебаний в вопросе выполнения заданий, поставленных партией и советским правительством перед Украиной, не будет!»*⁸

И это в тот момент, когда план производства зерна был выполнен на Украине лишь на 30%, картофеля — на 25%, овощей — на 26% (по данным советской статистики).⁹ О мясе не сообщают вообще.

В этих условиях заявление, сделанное представителями Сталина, означало лишь одно — Кремль сознательно идет на преступление, на массовое убийство голодом украинских крестьян.

Как же на практике проводился сталинский план «хлебозаготовок», а точнее — план уничтожения миллионов людей?

Уже в августе 1932 г. была введена смертная казнь за

7. «Вісті ВУЦВК», 11 июля 1932 г. (перевод с украинского).

8. «Правда», 14 июля 1932 г.

9. «Вісті...», 20 июля 1932 г.

«хищение» колхозной собственности, чем санкционировалось убийство голодных крестьян, собиравших колоски на колхозных полях.

Вскоре Кремль отменил постановление правительства Украины о выдаче колхозникам аванса на трудодни в счет будущего урожая. Вместо этого вынесено решение о прекращении какой-либо выдачи хлеба на трудодень до выполнения плана хлебозаготовок и, кроме того, изъятии у колхозников уже выданного им хлеба, а также перерасчет в фонд хлебозаготовок зерна из других колхозных фондов, включая посевной.¹⁰

Под давлением Москвы была принята резолюция ЦК КП(б)У от 17 ноября 1932 г., где сказано, что в сельских партийных организациях Украины выявлена «непосредственная связь целых групп коммунистов и отдельных руководителей партийных ячеек с кулаками и петлюровцами, в результате чего некоторые партийные организации становятся на сторону классового врага».¹¹ На Украину для проведения хлебозаготовок направляют 112 тысяч членов партии, преимущественно из индустриальных центров Союза, — людей не знающих и не желающих знать проблемы села (это почти в два раза больше, чем прибыло для проведения коллективизации в 29-30 годах).

Были заведены «черные списки» районов, не выполнивших план хлебозаготовок. 6 декабря 1932 г. было вынесено преступное Постановление СНК УССР и ЦК КП(б)У. Приводим его с незначительными сокращениями: «В связи с позорным срывом кампании хлебозаготовок, организованным контрреволюционными элементами при участии и даже во главе с некоторыми коммунистами и при пассивном или равнодушном отношении к этому партийных организаций (названных в постановлении районов), СНК УССР и ЦК КП(б)У решили выставить эти районы на черную доску и применить к ним такие репрессивные меры: 1. Прекратить снабжение этих районов потребительскими товарами и приостановить всякую государствен-

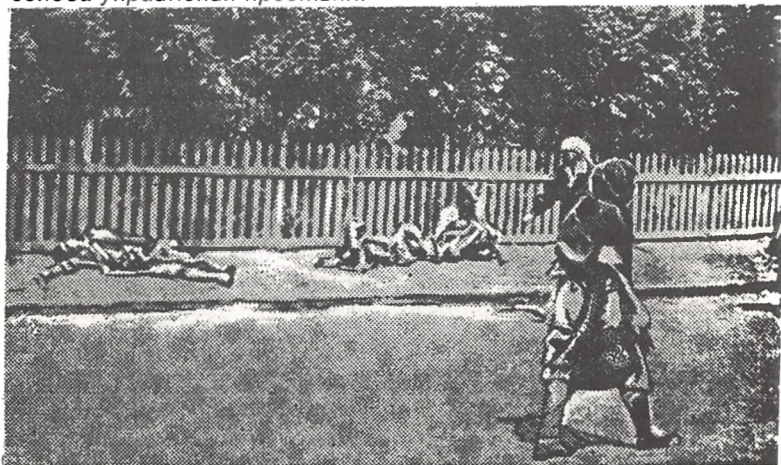
10. В. Голуб, «Причины голоду 1932-1933 років», München, 1958, с. 6.

11. «Комуніст», 18 ноября 1932 г. (перевод с украинского).

ную торговлю, для чего закрыть в этих районах государственные и кооперативные магазины и вывезти из них все имеющиеся товары; 2. Запретить торговлю товарами широкого потребления, которую до сих пор вели колхозы и единоличные хозяйства; 3. Прекратить всякие кредиты этим районам и отобрать назад все, уже предоставленные им, кредиты; 4. Заменить личный состав местного административного и хозяйственного руководства, устранив оттуда все враждебные элементы; 5. Провести то же самое в колхозах, устранив оттуда все те враждебные элементы, которые принимали участие в срыве хлебозаготовки». ¹² На «черную доску» было записано 86 районов Украины.

27 декабря 1932 года решением ЦИК СССР была введена единая паспортная система, прикрепившая крестьян (как крепостных) к их месту жительства, к их колхозам. Вскоре колхозникам запретили работать на фабриках и шахтах.

На вокзалах и дорогах, ведущих в города, куда крестьяне пытались бежать от голода, были выставлены специальные заградительные отряды. Граница с Россией была перекрыта войсками НКВД, которые стреляли в толпы бегущих от голода украинских крестьян.

12. «Вісті ВУЦВК», 8 декабря 1932 г. (перевод с украинского).

Бежать было некуда, есть было нечего, оставалось одно — умирать. Первыми умирали дети и старики. Умирали дома, в полях, среди начинающих зеленеть хлебов нового урожая, на дорогах. Во многих районах вымерло зимой-весной 33-го года до половины всего населения. Целые села вымирали и зарастали бурьяном. Те, кому удавалось все же сквозь заставы пробраться в город, умирали там на улицах. Ежедневно рабочие городов Украины, отправляясь на работу, должны были переступать через трупы. В селах началось людоедство. Матери закапывали в землю своих еще живых детей. Свидетель, переживший этот ад, рассказывал, как в одном селе милиционер, приехавший забрать трупы погибших от голода, предложил умирающему, но еще живому пареньку: «Давай я тебя сегодня свезу на кладбище. Тебе все равно умирать, а мне надо будет за тобой еще завтра лошадей гонять».

*В те дни на Украине ежедневно умирало 25 тысяч человек. Смертность весной 33-го года в пять раз превышала (в процентном отношении ко всему населению) смертность в Индии во время самого страшного голода 1918-19 годов. И вдвое превышала смертность в странах-участницах I мировой войны в 1914-1918 годах.*¹³

В январе 1933 г. на Украину прибыл специальный представитель Сталина Постышев. Руководители Украины умоляли его сделать последнюю попытку спасти людей от неминуемой смерти — выдать колхозникам отобранный у них хлеб, что еще оставался на элеваторах и в государственных хранилищах Украины, откуда его вывозили за границу. В ответ Постышев заявил: «Не может быть и речи о помощи государства поставками зерна для сева. Зерно должны найти и засеять сами колхозы, колхозники и единоличники».¹⁴ Партийцы, милиционеры и части НКВД искали зерно, что еще могло остаться у крестьян, для новой посевной. Да только откуда ему взяться? Люди продолжали умирать.

Виновниками украинской трагедии Постышев и московская партийная печать объявили националистов, прорвавших-

13. В. Гришко, Москва слезам не верить, Нью-Йорк, 1963, сс. 46-47.

14. «Правда», 6 февраля 1933 г.

ся в партию, и процесс «украинизации». 50 000 украинцев были исключены из партии и, в большинстве, арестованы. Чубаря сняли с поста Председателя СНК Украины, Скрыпник застрелился. На смену «украинизации» пришла насильственная русификация. Крестьяне все еще умирали от голода.

Да, очевидно, на украинских коммунистах лежит значительная доля ответственности за трагедию украинского народа. Ответственности за то, что слушали и выполняли решения кремлевского руководства, хорошо понимая: эти решения несут гибель миллионам людей. Но еще большая ответственность ложится на тех, кто непосредственно проводил преступную политику центральной власти (Постышев, Молотов, Каганович), на того, кто определял эту политику (Сталин), на всю систему тоталитарного коммунизма.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

(Отрывки из книги «В подполье можно встретить только крыс»*)

... Я мог, я обязан был видеть, сколь страшная опасность нависла над нашим народом. Я своими ушами слышал, как секретарь ЦК КП(б)У Станислав Косиор — коротышка, в прекрасном отутюженном костюме, с бритой, до блеска, большой круглой головой — летом 1930 года инструктировал нас, отъезжающих в качестве уполномоченных ЦК на уборку урожая:

«Мужик перешел к новой тактике. Он отказывается убирать урожай. Он хочет, чтобы погиб хлеб, чтобы можно было костлявой рукой голода задушить советскую власть. Но враг просчитается. Мы его самого заставим узнать, что такое голод. Ваша задача — сорвать кулацкую тактику саботажа уборки урожая. Убрать все до зернышка и собранное немедленно вывозить на хлебосдачу. Степняки не работают, надеясь на спрятанное в ямах зерно прошлых лет уборки. Надо заставить их раскрыть ямы».

Помню, какое гнетущее впечатление произвело это на меня. С. Косиор пал одной из жертв сталинского террора, но сочувствия у меня к нему нет. То, что он нам говорил на инструктаже свидетельствует, что он один из организаторов искусственного голода. Но тогда я так не думал. У меня вызвал отвращение лишь сам Косиор. Все, что мне впоследствии становилось известно об искусственном голоде на Украине, я невольно относил к Косиору. И когда его арестовали в 1937 году — расценил это как справедливое возмездие за его антинародную деятельность.

Теперь мне ясна и узорность и однобокость моих оценок, и неумение поставить все точки над «і» в инструктивной речи С. Косиора. Другие ведь могли. Когда мы вышли с инструктажа и остались вдвоем с Яшей Злочевским, я спросил его:

* Книга вышла в из-стве «Детинец», Нью-Йорк, 1981 г.

— Ну, что скажешь?

Он пожал плечами. Лицо его было печально. В голубых глазах — тоска.

— Мне кажется Косиор — дурак или вредитель! — произнес я.

— А что тебе не нравится?

— Да он же фактически голод хочет организовать.

— Ага! Ты, значит, тоже заметил это? — как-то внезапно оживился Яша.

— Ну как же не заметить? Я же сам из села и твердо знаю, что сегодня ямы с зерном — миф. Они были в начале 20-х годов, а в НЭП с ними покончено.

— Косиор это тоже прекрасно знает.

— Ну тогда он подлец, враг народа, — резко бросил я.

— Не он один. Все они растленные типы. Для них человек — ничто. Власть им нужна любой ценой. Ради нее они никого не пожалеют, даже друг друга, — он говорил, как рубил, бросая слово за словом, лицо его заострилось, сделалось злым, глаза сверкали..

До самой глубины души моей дошло, что сейчас он говорит свое самое сокровенное. Даже вид у него стал иной, чем обычно. Он выглядел значительно старше, чем всегда. умудренным жизнью человеком. И я, подаваясь настроению, воскликнул:

— Надо немедленно написать Сталину об инструктаже!

— Ни в коем случае, — тихо, но как-то очень твердо произнес он. — Ты что, думаешь он лучше? Давай честно делать свое дело. Вот встретимся с крестьянами и постараемся помочь им понять, что сейчас воевать с властью невыгодно. Хлеб надо убрать, но так, чтоб и себе осталось. И не в поле, а в закромах...

В декабре 1931 года, уже будучи слушателем Военно-технической академии в Ленинграде, я получил телеграмму, подписанную мачехой: «Приезжай, тяжело болен отец». В тот же день я оформил краткострочный отпуск и выехал. Не успел получить только паек. Вместо него взял аттестат.

Когда поезд стал подъезжать к Белгороду, у меня

закралась в сердце тревога. Станции были забиты полураздетыми людьми и худющие детишки буквально осаждали вагоны: «Хлеба, хлеба, хлеба!» И чем дальше на Украину шел наш поезд, тем больше голодных рвалось к нему. Поэтому, прибыв в Бердянск я первым долгом помчался в военкомат, обменять аттестат на продукты. Но не тут-то было. Меня направили лично к военкому. Тот удивленно посмотрев на меня, сказал:

— Да ты, наверное, с ума сошел. Из Ленинграда ехал сюда с бумажкой, вместо продуктов. Я своим пайки не выдаю, а ты хочешь, чтобы я тебе выдал...

После долгих уговоров он разрешил за двухнедельный аттестат на курсантский паек, предусматривающий белый хлеб, масло, рыбу, икру, сыр, печенье, конфеты, папиросы... выдать две буханки неизвестно из чего сделанного, совершенно сырого хлеба.

После всего этого я уже не удивился увиденному в Борисовке. А увидел я совершенно пустынные улицы села. Несколько человек, попавшихся навстречу, равнодушно прошли мимо, даже не ответив на приветствие (случай совершенно невероятный для прежнего украинского села). Отец бы дома. Он с большим трудом мог встать на ноги. У него явно начинался безбелковый (голодный) отек. Из съедобного в доме оставалась одна небольшая тыква. Это в середине декабря 1931 года.

Мне было ясно, чтобы спасти отца, его надо немедленно вывезти. Поэтому я сказал: «Иду в колхоз за подводой. А вы соберитесь, чтобы сразу грузиться и ехать». Отец возражал, впрочем довольно безразлично, что нужно бы отобрать необходимое и упаковаться. Я ответил, чтобы брали лишь то, что нужно в дороге. Все остальное — бросить.

В правлении колхоза сидел один единственный человек. Это был Коля Сезоненко — первый секретарь нашей Борисовской ячейки комсомола. Теперь он был колхозным счетоводом. Сидел он за совершенно пустым столом, если не считать старенькие канцелярские счеты, чуть опустив голову и уставившись взглядом в стол.

— Здравствуй, Мыкола! — приветствовал я его.

— А-а, Петро! — не глядя на меня и не двинув ни одним членом, произнес он. — За отцом приехал. Спасибо, что не

забыл. Забирай, вывози, может и спасешь. Ну, а нам уже не спастись. — Он продолжал говорить, сидя по-прежнему совершенно неподвижно, ровным голосом, тоном абсолютного безразличия.

— Мне бы подводу, Мыкола.

— Да ты иди на конюшню. Скажи, что я велел. Да они и сами тебя послушают.

Я подошел проститься. Он задержал мою руку: «Постой. Тебе же еще нужна справка, что колхоз отпустил твоего отца на заработки, а то ж в городе его не пропишут». — И он написал мне справку, подписал за председателя и за себя, и пристукнул гербовой печатью.

— Ну, а теперь иди, а то можешь живым не довести своего «заробитняка».

— Спасибо, Мыкола. Я о вашей беде ничего не знал и приехал без продуктов. Как возвращусь в Ленинград, то сразу же напишу в ЦК. И я думаю, вам помогут. Так что, Мыколо, постарайся продержаться еще немножко.

Я говорил вполне искренне и верил в то, что партия поможет. Но Коля уже ни во что не верил. В ответ он сказал:

— Да ты что, думаешь, что там не знают! Хорошо знают.

Это же начальство и создало этот голод. Нас еще в прошлом году довели почти до голода. Мы собрали весь хлеб, а у нас его забрали под метелку. Соседи, которые все оставили в валках, тянули те валки потом домой и молотили, а мы перебивались чем попало, да кое-что осталось от прошлых лет. А в этом году мы снова все обмолотили и сдали. Теперь и у соседей все под чистую замели. А валки, которые остались в поле, — пожгли. Но у соседей кое-что осталось от прошлых лет, а у нас все закончено в зиму прошлого года. Это, Петро, страшно что делается. Правду твой дядя Александр говорил, когда его из его хаты выгоняли: «истребляют трудящихся крестьян нашими же руками».

Это была моя последняя встреча с Колей. Подводу снарядили мне быстро. Все эти умирающие люди радовались тому, что одного из них кто-то спасает. На обратном пути я видел на улице два трупа. А это же был еще только декабрь.

ВСЕ ТЕЧЕТ...

(Главы из повести)*

14

Иван Григорьевич во сне увидел мать. Она шла по дороге, сторонясь потока тягачей, самосвалов; она не видела сына, он кричал: «мама, мама, мама...», но тяжелый гул тракторов заглушал его голос.

Он не сомневался, что она в суতোлке дороги узнает в седом лагернике своего сына, только бы услышала, только бы оглянулась.

Он в отчаянии открыл глаза, над ним склонилась полуодетая женщина, — он во сне звал мать, и женщина подошла к нему.

Она была рядом с ним. Он почувствовал сразу, всем существом своим, что она прекрасна. Она слышала, как он кричал во сне, и она подошла к нему, испытывая к нему нежность и жалость. Глаза женщины не плакали, но он увидел в них нечто большее, чем слезы сочувствия, увидел то, чего он никогда не видел в глазах людей.

Она была прекрасна потому, что она была добра. Он взял ее за руку. Она легла рядом с ним, и он ощутил тепло, ее нежную грудь, ее плечи, ее волосы. Казалось, он ощущал не наяву, а во сне: наяву он никогда не бывал счастлив.

Вся она была доброта, и он понимал телесным существом своим, что ее нежность, ее тепло, ее шепот прекрасны, потому что сердце ее полно доброты к нему, потому что любовь есть доброта.

Первая любовная ночь.

— Вспоминать это не хочется, тяжело очень, а не забудешь тоже. Вот живет оно — то ли спит, не спит. Железо в сердце, словно осколок. Не отмахнешься от него. Как забыть... Я вполне взрослая была.

* Полностью повесть опубликована в из-стве «Посев» в 1970 г.

Милый мой, я мужа очень любила. Я красивая была, а все же плохая, не добрая. Мне тогда двадцать два года было. Ты меня не полюбил бы тогда и красивую. Я знаю, я как женщина чувствую: не только я для тебя то, что мы рядом с тобой легли. А я смотрю на тебя, ты не сердись, как на Христа. Все хочется перед тобой, как перед Богом, каяться. Хороший мой, желанный, я хочу тебе об этом рассказать, все вспомнить, что было.

Нет, при раскулачивании голода не было, упали только лошади. А голод пришел в тридцать втором, на второй год после раскулачивания.

Я в рике полы мыла, а подруга моя — в земотделе, и мы много знали, я могу все, как было, рассказать. Счетовод мне говорил: «Тебе министром быть». Я действительно быстро понимаю, и память у меня хорошая.

Раскулачивание началось в двадцать девятом году, в конце года, а главный разворот стал в феврале и марте тридцатого.

Вот вспомнила: прежде чем арестовывать, на них обложение сделали. Они раз выполнили, вытянули, во второй раз — продавали кто что мог, только чтобы выполнить. Им казалось — если выплатят, государство их помиует. Некоторые скотину резали, самогон из зерна гнали — пили, ели, все равно, говорили, жизнь пропала.

Может быть, в других областях по-иному было, а в нашей именно так шло. Начали арестовывать только глав семейств. Большинство взяли таких, кто при Деникине служил в казачьих частях. Аресты одно ГПУ делало, тут актив не участвовал. Первый набор весь расстреляли, никто не остался в живых. А тех, что арестовали в конце декабря, продержали в тюрьмах два-три месяца и послали на спецпереселение. А когда отцов арестовывали, семей не трогали, только делали опись хозяйства, и семья уже не считалась владеющей, а принимала хозяйство на сохранение.

Область спускала план — цифру кулаков — в районы, районы делили свою цифру сельсоветам, а сельсоветы уже списки составляли. Вот по этим спискам и брали. А кто составлял? Тройка. Мутные люди определяли — кому жить, кому смерть. Ну и ясно, — тут уж всего было — и взятки, и из-за

бабы, и за старую обиду. И получалось всегда — беднота попадала в кулаки, а кто побогаче — откупались.

А теперь я вижу, не в том беда, что, случалось, списки составляли жулики. Честных в активе больше было, чем жулья, а злодейство от тех и других было одинаковое. Главное, что все эти списки злодейские, несправедливые были, а уж кого в них вставить — не все ли равно. И Иван невинный, и Петро невинный. Кто эту цифру дал на всю Россию? Кто этот план дал на все крестьянство? Кто подписал?

Отцы сидят, а в начале тридцатого года семьи стали забирать. Тут уж одного ГПУ не хватало, актив мобилизовали, все свои же, люди знакомые, но они какие-то обалделые стали, как околдованные, пушками грозятся, детей кулацкими выблядками называют, «Кровососы!» кричат, а в кровососах со страху в самих ни кровинки не осталось, белые, как бумага. А глаза у актива, как у котов, стеклянные. И ведь в большинстве свои же. Правда, околдованные, — так себя уговорили, что касаться ничего не могут: полотенце поганое, и за стол паразитский не сядут, и ребенок кулацкий омерзительный, и девушка хуже воши. И смотрят они на раскулачиваемых, как на скотину, на свиней, и все в кулаках отвратительно — и личности, и души в них нет, и воняет от кулаков, и все они венерические, а главное — враги народа и эксплуатируют чужой труд. А беднота, да комсомол, и милиция — это все чапаевы, одни герои, а посмотреть на этот актив: люди как люди, и сопливые среди них есть, и подлецов хватает.

На меня тоже стали эти слова действовать, девчонка совсем, а тут и на собрании, и специальный инструктаж, и по радио передают, и в кино показывают, и писатели пишут, и сам Сталин, все в одну точку: кулаки — паразиты, хлеб жгут, детей убивают. И прямо объявили: поднимать ярость масс против них, уничтожить их всех как класс, проклятых... И я стала околдовываться, и всё кажется: вся беда от кулаков, и если уничтожить их, сразу для крестьянства счастливое время наступит.

И никакой к ним жалости: они не люди, а не разберешь что, твари. И я в активе стала. А в активе всего было: и такие, что верили и паразитов ненавидели, и за беднейшее

крестьянство, и были, что свое дела обделывали, а больше всего, что приказ выполняли — такие и отца с матерью забьют, только бы исполнить по инструкции. И не те самые поганые, что верили в счастливую жизнь, если уничтожить кулаков. И лютые звери и те не самые страшные. Самые поганые, что на крови дела свои обделывали, кричали про сознательность, а сами личный счет сводили и грабили. И губили ради интереса, ради барахла, пары сапог, а погубить легко — напиши на него, и подписи не надо, что на него батрачили, или имел трех коров — и готов кулак. И все это я видела, волновалась, конечно, но в глубине не переживала — если бы на ферме скотину не по правилу резали, я бы волновалась, конечно, сильно, но сна бы не лишилась.

...Неужели не помнишь, как ты мне ответил? А я не забуду твоих слов. От них — видно, они дневные. Я спросила, как немцы могли у евреев детей в камерах душить, как они после этого могли жить, неужели ни от людей, ни от Бога так и нет им суда? А ты сказал: суд над палачом один — он на жертву свою смотрит не как на человека и сам перестает быть человеком, в себе самом человека казнит, он самому себе палач; а загубленный остается человеком навек, как его ни убивай. Вспомнил?

Я понимаю теперь, почему я в кухарки пошла, не захотела быть председателем колхоза. Да я раньше тебе уже про это говорила.

И я вспоминаю теперь раскулачивание и по-другому вижу все — расколдовалась, людей увидела. Почему я такая заледенелая была? Ведь как люди мучились, что с ними делали! А я говорила: это не люди, это кулачье. А и вспоминаю, вспоминаю и думаю: кто слово такое придумал: кулачье? неужели Ленин? Какую муку принял! Чтобы их убить, надо было объявить: кулаки — не люди. Вот также, как немцы говорили: жида — не люди. Так и Ленин, и Сталин: кулаки не люди. Неправда это! Люди! Люди они! Вот что я понимать стала. Все люди!

Ну вот, в начале тридцатого года стали семьи раскулачивать. Самая горячка была в феврале и марте. Торопили из района, чтобы к посевной кулаков уже не было, а жизнь пошла по-новому. Так мы говорили: первая колхозная весна.

Актив, ясно, выселял. Инструкции не было, как выселять.

Один председатель нагонит столько подвод, что имущества не хватало, звание — кулаки, а подводы полупустые шли. А из нашей деревни гнали раскулаченных пешком. Только, что на себя взяли, — постель, одежду. Грязь была такая, что сапоги с ног стаскивала. Нехорошо было на них смотреть. Идут колонной, на избы оглядываются, от своей печки тепло еще на себе несут; что они пережили — ведь в этих домах родились, в этих домах дочек замуж отдавали. Истопили печку, а щи недоваренные остались, молоко недопитое, а из труб еще дым идет, плачут женщины, а кричать боятся. А нам хоть бы что: актив — одно слово. Подгоняем их, как гусей. А сзади тележка — на ней Пелагея слепая, старичок Дмитрий Иванович, который лет десять через ноги из хаты не выходил, и Маруся-дурочка, парализованная, кулацкая дочь, ее в детстве копытом лошадь по виску ударила — и с тех пор она обомлела.

А в райцентре нехватка тюрем. Да и какая в райцентре тюрьма — каталажка. А тут еще ведь сила — из каждой деревни народная колонна. Кино, театр, клуб, школы под арестантов пошли. Но держали людей недолго. Погнали на вокзал, а там на запасных путях эшелоны ждали, порожняк товарный. Гнали под охраной — милиция, ГПУ, как убийц: дедушки да бабушки, бабы да дети, отцов-то нет, их еще зимой забрали. А люди шепчут: «кулачье гонят», словно на волков. И кричали им некоторые: «вы — проклятые», а они уже не плачут, каменные стали...

Как везли, я сама не видала, но от людей слышала, ездили наши за Урал, к кулакам в голод спасаться, я сама от подруги письмо получила; потом убегали из спецпереселения некоторые, я с двумя говорила...

Везли их в опечатанных теплушках, вещи шли отдельно, с собой только продукты взяли, что на руках были. На одной транзитной станции, подруга писала, отцов в эшелон посадили, была в тот день в этих теплушках радость великая и слезы великие... Ехали больше месяца: пути эшелонами забиты, со всей России крестьян везли. Впритир лежали, и нар не было в скотских вагонах. Конечно, больные умирали в дороге, не доезжали. Но, главное, что: кормили — на узловых станциях ведро баланды, хлеб двести грамм.

Конвой военный был. У конвоя — злобы не было, как к скотине, — так мне подруга писала.

А как там было, — мне это беглые рассказывали: область их разверстывала по тайге. Где деревушка лесная, — там нетрудоспособных в избы набили, тесно, как в эшелоне. А где деревни вблизи нет, — прямо на снег сгружали. Слабые помирали. А трудоспособные стали лес валить, пней, говорят, не корчевали, они не мешали. Деревья выкатывали и строили шалаши, балаганы, без сна почти работали, чтобы семьи не померзли; а потом уже стали избушки класть, две комнатки, каждая на семью. На мху клали, мхом шпаклевали.

Трудоспособных закупили у энкаведе леспромхозы, снабжение от леспромхоза, а на иждивенцев паек. Называлось трудовой поселок, — комендант, десятники. Платили, рассказывали, наравне с местными, но заработок весь на заборные книжки уходил. Народ могучий наш — стали скоро больше местных получать. Права не имели за пределы выйти — или в поселке, или на лесосеке. Потом уж, я слышала, в войну им разрешили в пределах района, а после войны разрешили героям труда и вне района, кое-кому паспорта дали.

А подруга мне писала: из нетрудоспособного кулачества стали колонии сбивать — на самоснабжении. Но семена в долг дали и до первого урожая от энкаведе на пайке. А комендант и охрана обыкновенно — как в трудовых поселках. Потом их в артели перевели, у них там, помимо коменданта, выборные были.

А у нас новая жизнь без раскулаченных началась. Стали в колхоз сгонять — собрания с утра, крик, матерщина. Одни кричат: не пойдем! Другие: ладно уж, пойдем, только коров не отдадим. А потом пришла Сталина статья — головокружение от успехов. Опять каша: кричат — Сталин не велит силой в колхозы гнать. Стали на обрывках газет заявления писать: выбываю из колхоза в единоличные. А потом опять загонять в колхозы стали. А вещи, что остались от раскулаченных, большею частью раскрадывали.

И думали мы, что нет хуже кулацкой судьбы. Ошиблись! По деревенским топор ударил, как они стояли все, от мала до велика.

Голодная казнь пришла.

А я тогда уже не помыла, счетоводом была. И меня, как активистку, послали на Украину для укрепления колхоза. У них, нам объясняли, дух частной собственности сильнее, чем в Рэсэфэсэр. И правда, у них еще хуже, чем у нас, дело шло. Послали меня не далеко — мы ведь на границе с Украиной, трех часов езды от нас до этого места не было. А место красивое. Приехала я туда — люди, как люди. И стала я в правлении ихним счетоводом.

Я во всем, мне кажется, разбиралась. Меня, видно, недаром старик министром называл. Это я тебе только говорю, потому что тебе, как себе, а постороннему человеку я никогда не похвастаюсь про себя. Всю отчетность я без бумаг в голове держала. И когда инструктаж был, и когда наша тройка заседала, и когда руководство водку пило, я все разговоры слушала.

Как было? После раскулачивания очень площади упали и урожайность стала низкая. А сведения давали, будто без кулаков сразу расцвела наша жизнь. Сельсовет врет в район, район в область, область в Москву. Все как нужно: центр области, области по районам. И нам дали в село заготовку — за десять лет не выполнить! В сельсовете и те, что не пили, со страху перепились. Видно, Москва больше всего на Украину понадеялась. Потом на Украину и больше всего злобы было. Разговор-то известный — не выполнил, значит, сам недобитый кулак.

Конечно, поставки нельзя было выполнить — площади упали, урожайность упала, откуда же его взять, море колхозного зерна? Значит, спрятали! Недобитые кулаки, лодыри. Кулаков убрали, а кулацкий дух остался. Частная собственность у хохла в голове хозяйка.

Кто убийство массовое подписал? Я часто думаю — неужели Сталин? Я думаю, такого приказа, сколько Россия стоит, не было не разу. Такого приказа не то что царь, и татары, и немецкие оккупанты не подписывали. А приказ — убить голодом крестьян на Украине, на Дону, на Кубани, убить с малыми детьми. Указание было забрать и семенной фонд весь. Искали зерно, как будто не хлеб это, а бомбы, пулеметы. Землю истыкали штыками, шомполами, все подпопы перекопали, все помы повзламывали, в огородах искали. У некоторых забирали зерно, что в хатах было, — в горшки, в

корыта насыпано. У одной женщины хлеб печеный забрали, погрузили на подводу и тоже в район отвезли. Днем и ночью подводы скрипели, пыль над всей землей висела, а элеваторов не было, ссыпали на землю, а кругом часовые ходят. Зерно к зиме от дождя намокло, гнить стало — не хватило у советской власти брезента мужицкий хлеб прикрыть.

А когда еще из деревень везли зерно, кругом пыль поднялась, все в дыму: и село, и поле, и луна ночью. Один с ума сошел: небо горит, земля горит! Кричит! Нет, небо не горело, это жизнь горела.

Вот тогда я поняла: первое для советской власти — план. Выполни план! Сдай разверстку, поставки! Первое дело — государство. А люди — нуль без палочки.

Отцы и матери хотели детей спасти, хоть немного хлеба спрятать, а им говорят: у вас лютая ненависть к стране социализма, вы план хотите сорвать, тунядцы, подкулачники, гады. Не план сорвать, детей хотим спасти, самим спастись. Кушать ведь людям нужно.

Рассказать я все могу, только в рассказе — слова, а это — жизнь, мука, смерть голодная. Между прочим, когда забирали хлеб, объясняли активу, что из фондов кормить будут. Неправда это была. Ни зерна голодным не дали.

Кто отбирал хлеб? Большинство свои же: из рика, из райкома, ну комсомол, свои же ребята, хлопцы, конечно, милиция, энкаведе, кое-где войска даже были, я одного мобилизованного московского видела, но он не старался как-то, все стремился уехать. И опять, как при раскулачивании, люди все какие-то обалделые, озверелые стали.

Гриша Саенко, милиционер, он на местной деревенской был женат и приезжал гулять на праздник, веселый и хорошо танцевал танго и вальс, и пел украинские песни деревенские. А тут к нему подошел дедушка совсем седенький и стал говорить: «Гриша, вы нас всех заничиваете, это хуже убийства. Почему рабоче-крестьянская власть такое против крестьянства делает, чего царь не делал?..» Гриша пихнул его, а потом пошел к колодцу руки мыть, сказал людям: «Как я буду ложку рукой брать, когда я этой паразитской морды касался».

А пыль — и ночью, и днем пыль, пока хлеб везли. Луна — в

полнеба камень, и от этой луны все диким кажется, и жарко так ночью, как под овчиной, и поле хоженное-перехоженное, как смертная казнь страшное.

И люди стали какие-то растерянные, и скотина какая-то дикая, пугается, мычит, жалуется, и собаки выли сильно по ночам. И земля потрескалась.

Ну вот, а потом осень пришла без дождя, а потом зима снежная. А хлеба нет.

И в райцентре не купить, потому что карточная система. И на станции не купишь, в палатке — потому что военизированная охрана не допускает. А коммерческого хлеба нет.

С осени стали нажимать на картошку, без хлеба быстро она пошла. А к Рождеству начали скотину резать. Да и мясо это на костях, тощее. Курей порезали, конечно. Мясо быстро подъели, а молока глоточка не стало, по всей деревне яичка не достанешь. А главное — без хлеба. Забрали хлеб у деревни до последнего зерна. Ярового нечем сеять, семенной фонд до зернышка забрали. Вся надежда на озимые. Озимые под снегом еще, весны не видно, а уж деревня в голод входит. Мясо съели, пшено, что было, подъедают вчистую, картошку, у кого семьи большие, съели всю.

Ужас сделался. Матери смотрят на детей и от страха кричать начинают. Кричат, будто змея в дом вползла. А эта

змея — смерть, голод. Что делать? А в голове у селян только одно — что бы покушать. Сосет, челюсти сводит, слюна набегаёт, все глотаешь её, да слюной не накушаешься. Ночью проснешься, кругом тихо, ни разговору, ни гармошки. Как в могиле. Только голод ходит, не спит. Дети по хатам с самого утра плачут — хлеба просят. А что мать им даст — снегу? А помощи ни от кого. Ответ у партийных один — работать надо было, лодырничать не надо было. А ещё отвечали: у себя самих поищите, в вашей деревне хлеба закопали на три года.

Но зимой ещё настоящего голода не было. Конечно, вялые стали, животы вздуло от картофельных очистков, но опухших не было. Стали желуди из-под снега копать, сушили их, а мельник развел жернов пошире, молот желуди на муку. Из желудей хлеб пекли, вернее, лепешки. Они темные очень, темнее ржаного хлеба. Кое-кто добавлял отрубей или картофельных очистков толченых. Желуди быстро кончились — дубовый лесок небольшой, а в него сразу три деревни кинулись. А приехал из города уполномоченный и в сельсовете говорит: вот паразиты, из-под снега голыми руками желуди таскают, только бы не работать.

В школу старшие классы почти до самой весны ходили, а младшие зимой перестали. А весной школа закрылась — учительница в город уехала. И с медпункта фельдшер уехал: кушать стало нечего. Да и не вылечишь голода лекарствами. Деревня одна осталась — кругом пустыня и голодные в избах. И представители разные из города ездить перестали — чего ездить? Взять с голодных нечего, значит, и ездить не надо. И лечить не надо, и учить не надо. Раз с человека держава взять ничего не может, — он становится бесполезным. Зачем его учить да лечить?

Сами остались, отошло от голодных государство. Стали люди по деревням ходить, просить друг у друга, нищие у нищих, голодные у голодных. У кого детей поменьше или одинокие, у таких кое-что к весне оставалось, вот многодетные у них просили. И случалось, давали горстку отрубей или картошек парочку. А партийные не давали — и не от жадности или по злобе, боялись очень. А государство зернышка голодным не дало, а оно ведь на крестьянском хлебе стоит. Неужели Сталин про это знал? Старики рассказывали: голод бывал при Николае — все же помогали, и в долг давали, и в

городах крестьянство просило Христа ради, кухни такие открывали, и пожертвования студенты собирали. А при рабоче-крестьянском правительстве зернышка не дали, по всем дорогам заставы и войска, милиция, энкаведе: не пускают голодных из деревень, к городу не подойдешь, вокруг станции охрана, на самых малых полустанках охрана. Нету вам, кормильцы, хлеба. А в городе по карточкам рабочим по восемьсот грамм давали. Боже мой, мыслимо ли это — столько хлеба — восемьсот грамм! А деревенским детям ни грамма. Вот как немцы, детей еврейских в газу душили — вам не жить, вы жида. А здесь совсем не поймешь: тут советские — и тут советские, и тут русские — и тут русские, и власть рабоче-крестьянская, а за что же эта погибель.

А когда снег таять стал, вошла деревня по горло в голод.

Дети кричат, не спят: и ночью хлеба просят. У людей лица, как земля, глаза мутные, пьяные. И ходят сонные, ногой землю щупают, рукой за стенку держатся. Шатает голод людей. Меньше стали ходить, все больше лежат. И все им мерещится — обоз скрипит, из райцентра прислал Сталин муку — детей спасать.

Бабы крепче оказались мужчин, злее за жизнь цеплялись. А досталось им больше — дети кушать у матерей просят. Некоторые женщины уговаривают, целуют детей: «ну, не кричите, терпите, где я возьму?» Другие, как бешеные становятся: «не скули, убью!», и били чем попало, только бы не просили. А некоторые из дому выбегали, у соседей отсиживались, чтобы не слышать детского крика.

К этому времени кошек и собак не осталось — забили. И ловить их было трудно — они опасались людей, глаза дикие у них стали. Варили их, жилы одни сухие, из голов студень вываривали.

Снег стаял, и пошли люди опухать, пошел голодный отек — лица пухлые, ноги, как подушки, в животе вода, мочатся все время — на двор не успевают выходить. А крестьянские дети! Видел ты, в газете печатали — дети в немецких лагерях? Одинаковы: головы, как ядра тяжелые, шеи тонкие, как у аистов, на руках и ногах видно, как каждая косточка под кожей ходит, как двойные соединяются, весь скелет кожей, как желтой марлей затянут. А лицо у детей старенькое, замученное, словно младенцы семьдесят лет на свете уже

прожили, а к весне уж не лица стали: то птичья голова с клювиком, то лягушачья мордочка — губы тонкие, широкие, третий, как пескарик, — рот открыт. Не человеческие лица. А глаза, Господи! Товарищ Сталин, Боже мой, видел ли ты эти глаза? Может быть, и в самом деле он не знал, он ведь статью написал про головокружение.

Чего только ни ели — мышей ловили, крыс ловили, гадюк, воробьев, муравьев, земляных червей копали, стали кости на муку толочь, кожу, подошву, шкуры старые вонючие на лапшу резать, клей вываривали. А когда трава поднялась, стали копать корни, варить листья, почки — все в ход пошло: и одуванчик, и лопух, и колокольчик, и иван-чай, и сныть, и борщевик, и крапива, и очиток. Липовый лист сушили, толкли на муку, но у нас липы мало было. Лепешки из липы — зеленые, хуже желудевых.

А помощи нет! Да тогда уж не просили! Я и теперь, когда про это думать начинаю, с ума схожу — неужели отказался Сталин от людей? На такое страшное убийство пошел. Ведь хлеб у Сталина был. Значит, нарочно убивали голодной смертью людей. Не хотели детям помочь. Неужели Сталин хуже Ирода был. Неужели, думаю, хлеб да зерно отнял, а потом убил людей голодом. Нет, не может такого быть. А потом думаю: было, было! И тут же — нет, не могло того быть.

Вот когда еще не обессилели, ходили полем к железной дороге, не на станцию, на станцию охрана не пускала, а прямо на пути. Когда идет скорый поезд Киев—Одесса, на колени становятся и кричат: хлеба, хлеба! Некоторые своих старших детей поднимают. И случалось, бросали люди куски хлеба, объедки разные. Отгрохочет, пыль уляжется, и ползает деревня вдоль пути, корки ищет. Но потом вышло распоряжение: когда поезд через голодные области шел, охрана окна закрывала и занавески опускала. Не допускали пассажиров к окнам. Да и сами деревенские ходить перестали — сил не стало не то что до рельсов дойти, а из хаты во двор выползти.

Я помню, один старик принес председателю кусок газеты, подобрал его на путях. И там заметка, француз приехал, министр знаменитый, и его повезли в Днепропетровскую область, где самый страшный мор был, еще хуже нашего, там люди людей ели, и вот в село его привезли, в колхозный детский садик, и он спрашивает: «Что вы сегодня

на обед кушали?» А дети отвечают: «Куриный суп с пирожком и рисовые котлеты». Я сама читала, вот как сейчас вижу этот кусок газеты. Что ж это? Убивают, значит, на тихаря миллионы людей и весь свет обманывают! Куриный суп, пишут! Котлеты! А тут червей всех съели. А старик председателю сказал: «При Николае на весь свет газеты про голод писали: „помогите, крестьянство гибнет!“ А вы, ироды, театры представляете».

Завыло село, увидело свою смерть. Всей деревней выли — не разумом, не душой, а как листья от ветра шумят, или солома скрипит. И тогда меня зло брало — почему они так жалобно воют, уже не люди стали, а кричат так жалобно. Надо каменной быть, чтобы слушать этот вой и свой пайковый хлеб кушать. Бывало выйду с пайкой в поле, и слышно: воют. Пойдешь дальше, вот-вот, кажется, стихло, пройду еще: и опять слышно становится, — это уж соседняя деревня воет. И кажется — вся земля вместе с людьми завыла. Бога нет, кто услышит?

Мне один энкаведе сказал: «Знаешь, как в области ваши деревни называют: кладбище суровой школы». Но я сперва не поняла этих слов.

А погода какая стояла хорошая! В начале лета шли дожди, такие быстрые, легкие, солнце жаркое вперемежку с дождем, и от этого пшеница стеной стояла, топором ее руби, и высокая, выше человеческого роста. В это лето радуги сколько я нагладелась, и грозы, и дождя теплого, цыганского.

Гадали все зимой, будет ли урожай, стариков распрашивали, примеры перебирали — вся надежда была на озимую пшеницу. И надежда оправдалась, а косить не смогли. Зашла я в избу. Люди лежат, то ли еще дышат, то ли уже не дышат, кто на кровати, кто на печке, а хозяйская дочь, я ее знала, лежит на полу в каком-то беспмятстве, зубами грызет ножку у табуретки. И так страшно это — услышала она, что я вошла, не оглянулась, а заворчала, как собака ворчит, если к ней подходят, когда она кость грызет.

Пошел по селу сплошной мор. Сперва дети, старики, потом средний возраст. Вначале закапывали, потом уже не стали закапывать. Так мертвые и валялись на улицах, во дворах, а последние в избах остались лежать. Тихо стало.

Умерла вся деревня. Кто последним умирал, я не знаю. Нас, которые в правлении работали, в город забрали.

Попала я сперва в Киев. Стали как раз в эти дни коммерческий хлеб давать. Что делалось! Очереди по полкилометра с вечера становились. Очереди, знаешь, разные бывают — в одной стоят, посмеиваются, семечки грызут, в другой номера на бумажку списывают, в третьей, где не шутят, на ладони пишут либо на спине мелом. А тут очереди особые — я таких больше не видела: друг дружку обхватывают за пояс и стоят один к одному. Если кто оступится, всю очередь шатанет, как волна по ней проходит. И словно танец начинается — из стороны в сторону. И все сильнее качаются. Им страшно, что не хватит силы за передового цепляться и руки разожмутся — и от этого страха женщины кричать начинают, и так вся очередь воет, и кажется, они с ума посходили и поют да танцуют. А то шпана в очередь врывается: смотрят, где цепь легче порвать. И когда шпана подходит, все снова воют от страха, и кажется, что они поют. В очереди за коммерческим хлебом стоял народ городской — лишенцы, беспартийные, ремесло, либо пригородные.

А из деревни ползет крестьянство. На вокзалах оцепление, все составы обыскивают. На дорогах всюду заставы — войска, энкаведе, а все равно добираются до Киева — ползут полем, целиной, болотами, лесочками, только бы заставы миновать на дорогах. На всей земле заставы не поставишь. Они уж ходить не могут, а только ползут. Народ спешит по своим делам: кто на работу, кто в кино, трамваи ходят, а голодные среди народа ползут — дети, дядьки, дивчины, и кажется — это не люди, какие-то собачки или кошки паскудные на четвереньках. А оно еще хочет по-человечески, стыд имеет, дивчина ползет опухшая, как обезьяна: скулит, а юбку поправляет, стыдится, волосы под платок прячет — деревенская, первый раз в Киев попала. Но это счастливые поползли, один на десять тысяч. И все равно им спасения нет — лежит голодный на земле, шипит, просит, а кушать он не может, краюшка рядом, а он уже ничего не видит, доходит.

По утрам ездили платформы, битюги, собирали, которые за ночь умерли. Я видела одну платформу — дети на ней сложены. Вот как я говорила — тоненькие, длинненькие,

личики, как у мертвых птичек, клювики острые. Долетели эти пташки до Киева, а что толку. А были среди них — еще пищали, головки, как налитые мотаются. Я спросила возчика, он рукой махнул: пока довезу до места — притихнут.

Я видела — дивчина одна поползла поперек тротуара, ее дворник ногой ударил, она на мостовую скатилась. И не оглянулась даже, ползет быстро, старается, откуда еще сила. И еще платье отряхивает, запылилась, видишь. А я в этот день газету московскую купила, прочла статью Максима Горького, что детям нужны культурные игрушки. Неужели Максим Горький не знал про тех детей, что битюги на свалку возили — им, что ли, игрушки? А может быть, он знал? И так же молчал, как все молчали. И так же писал, как те писали, будто эти мертвые дети едят куриный суп. Мне этот ломовой сказал: больше всего мертвых возлè коммерческого хлеба — сжует опухший кусочек, и готов. Запомнился мне Киев этот, хотя я там всего три дня пробыла.

Вот что я поняла. Вначале голод из дому гонит. В первое время он, как огонь, печет, терзает, и за кишки, и за душу рвет — человек и бежит из дому. Люди червей копают, траву собирают, видишь, даже в Киев прорывались. И все из дому, все из дому. А приходит такой день, и голодный обратно к себе в хату заползает. Это значит: осилил голод, и человек уже не спасается, ложится на постель и лежит. И раз человека голод осилил, его не подымешь, и не только оттого, что сил нет, — нет ему интереса, жить не хочется. Лежит себе тихо, и не тронь его. И есть голодному не хочется, мочится все время и понос, и голодный становится сонный, не тронь его, только бы тихо было. Лежат голодные и доходят. Это рассказывали и военнопленные — если ложится пленный боец на нары, за пайкой не тянется, значит, конец ему скоро. А на некоторых безумие находило. Эти уж до конца не успокаивались. Их по глазам видно — блестят. Вот такие мертвых разделявали и варили, и своих детей убивали и съедали. В этих зверь поднимался, когда человек в них умирал. Я одну женщину видела, в райцентр ее привезли под конвоем — лицо человечье, а глаза волчьи. А они не виноваты, виноваты те, что довели мать до того, что она своих детей ест. Да разве найдешь виноватого — кого ни спроси. Это ради хорошего, ради всех людей, матерей довели.

Я тогда увидела: всякий голодный — он, вроде, людоед. Мясо сам с себя объедает, одни кости остаются, жир до последней капельки. Потом он разумом темнеет — значит, и мозги свои съел. Съел голодный себя всего.

Еще я думала — каждый голодный по-своему умирает. В одной хате война идет, друг за другом следят, друг у дружки крохи отнимают. Жена на мужа, муж против жены. Мать детей ненавидит. А в другой хате любовь нерушимая. Я знала одну такую, четверо детей, она сказки им рассказывает, чтобы про голод забыли, а у самой язык не ворочается, она их на руки берет, а у самой силы нет пустые руки поднять. А любовь в ней живет. И замечали люди — где ненависть, там скорей умирали. Э, да что любовь, тоже никого не спасла, вся деревня поголовно легла. Не осталось жизни.

Я узнала потом — тихо стало в деревне нашей. И детей не слышно. Там уж ни игрушек, ни супа куриного не надо. Не выли. Некому. Узнала, что пшеницу войска косили, только красноармейцев в мертвую деревню не пускали, в палатках стояли. Им объяснили, что эпидемия была. Но они жаловались, что от деревни запах ужасный идет. Войска и озимые посеяли. А на следующий год привезли переселенцев из Орловской области — земля ведь украинская, чернозем, а у орловских всегда недород. Женщин с детьми оставили возле станции в балаганах, а мужчин повезли в деревню. Дали им вилы и велели по хатам ходить тела вытаскивать — покойники лежали, мужчины и женщины, кто на полу, кто на кроватях. Запах страшный в избах стоял. Мужики себе рты и носы платками завязывали — стали вытаскивать тела, а они на куски разваливаются. Потом закопали эти куски за деревней. Вот тогда я поняла — это и есть кладбище суровой школы. Когда очистили от мертвых избы, привели женщин полы мыть, стены белить. Все сделали, как надо, а запах стоит. Второй раз побелили, и полы новой глиной мазали, не уходит запах. Не смогли они в этих хатах ни есть, ни спать, вернулись в Орловскую область. Но, конечно, земля пустой не осталась, — земля ведь какая.

И словно не жили. А многое чего было. И любовь, и жены от мужей уходили, и дочерей замуж отдавали, и дрались пьяными, и гости приезжали, и хлеб пекли... А работали как! И

песни спивали. И дети в школу ходили... И кинопередвижка приезжала, самые старые и те ходили картины смотреть.

И ничего не осталось. А где же эта жизнь, где страшная мука? Неужели ничего не осталось? Неужели никто не ответит за все это? Вот так и забудется без слов? Травка выросла.

Вот я тебя спрашиваю, как же это?

Вот видишь, и прошла наша ночка, уже светает. Пора нам с тобой на работу собираться.

15

Голос у Василия Тимофеевича был негромкий, движения нерешительные. Когда заговаривали с Ганной, она опускала карие глаза и отвечала едва слышно.

А после женитьбы они совсем застеснялись: он шестидесятилетний человек, которого соседские дети называли «диду», засмутился, засовестился оттого, что седеющий, лысый, с морщинами женился на молодой девушке, счастлив своей любовью, глядя на нее шепчет: «голубка моя... серденько мое». Когда-то ей, девчонке, представлялся будущий муж — он и Щорс, и лучший гармонист на селе, и пишет задушевные стихи, как Тарас Шевченко. Но ее кроткое сердце понимало силу любви к ней неудачливого, бедного, всегда жившего не своей, а чужой жизнью, робкого пожилого человека. А он понимал ее молодую надежду, — вот придет сельский лыцарь и уведет ее из тесной хаты отчима... А пришел за ней он в старых чоботах, с большими темными мужицкими руками, виновато покашливая, и вот смотрит он на нее с обожанием, счастьем, виной, горем. И она виновата перед ним, кротка, молчалива.

И сын у них, Гриша, родился тихий, никогда не заплачет, и похожая после родов на худенькую девочку мать иногда подходила к люльке ночью и, видя, что мальчик лежит с открытыми глазами, говорила:

— Та ты хочь поплачь трошки, Гришенька, чего ты все мовчишь та мовчишь.

И в хате муж и жена розговаривали вполголоса, а соседи удивлялись:

— Та чога це вы так тихо балакаете.

И странно — она, молодая женщина, и он, пожилой, некрасивый мужик, были очень схожи своими кроткими сердцами, своей робостью.

Работали они оба безотказно и даже вздохнуть стеснялись, когда бригадир несправедливо гнал их не в очередь в поле.

Однажды Василий Тимофеевич по наряду от колхозной конюшни поехал с председателем в райцентр, и пока председатель ходил в райзо, райфо, он, привязав лошадей к тумбе, зашел в раймаг и купил жене гостинец — маковников, леденцов, сушек, орешков, всего понемножку, по сто пятьдесят грамм. Когда он, войдя в хату, развязал белую хусточку, жена радостно, по-детски всплеснув руками, вскрикнула: «Ой, мамо!». И Василий Тимофеевич, застеснявшись, вышел в сени, чтобы она не увидела его счастливых, плачущих глаз.

Она ему на Риздво вышила узор на рубашке и так и не узнала, что Василий Тимофеевич Карпенко в эту ночь почти не спал, подходил босыми ногами к комоду, на котором лежала рубашка, гладил ее ладонью, щупал вышитый крестиками незамысловатый узор. Он вез жену из родильного отделения районной больницы, она держала на руках ребенка, и ему казалось, что проживи он тысячу лет, он не забудет этого дня.

Иногда ему становилось жутко — мыслимое ли дело, что в его жизни случилось такое счастье, мыслимо ли вот так проснуться среди ночи, прислушаться к дыханию жены и сына.

Вот так оно было. Он шел с работы к дому и видел пеленочку, сохнувшую на плетне, и дымок из трубы. Он смотрел на жену — она наклонилась над люлькой, ставит на стол тарелку борща и улыбается чему-то, он глядит на ее руки, на волосы, выбившиеся из-под хустки, он слушает, что говорит она о немовлятке, о соседской овце. Иногда она выходила в сени, и он скучал, даже тосковал, ожидая ее, а когда она возвращалась, он радовался, и она, уловив его взгляд, кротко и грустно улыбалась ему.

Василий Тимофеевич умер первым, опередив на два дня

маленького Гришу. Он отдавал почти все крохи еды жене и ребенку и потому умер раньше их. Вероятно, в мире не было самопожертвования выше того, что проявил он, и отчаяния больше того, что пережил он, глядя на обезображенную смертным отеком жену и умирающего сына.

Ни упрека, ни гнева к великому и бессмысленному делу, что совершали государство и Сталин, не испытывал он до последнего своего часа. Он даже не задал вопроса: «за что?», за что ему и его жене, кротким, покорным, трудолюбивым, и тихому годовалому мальчику определена мука голодной смерти.

Перезимовали скелеты в истлевшем тряпье вместе — муж, молодая жена, их маленький сын, бело улыбались, не разлученные после смерти.

Потом уж, весной, когда прилетели скворцы, зашел в хату, прикрывая рот и нос платком, уполномоченный земельного отдела, оглядел керосиновую лампочку без стекла, образок, комодик, холодные чугуны, кровать и сказал:

— Тут двое и малэ.

Бригадир, стоя на пресвятом пороге любви и кротости, кивнул, сделал пометку на клочке бумаги.

Выйдя на воздух, уполномоченный посмотрел на белые хаты, на зеленые садики, сказал:

— После того, как уберете трупы, восстанавливать ось эту розвалюху нема смысла.

Василий Гроссман (1905-1964) — известный русский писатель, член Союза советских писателей (с 1954 г. — член Президиума СП СССР). Повесть «Все течет» написана в 1956 г., авторский экземпляр конфискован КГБ в 1961 г., после чего повесть была опубликована в Самиздате и на Западе.

ПРОБЛЕМЫ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

СОВЕТСКАЯ СИСТЕМА НАХОДИТСЯ В СОСТОЯНИИ ЗАГНИВАНИЯ... И ОНО БУДЕТ ПРОДОЛЖАТЬСЯ

(Интервью с Милованом Джиласом и Михайлом Михайловым*)

Книги и общественная деятельность М. Джиласа и М. Михайлова широко известны. Редакция журнала «Форум» обратилась к двум югославским диссидентам с просьбой ответить на ряд вопросов, касающихся внутреннего и международного положения СССР и Югославии, перспектив демократического развития этих стран.

1. Каковы, на ваш взгляд, особенности нынешней внешне- и внутривполитической ситуации в СССР?

М. ДЖИЛАС. Советский Союз окончательно превратился в своеобразную *военную империю* со всеми типичными для

*Милован Джилас (1911 г. рожд.) — бывший Вице-президент и Председатель Федерального Народного Собрания, член Политбюро ЦК КПЮ. За защиту принципов демократического социализма М. Джилас был снят в 1954 г. со всех своих постов, а в 1956 г. арестован и осужден на 3 г. тюрьмы. В 61 году он был вновь арестован и

нее отрицательными свойствами: соединение партийной бюрократии с военной и управленческой, военно-идеологический экспансионизм, бюрократический централизм, подчинение экономики требованиям милитаризма, антидемократизм, военный авантюризм.

Но это окончательное превращение в военную империю одновременно означает и загнивание, начало загнивания всей системы — загнивание духовное (идеологическое), экономическое и моральное. Правление Брежнева имело — в связи с тем, что я сказал, — двойной смысл: консервативной консолидации режима и, одновременно, загнивания режима. Процесс загнивания будет прогрессировать. Он будет продолжаться долго, без каких-либо видов на оздоровление. Загнивание режима заставляет правящую верхушку искать выход во внешнем проявлении силы — в экспансионизме: интервенция в Афганистан демонстрирует это в самой грубой форме.

М. МИХАЙЛОВ. Вряд ли я скажу что-либо новое, говоря о том безвыходном политико-экономическом кризисе, в котором, по-моему, находится Советский Союз в настоящий момент. Несмотря на видимые успехи во внешней политике, проникновение на африканский и американский континенты, а также успехи в Юго-Восточной Азии, у меня такое впечатление, что в идеологическом и политическом плане Советский Союз терпит сильнейшее поражение. Кажется, мало осталось замеченным, что уже почти что нет таких влиятельных левых кругов на Западе, которые бы выступали с восхвалением Советского Союза и его успехов в построении «новой жизни». Теперь такие круги скорее стараются

освобожден лишь в 1966 г. И после освобождения Джилас подвергается постоянным репрессиям со стороны югославских органов безопасности. М. Джилас — автор многих статей и книг, в числе которых «Новый класс» и «Беседы со Сталиным».

Михайло Михайлов (1934 г. рожд.) — известный югославский общественный деятель и литератор. В Югославии провел в общей сложности 7 лет в заключении. С 1978 г. живет в США. Преполагает русскую философию и литературу в американских университетах. Книги Михайлова «Лето московское», «Русские темы», «Подпольные записки», («Планетарное сознание») и «Ненаучные мысли» переведены на многие языки.

использовать страх атомной войны и утверждают, что, дескать, не так страшен черт, как его малюют, и что в СССР, то есть под коммунистической диктатурой, тоже можно жить. Это все-таки огромная перемена в сравнении с теми временами, когда буквально тысячи известнейших и талантливейших интеллектуалов Западной Европы и Америки открыто выступали в поддержку «строительства социализма» в России, признавая оправданным даже многие жертвы на пути этого строительства. Теперь этого вообще больше нет. После смерти Мао Цзедуня и критики «банды четырех», то есть самого Мао, больше нет в западном мире искренних и наивных поклонников «китайского пути». Мы как раз присутствуем при таком же процессе в отношении симпатизантов «югославского пути». Осталась, пока что, только Албания на путях марксистского правоверия, и, несмотря на то, что ныне существует в мире десяток исключительно проалбанских коммунистических партий и Тирана пытается стать новым центром мирового коммунистического движения, проалбанские группировки настолько малы и невлиятельны, что их практически можно не замечать, вопреки тому, что плакаты, призывающие поддержать «единственный истинный ленинский революционный центр» Тирану, все время мелькают на стенах американских университетов. Я глубоко уверен в том, что даже подпольные коммунисты в южноамериканских странах не имеют никаких иллюзий относительно Советского Союза, хотя он и нужен как поставщик вооружения и политический союзник. Что уж там говорить о влиянии на общественное мнение афганских и польских событий! Так что, короче говоря, мне кажется, что идеологическо-политическое влияние Советского Союза во внешнеполитическом плане в наше время перешло полностью к той роли, какую в мировой политике играет могущественная армия, оснащенная атомным оружием. Другими словами, после страшного, но нередко для людей Запада привлекательного, интернационального революционного движения ныне мы видим просто военную мощь отсталой консервативной империи. Но как бы ни было велико военное могущество, тем не менее историю творят политические идеи, то есть их привлекательность для людей. В этом плане

Советский Союз как реальная сила больше почти что не существует.

То же самое можно сказать и о внутреннем положении в Советском Союзе. Все держится просто на грубой силе, и есть своя логика в том, что власть перешла к многолетнему шефу КГБ. Так же, как и в Польше — к генералу Ярузельскому. Похожее развитие можно наблюдать и в Югославии, где все большее число генералов входит в высшие руководящие партийные круги. Силой, конечно, можно на некоторое время «усмирить» общество, однако военно-полицейская сила совершенно бессильна в экономической сфере, не говоря уже о научной или художественной. В этом смысле мне кажется, что наступает последний этап в бытии тоталитарной диктатуры в Советском Союзе и его сателлитах. Рано или поздно силой сдерживать кризисное положение станет невозможным. Единственный выход — это радикальные реформы, ожидать которых от власти имущих чрезвычайно трудно. А если этих реформ не будет, то — взрыв неизбежен. Часто говорят о том, что советские вожди во избежание такого внутреннего взрыва пойдут на военную авантюру. Я в этом глубоко сомневаюсь. Всякая война до сих пор представляла величайшую опасность для диктатуры партии именно в Советском Союзе. Вспомните не только начало Второй мировой войны, но и «зимнюю войну» с Финляндией, выявившую невероятную небоеспособность Красной армии. Война же в Европе для Советского Союза, по-моему, совершенно немыслима. Несмотря на танки и ракеты, вряд ли что-либо было бы опаснее для кремлевских вождей, чем превращение Восточной и Западной Европы в поле брани. Я глубоко уверен, что угроза войной в Европе является простым блефом, к тому же чрезвычайно эффективным. Простая угроза войны служит намного лучше советским интересам, чем настоящая война. Ту же самую роль во внутренней политике играет наращивание военного психоза в целях усмирения недовольства.

2. Какие формы оппозиции правящему в СССР режиму возможны, по Вашему мнению, сегодня?

М. ДЖИЛАС. Трудно предвидеть возможные формы оппозиции в Советском Союзе: я считаю, что оппозиционеры

уже делают там все, что возможно. Кажется мне, что главное — то единственное, что возможно, учитывая тотальный партийно-полицейский контроль, — это сеять новые идеи, будить веру в лучший, плюралистический общественный строй, в освобождение от монополии партийной бюрократии и выросших из нее других форм бюрократии. Я не верю в эффективность массовых нелегальных организаций: преимущественно тоталитарный характер режима не способствует их деятельности. Все еще наиболее важной является деятельность героических личностей и отважных групп, которые выступают открыто, используя легальные формы, жертвуя собой ради идеи. Возможны в скором будущем и массовые акции — акции, а не организации — там, где национальное и социальное недовольство достигнет значительных размеров.

Но я прошу извинения за мои предположения: никто не может предвидеть реальных форм борьбы — их можно открыть (вернее, они выявляются) в повседневной политической активности.

М. МИХАЙЛОВ. Несмотря на общепринятое мнение, что высылками за границу, эмиграцией, арестами и тюремными сроками правозащитное и диссидентское движение почти что ликвидировано, у внимательного наблюдателя, наоборот, создается впечатление, что советским властям удалось лишь срезать очень тонкий слой самых известных активистов, но что, однако, само движение, несмотря на это, все расширяется и углубляется. В западной печати почти что незамеченным остался факт, что, например, только в одном 1981 году появился 21 новый самиздатский журнал в Москве и Ленинграде, выявляющий весь спектр политической мысли, от «либеральных марксистов» до монархистов. Теперь уже совершенно невозможно регистрировать те сотни и сотни все новых имен, которые мы видим подписанными под протестами и обращениями к общественности. Надо ожидать, что в таком положении уже зарождаются некоторые организационные формы нелегальных политических движений, партий, и рабочих профсоюзов. Когда речь шла о десятках или сотнях уже известных писателей и ученых, выступавших открыто против произвола, то ожидать создания политической организации, конечно, было невозможно. Однако

теперь, когда речь идет о тысячах и тысячах людей (а даже теперь мы видим лишь самую поверхность), мне кажется, что важнейшим вопросом является то, в какие организационные формы выльется это движение. Парадокс состоит в том, что для осуществления именно законности и легальности в таких системах, какой является советская, невозможно избежать подпольных средств борьбы. А подполье, как и всякая нелегальщина, отнюдь не культивирует демократические навыки. Нельзя забывать о том, что абсолютно во всех странах, в которых коммунисты пришли к власти, их партия десятилетиями была вне закона. И, наоборот, невозможно указать такую страну, в которой легальная коммунистическая партия пришла бы к власти на свободных выборах. Так что генерал Григоренко во многом прав в своем отталкивании от подпольных методов, которое выразилось даже в названии его автобиографической книги «В подполье можно встретить только крыс». И тем не менее, парадокс остается. Даже для того, чтобы организовать совершенно легальное собрание, коллективное выступление или демонстрацию, необходима долгая подпольная подготовка. Это показывает и пример польской «Солидарности», которая вообще не появилась бы без долголетней нелегальной подготовки ее активистов. Вот разрешение этого парадокса, по-моему, и является важнейшим вопросом нынешнего дня во всех коммунистических странах.

3. Каковы на Ваш взгляд перспективы решения международных отношений в Советском Союзе?

М. ДЖИЛАС. Международные отношения в Советском Союзе все больше обостряются: военная империя и экспансионизм создадут, раньше или позже, возможности для нерусских народов поставить вопрос о своей государственной самостоятельности.

4. Существует ли для СССР перспектива широкого общественного движения за демократию? Есть ли надежда на появление в руководстве КПСС реформаторского крыла, способного добиваться радикальных демократических преобразований?

М. ДЖИЛАС. Я считаю, что в Советском Союзе нет

перспективы широкого движения за демократию. Не верю я и в появление в советских партийных кругах такого крыла, которое провело бы радикальные, коренные демократические реформы. Советский строй замкнут на самом себе, без внутренней способности к изменениям. Возможны некоторые некоренные реформы — известное приспособление к внешним и внутренним реальностям. И такие реформы могут иметь огромное значение — они открыли бы путь, дали бы возможность развития оппозиционным силам, которые со временем изменили бы саму систему.

М. МИХАЙЛОВ. Благодаря тому, что СССР тоталитарное государство, всякое общественное движение, противостоящее власти, объективно действует в направлении демократизации. Это относится даже к течениям, открыто провозглашающим свой антидемократизм. Несмотря на популярность некоторых антидемократических идей и течений, тем не менее мне кажется, что в СССР ныне существуют предпосылки для широкого общественного движения за демократию. Волей-неволей обстоятельства заставляют как-то сотрудничать между собой даже представителей чисто национальных движений разных народов, населяющих Советский Союз. Раньше или позже начинает осознаться то, что только движение за демократию открывает возможность свободной деятельности для различных идейно-политических направлений и что против монопольной власти КПСС всякое течение, отдельно взятое, бессильно. Парадокс состоит в том, что демократия включает в себя и возможность антидемократических партий и движений. Я, например, несколько лет тому назад приехал в Америку и был поражен, увидев развевающийся нацистский флаг перед штаб-квартирой американской нацистской партии в пригороде Вашингтона — Арлингтоне. Однако, никакой нацистской опасности в США нет. Демократическое же движение необходимо должно включать в себя те самые принципы, на которых основывается демократический строй, то есть терпимость даже к недемократическим идеям. Демократия основывается на вере в то, что большинство людей не пойдет добровольно на службу зла. Наоборот, всюду где мы видим торжество зла в обществе (например, в Советском Союзе, гитлеровской Германии, южноамериканских правых диктатурах и т. д.),

никакой демократии не существует, большинство народа лишено какой-либо свободы, а партийное или военное меньшинство держит всю власть в своих руках. Так что можно сказать: демократии угрожает не существование антидемократических движений и течений, а *монополия* какого-либо одного, правого или левого, направления. *Монополия* — это и означает власть одного (или одной части) над некоей общественной сферой. Противоположность тоталитаризму — это плюрализм, и всякая демократия плюралистична. Широкое демократическое общественное движение начинается в тот момент, когда люди осознают, что арест и заключение в лагерь, например, националиста Осипова, является таким же болезненным ударом по правозащитному движению, как и высылка академика Сахарова в Горький, несмотря на их радикально противоположные идейно-политические взгляды. По-моему, такое сознание в некоторой степени уже существует в диссидентском движении, а это и является основной предпосылкой демократии.

Относительно надежды на появление в руководстве КПСС реформаторского крыла, мне кажется, что такая возможность стала бы реальной лишь перед общественным взрывом, когда несомненно появятся в руководстве КПСС люди, способные добиваться некоторых реформ и преобразований в целях спасения монопольной власти. Я думаю, что для таких людей особенно заманчивым может показаться путь реформ в экономической сфере, какие были проведены в Югославии, а также и в Венгрии, однако, конечно, не в сфере политической. Реформы в экономической сфере могут на некоторое время продлить существование режима, однако рано или поздно выявляется их ограниченность из-за отсутствия демократизации в политической сфере, и вопрос ликвидации однопартийной монополии снова становится на повестку дня. Однако, после проведенных экономических реформ в кризисной ситуации намного труднее удержать монополию политической власти. Так что у противников каких-либо реформ есть свои аргументы. С одной стороны, реформы снимают нависшую угрозу взрыва, но с другой стороны, готовят новую, еще более опасную ситуацию для власти. Пример Югославии в этом смысле очень показателен. В Югославии ныне такой же нависший кризис,

как и в Советском Союзе, а сдерживать политический взрыв югославским коммунистам намного труднее после десятилетий сравнительного экономического и культурного либерализма.

5. Ожидаете ли Вы каких-либо существенных перемен во внешней и внутренней политике Кремля в связи со смертью Л. Брежнева и приходом к власти Ю. Андропова? Разделяете ли Вы широко распространенное на Западе мнение, что Ю. Андропов, несмотря на многолетнее руководство службой КГБ, является интеллигентным, разумным политиком, который будет стремиться к улучшению отношений с западными странами и к реформам внутри страны?

М. ДЖИЛАС. Я не верю ни в какие серьезные перемены при Андропове. Ни закрытость советской системы, ни ее внутреннее и внешнее положение не допускают никаких существенных изменений. Никому не известны какие-либо новые реформаторские идеи Андропова. То, что он пользуется репутацией интеллигентного человека, может иметь двоякое значение — и негативное и позитивное — в зависимости от того, какая политика будет проводиться. У Андропова нет объективно больших реформаторских возможностей, даже если бы он имел значительные личные интеллектуальные качества: свернуть Советский Союз с империалистического, гегемонистского и экспансионистского пути уже нельзя — поздно. Все, что Андропов мог бы сделать, не может выйти за рамки несущественных, мелких приспособительных акций.

Поэтому я, в отличие от некоторых кругов на Западе (во Франции, например), не имею больших надежд: не верю в то, что Советский Союз покинет Афганистан, не верю и в значительные внутренние реформы, несмотря на возрастающие трудности и неэффективность системы — советская система пребывает в состоянии загнивания и экспансии, и это будет продолжаться.

М. МИХАЙЛОВ. В принципе я не думаю, что в такой системе, какой является советская, имеет большое значение переход власти от одной личности к другой, тем более, что можно предположить, что влияние Андропова уже годами было очень значительное. Как глава КГБ, он практически

очень уже давно стоит у власти, тем более в последние годы, когда Брежнев по состоянию здоровья и по своему темпераменту вряд ли играл существенную роль в решении важнейших политических проблем. Тот факт, что Андропов — гебист, конечно, не означает, что он не мог бы начать либеральные реформы. Необходимо вспомнить, что долготелый шеф НКВД Берия почти что сразу после смерти Сталина предложил провести те самые либеральные реформы, которые связаны с именем Хрущева. Надо думать, что победы в борьбе за власть Берия, он поступил бы так же, как и Хрущев. Однако, есть несколько обстоятельств, говорящих против того, что Андропов окажется реформатором: во-первых, он не настолько уж моложе Брежнева и он самый старый из всех вождей Советского Союза, пришедших к власти; во-вторых, очевидно Андропову не придется бороться за власть с опасными соперниками, и, судя по немедленному избранию генеральным секретарем, можно предположить, что главных соперников он устранил еще при жизни Брежнева. Так что, мне кажется, к реформам внутри страны его может толкнуть лишь опасность общественного взрыва, хотя логично ожидать, что на первых порах Андропову захочется показать некоторый либерализм, столь подкупающий западное общественное мнение. Именно это, мне кажется, и представляет большую опасность: западному миру чрезвычайно хочется верить в либерализм нового советского вождя, и малейшее ослабление зажима принесет Андропову не только лавры либерала, но и огромную выгоду в международной политике.

6. Ваше отношение к демократическому социализму?

М. ДЖИЛАС. Я считаю себя демократическим социалистом. Но не в смысле европейской социал-демократии, с которой я, кстати, полностью согласен в том, что ныне рассматривается как *права человека*. Я не европейский социал-демократ потому, что задачи социалиста в условиях «коммунизма» иные, чем при «капитализме»: основной вопрос при «коммунизме» — это вопрос недемократической, монопольной власти, т. е. вопрос свободы; при «капитализме» социалисты уже имеют такую свободу. И вопрос собственности, который тоже очень важен, по-разному ставится при

«коммунизме» и при «капитализме»: в первом случае — это требование ликвидации монополии бюрократии на собственность, во втором — справедливое распределение. И т. д. Для меня демократический социализм при «коммунизме» означает радикальные, даже революционные, преобразования «коммунизма»: я себя и сейчас считаю революционером — по крайней мере, революционером в области идей — идей, применимых в условиях «коммунистической» реальности.

М. МИХАЙЛОВ. Я все еще себя декларирую демократическим социалистом, хотя я, конечно, знаю, насколько само слово «социализм» скомпрометировано. Не будучи марксистом, я, конечно, не считаю, что экономическая сфера определяет политическую. Наоборот, я уверен, что политическая сфера является решающей. Тоталитарный строй существовал в гитлеровский Германии, где экономика страны не была национализирована, а в то же время в Австрии демократический строй не находится под угрозой, несмотря на то, что 70 процентов австрийской промышленности национализировано. Поэтому для меня является существенным противопоставление не капитализма и социализма, а лишь демократии и тоталитаризма. Для коммунистических стран я даже не вижу другого пути, как переход в демократический, плюралистический социализм. Дело в том, что даже при полной политической демократии и после восстановления права на собственность вся крупная промышленность и экономика страны все же останутся государственными или общественными, по той простой причине, что никаких собственников и частников там нет уже десятилетиями. Создание же частной промышленности — дело отнюдь не быстрое. По всей вероятности, демократический социализм включит рабочее самоуправление в экономической сфере жизни. Однако, необходимо подчеркнуть, что даже теоретически разработка идеи рабочего самоуправления оставляет желать лучшего, а в Югославии, единственной стране в мире, имеющей систему рабочего самоуправления, оно является лишь фасадом однопартийной власти. К этому всему надо добавить, что даже самые развитые капиталистические страны движутся по направлению развития некоторой формы общественной собственности. Очевидно, этот процесс необратим благодаря тех-

ническому и научному прогрессу. Невозможно назвать частными предприятиями и частной собственностью огромные многонациональные компании капиталистического мира. В Соединенных Штатах, например, только очень мелкие предприятия являются в самом деле частными, хотя государство отнюдь не поддерживает своеобразную социализацию экономической жизни, и даже само слово «социализм» в Америке намного менее приемлемо, чем, например, в Западной Европе. И тем не менее, социализация экономической жизни происходит у нас на глазах, конечно, в формах, ничего общего не имеющих с тем процессом, который имел место в Советском Союзе и во всех остальных коммунистических странах. Социализация в условиях политической демократии и высокоразвитой технологии отнюдь не ограничивает возможности свободного экономического творчества, а лишь меняет его форму. Свободное экономическое творчество в нынешнем демократическом мире больше почти что не связано с частным владением средствами производства. Таким образом, можно сказать, что и западный мир движется к некоторым формам демократического социализма и что основное столкновение в наше время происходит не между капитализмом и социализмом, а между демократическим и тоталитарным социализмами.

7. Каковы надежды на демократические изменения у Вас на родине, в Югославии?

М. ДЖИЛАС. Перспективы демократических изменений в Югославии лучше, чем в других восточноевропейских странах, но лишь благодаря особому положению Югославии: Югославия находится вне границ советского блока и в ней сильны всевозможные (в частности, национальные) различия и противоречия. И в Югославии система оказалась глубоко погруженной в фазу загнивания. Но оппозиционные демократические силы очень слабы, да и те, что есть, ориентированы, в первую очередь, на свои национальные вопросы, а не на вопросы демократии. Может быть, в будущем дойдет дело до объединения национальных и демократических течений оппозиции, но пока этого нет. Югославия, т. е. система в Югославии, уже нестабильна, но все еще далека от

демократии. Поскольку югославские верхи, в большинстве своем, объединены в стремлении противодействовать демократии и сохранить наследие «титовской» системы, постольку в Югославии сохраняется нестабильный, безыдейный и бесперспективный консерватизм.

М. МИХАЙЛОВ. После смерти Тито в 1980 году в Югославии происходит то же самое, что происходило после смерти Сталина в СССР и после смерти Мао Цзедунa в Китае. Несмотря на то, что в Югославии еще не произошло «Двадцатого съезда» партии, а на последнем съезде Союза коммунистов в июне этого года (первом съезде после смерти диктатора) слышны были только ритуальные клятвы верности Тито и его пути, югославская пресса в этом году почти что тождественна с советской прессой времен «оттепели» после 20-го и, особенно, 22-го съездов КПСС. В первый раз газеты начали писать о страшных концлагерях в Адриатическом море, печатать сотни писем читателей и выживших, появилось несколько книг на лагерную тему. За последние два с половиной года после смерти Тито увидели свет буквально сотни протестов, петиций, требований, подписанных десятками самых известных представителей югославской интеллигенции и сотнями рядовых граждан. Эти петиции требуют: амнистии для политических заключенных, изъятия из Уголовного кодекса статьи, говорящей о «клевете на строй», свободы печати и т. д., и т. д. Появляются коллективные письма в поддержку польской «Солидарности», и за это уже тоже начали сажать. Словом, мы присутствуем при зарождении массового демократического движения. Пока что ответ властей совершенно однозначен: усиление репрессий. За последние два года сотни диссидентов получили астрономические тюремные сроки, неслыханные даже в СССР. Например, осуждение на 11 лет тюрьмы за интервью западногерманскому еженедельнику «Шпигель», или на 10 лет рабочего, привезшего из-за границы копию экземпляра эмигрантской газеты. Однако, число протестов только усиливается, и, по-моему, надо ожидать некоторого изменения тактики Союза коммунистов в борьбе с демократической оппозицией. В то же время отчетливо видна борьба разных фракций в партии за «титовское наследие». Появляются мемуары, в которых высоко-

поставленные коммунисты обливают друг друга грязью, и несмотря на клятвы верности Тито, его самого показывают в очень неприглядном свете. К тому же, национальные волнения, охватившие полтора года тому назад южную часть страны на границе с Албанией, вынудили партию ввести военное положение в провинции Косово, очень схожее с положением в Польше (однако введено оно на полгода раньше). Экономическое положение катастрофично, и задолженность Югославии западным странам превышает (на 100 долларов на душу населения) задолженность Польши. Безработица возросла на 14 процентов, не считая одного миллиона югославских рабочих, временно работающих на Западе. Инфляция доходит до 50%. Одним словом, в Югославии можно в ближайшем будущем ожидать сильнейших потрясений и даже радикальной либерализации в случае, если возьмет верх либеральная внутрипартийная фракция, или перехода на военное положение целой страны, если одолеют догматики. Другими словами, в Югославии надо ожидать прихода к власти или югославского Хрущева, или югославского Ярузельского. В первом случае, если произойдет либерализация, то в нынешних условиях она может стать необратимым шагом к демократии. Я глубоко уверен, что именно в Югославии впервые произойдет ликвидация однопартийного строя благодаря многим стечениям обстоятельств, в частности тех, из-за которых Югославия не является членом Варшавского договора. Если в 1948 году, благодаря тем же обстоятельствам (решение конференции в Ялте), Югославии первой удалось пробить монолитный коммунистический блок, то в наше время, надо надеяться, в Югославии впервые будет уничтожена однопартийная диктатура. К сожалению, западный мир все еще активно поддерживает именно югославский режим, чем толкает Югославию к варианту генерала Ярузельского.

8. В каких формах возможно сотрудничество между демократической оппозицией различных стран «реального социализма»? Какую роль в развитии такого сотрудничества может сыграть политическая эмиграция?

М. ДЖИЛАС. Не имею возможности отсюда предсказывать формы сотрудничества оппозиции стран «реального социализма»: я сторонник такого сотрудничества в конкрет-

ных делах и общих манифестационных вопросах, при сохранении полной самостоятельности каждой национальной и идеологической группы. Пока такое сотрудничество возможно лишь между эмиграциями. Кроме того, я не верю в какое-то единое оппозиционное движение в странах «реального социализма»: не только каждая страна, но и каждая форма «реального социализма» имеют свои особенности. Сотрудничество — да, объединение — нет.

М. МИХАЙЛОВ. Сотрудничество демократической оппозиции различных стран Восточной Европы не только возможно, но и само по себе является неизбежным. Я бы даже сказал, что, насколько технические возможности это позволяли, оно всегда существовало. Вспомните 1968 год в Чехословакии, когда югославские писатели, отнюдь не инспирированные, официально выступали в поддержку пражской весны, или советские диссиденты выходили с протестом на Красную площадь. Или вспомните также события, связанные с польской «Солидарностью», когда в Венгрии, Румынии, Югославии диссидентские группировки выступали в ее поддержку. Конечно, это все ограничено просто техническими возможностями, а не какой-либо идеологической ограниченностью. Враг — однопартийная диктатура — всюду один и тот же, а значит и цель борьбы — демократия — та же для граждан разных стран. Однако, именно в эмиграции такое сотрудничество не имеет никаких технических препятствий, и только в эмиграции появляются идеологические препятствия. Так вот, устранение этих идеологических препятствий, выработка идеологическо-политических предпосылок интернационального демократического движения является важнейшей задачей политической эмиграции. Практически проблема демократизации коммунистического мира будет, конечно, решаться не в эмиграции; однако только в условиях свободной полемики и свободного критического творчества на Западе возможно создание идеологических и теоретических предпосылок, на основании которых физически будет создана сперва массовая сила, а потом и разрушены основы тоталитаризма. К сожалению, этой важнейшей деятельности нередко препятствуют призывы к «единению», которое якобы нуждается в единомыслии и отсутствии критики. В этом смысле появление журнала «Форум» можно только приветствовать.

ИНТЕРВЬЮ С ЭРНСТОМ КОЛЬМАНОМ*

Вопрос: Профессор Кольман, из воспоминаний бывших работников Коминтерна известно, что с самого начала создания Коминтерна, с 1919 года, финансирование Коминтерна за границей производилось из так называемой «секретной партийной кассы» в Москве, которой руководил Ленин, а касса формировалась Дзержинским за счет изъятых у так называемой «буржуазии» ценностей. Затем эти ценности отправлялись прежде всего в Германию для печатания журналов и для партийной деятельности Коминтерна.¹ Вам как работнику Коминтерна с 1921 года известно об этом что-нибудь?

Ответ: Никогда я об этом не слыхал, ничего об этом мне не было известно, я в первый раз об этом слышу.

Вопрос: Но Вы знали о том, что финансирование производилось из Москвы?

Ответ: Я только мог догадываться. Я не знал этого.

Вопрос: А когда произошел поворот от идеи «мировой революции» к идее «социализма в одной стране»? Когда он произошел в движении коммунистическом и лично в вашем мировосприятии?

Ответ: Насколько я помню, такого сформулированного поворота не было, это произошло стихийно, постепенно,

* Арношт (Эрнст) Кольман род. в Праге в 1892 г. В I мировую войну воевал в рядах австрийской армии, в России взят в плен. Член большевистской партии с 1918 г. С 1918 по 1920 в Красной Армии. На нелегальной работе в Германии от Коминтерна в 1921-22, 1926 гг. Сотрудник Института Маркса-Энгельса, Комакадемии, Института философии АН СССР. Во время войны — в политотделе Генерального Штаба. С 1945 по 1948 преподает в Пражском университете. В 1948 г. арестован, в 1952 г. освобожден, реабилитирован. Академик АН ЧССР с 1960 г. В 1976 г., будучи в Швеции, стал невозвращенцем, отправил по почте свой партбилет Брежневу. Умер в Швеции в 1979 г. В 1982 г. издана книга его мемуаров «Мы не должны так жить».

1. См. об этом «Социалистический вестник», 1964 г., N 1.

после того, когда надежда прежде всего на революцию социалистическую в Германии потерпела крушение. Тогда постепенно перешли к надежде на то, что возможно построить социализм в одной отдельной стране. Но, как я уже сказал, сформулировано то, что надо отказаться от идеи мировой социалистической революции, никогда не было.

Вопрос: Но а Вы лично?

Ответ: А я лично все время — или еще долго — верил в возможность мировой революции.

Вопрос: А как произошло, что Вы перестали работать в Коминтерне?

Ответ: Это произошло не по принципиальным каким-нибудь причинам, а тогда, когда я второй раз вернулся из Германии в 1923 г., когда Германская коммунистическая партия вынуждена была уйти в подполье. Я вернулся, значит, в Москву и просто получил указание работать в Московском Комитете партии. Так что это не было по какому-нибудь моему принципиальному решению отказаться от работы в Коминтерне.

Вопрос: А какая работа в Московском Комитете партии?

Ответ: Я начал работать по партийному просвещению.

Вопрос: Я слушал ваше выступление перед левыми социалистами в Копенгагене, и я хочу уточнить: считаете ли Вы что порочность нашей системы в Советском Союзе происходит от Сталина и что виноват только один Сталин, или же причины лежат глубже.

Ответ: Несомненно, причины глубже. Причина — я об этом уже говорил — лежит уже в том, что, во-первых, Ленин произвел ревизию положения Маркса, что социалистическая революция может не только начаться, но и победить лишь в высокоразвитой, экономически и технически и социально-политически развитой капиталистической стране. Россия такой страной не была. Она была страной крайне отсталой и экономически, и культурно, страной, в которой не было привычек демократии, страной почти сплошного анальфабетизма. И конечно, идея Ленина, что социалистическая революция может победить в стране наиболее слабого звена капиталистической цепи — была порочной идеей, ошибочной идеей.

Ленин выдвинул эту идею потому, что он искренне желал

видеть плод революционной своей работы и работы своей партии еще при жизни. Этим чувством нетерпения, революционного нетерпения, страдали и страдают все революционеры, аналогично тому, как ученые желают видеть плод своей научной работы еще при своей жизни. Так они становятся фанатиками — и ученые, и революционеры, и политики — и делают крупные ошибки. Ну, и конечно, еще одна большая ошибка теоретическая и практическая, Ленина, которая привела потом к катастрофе, была в том, что Ленин еще в 1902 году в своем юношеском, можно сказать, сочинении «Что делать?» выдвинул идею партии нового типа, идею профессиональных революционеров, не учитывая при этом психологии людей, того, что эти профессиональные революционеры станут привилегированной кастой. Ну, а то специальное обстоятельство, что пришел к власти Сталин — личность преступная и в то же самое время психопатическая — оно, конечно, сыграло свою роль, которой нельзя пренебрегать. Потому что, хотя мы, марксисты (а я считаю себя и сейчас марксистом), знаем, что историю делают не отдельные личности, даже выдающиеся в положительном или в отрицательном смысле, а что личности сами являются продуктом определенных общественных условий, мы не можем сбрасывать со счета роль этих личностей.

Вопрос: А вот считаете ли Вы, что существует сталинская оппозиция — оппозиция сталинистов — по отношению к нынешнему режиму, к режиму Брежнева?

Ответ: Я бы это не назвал оппозицией, но я считаю, что не только в партии — не столько в партии даже, но в советском народе есть люди, которые считают нынешнюю власть «слабой» и тоскуют по «сильной» власти. Я такие высказывания слышал. Назвать это какой-либо организованной или вообще оппозицией нельзя, но такие настроения «сталинские» или даже — «гиперсталинские» имеются.

Вопрос: Братья Медведевы возлагают большие надежды на какие-то либеральные слои в нашей правящей партии, которые смогут произвести какие-то крупные реформы и направить страну по пути демократии, а, с другой стороны, эмигрантская организация НТС — Народно-Трудовой Союз — тоже возлагает надежды на правящую партию, считая, что в ее среде есть так называемые «национал-большевики»,

которые, по терминологии НТС, поведут страну к «возрождению русского духа», «возрождению русской государственности» и т. д. Что Вы думаете по этому поводу?

Ответ: Считаю, что, как НТС, так и Медведевы, хотя и исходят из различных позиций, одинаково ошибаются. Никаких серьезных групп, принципиально расходящихся с политикой КПСС ни в партийной массе, ни в правящей верхушке нет. Конечно, те или другие изменения не только возможны, но и обязательно наступят, но они будут чисто прагматичные — вызванные экономическими трудностями или осложнениями международного положения — и поведут скорее всего к дальнейшему усилению тоталитаризма. Ибо партия в целом давно стала «обществом содействия досрочному выполнению пятилеток», члены которого имеют право голосовать только «за», а не «против». А правящая верхушка давно потеряла интерес к таким благородным целям как освобождение человека от всякого рода угнетения, а борется лишь за одно — за удержание и усиление власти, лично своей и своей привилегированной бюрократической касты. Идею, будто в КПСС имеются силы, которые хотят и способны изменить существенно положение в стране, считаю — независимо от субъективных мотивов тех, кто ее пропагандирует — объективно крайне вредной. Согласно ей, зачем форсировать борьбу против нынешних советских правителей — они, мол, сами придут к необходимости изменить положение к лучшему.

Вопрос: И последний вопрос. Вы сказали, что Вы — марксист, и сейчас остаетесь марксистом. Считаете ли Вы, что некоторые основные категории марксизма сейчас настало время пересмотреть? Такие категории, как прибавочная стоимость, такие фундаментальные категории, как «капитализм», «пролетариат», «буржуазия» — нуждаются ли эти категории в ревизии? Хотя Вы говорили, что Ленин подверг ревизии... но, очевидно, не всякая ревизия плоха, и плох тот кладовщик, который боится ревизии своего склада. Что Вы думаете по поводу ревизии таких важных марксистских категорий?

Ответ: Я как философ и логик давно пришел к убеждению, что любые понятия меняют со временем свое содержание. Это не только в общественных науках, но и в

науках естественных. Основное понятие Маркса (понятие классовой борьбы) и деление на классы («капитализм», «капиталистический класс», «пролетарский класс» и т. д.) — они, конечно, более, чем за 100 лет, изменили свое содержание. Ясно, что основа учения Маркса — для меня это ясно — осталась истинной. Ясно, что в обществе наблюдается классовый антагонизм, но нынешний «пролетарский класс» — он не похож, понятно, на тот, который был 100 лет тому назад, уже потому, что изменилась техника, изменилась экономика в мире и т. д. Более того, если все, что изменилось фундаментально, обобщить и выразить современной научной терминологией, то я — как кибернетик — скажу, что Маркс, при всей своей гениальности, и Ленин не могли учесть того, что называется «обратная связь». Они не могли учесть, и не учли того, что сам марксизм оказал огромное влияние на рабочий класс, создал такие условия, что достижения рабочего класса вынудили буржуазию идти на многие компромиссы... Поэтому содержание самого понятия «классовая борьба» нельзя трактовать так, как его трактовал Маркс. Здесь у разных левых группировок социалистических проявляется своеобразный левый (или «левацкий») догматизм, который также вреден, как тот «правый» догматизм, жертвой которого был я, и которого я десятилетиями придерживался. У Маркса было, конечно, при всей его гениальности, я подчеркиваю, много ошибок. Он, например, ошибочно трактовал такой важный вопрос как национальный вопрос. Он, например, считал, что, скажем, чешская нация должна погибнуть, должна ассимилироваться, германизироваться только потому, что якобы культура чехов ниже германской культуры. При этом он находился под влиянием Гегеля, который был, как известно, германским шовинистом. Тоже самое, была ошибочной его трактовка еврейского вопроса, хотя он сам был наполовину еврей. Во многих других вопросах у Маркса были ошибки. Главное, например, то, что он недостаточно учитывал психологию людей. Ну, а Ленин это потом усугубил. В значительной степени Ленин это делал *bona fide*, в самом глубоком убеждении, что это нужно для победы социалистической революции, для освобождения человека от всякого рода угнетения, потому что Ленин был

честнейший человек, революционер, который для себя лично не желал никаких постов, никаких привилегий, и жил фанатично, только одной идеей мировой революции.

*(Интервью с профессором Кольманом провел Борис Вайль)
Копенгаген, май 1978 года.*

(Статьи из сборника, вышедшего в Самиздате*)

НАША ТЕРМИНОЛОГИЯ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ

I *Определения*

Общественно-экономическая формация, при которой средства производства отчуждены от непосредственных производителей и являются собственностью или частных лиц, или государства, а сами непосредственные производители, чтобы жить, вынуждены продавать свою рабочую силу собственникам средств производства, называется *капитализмом*.

Отчуждение — суть капитализма. Кому принадлежат отчужденные средства производства — частным собственникам, монополиям или государству — это вопрос о модификациях капиталистической формации.

Государственный капитализм в условиях демократии, т. е. там, где государство — инструмент в руках общества, мог бы быть «преддверием социализма», если бы концентрация экономической и политической власти не усиливала безмерно военно-полицейский аппарат, позволяя ему вырваться из-под общественного контроля и встать над обществом.

II *Этапы госкапитализма в России*

До 1861 года царизм был не только «Хозяином Земли Русской», но и «торговым капиталом в шапке Мономаха». Включенность России в мировой рынок усиливала крепостнические тенденции — вплоть до открытой работорговли внутри страны.

Поражение в Крыму обнаружило промышленную отсталость страны.

Манифест 19 февраля и последовавшие за ним реформы

* Издатель — М. Болховской.

открыли двери частнособственническому капитализму под эгидой государства.

Революция 1917 года покончила с династией Гольштейн-Готторпов, а введение НЭПа (если не юридически, то практически) означало передачу земли в руки тех, кто ее обрабатывает. Но сосредоточение промышленности, транспорта и финансов в руках военно-полицейского аппарата — правда, не в шапке Мономаха, а в сером шлеме с красной звездой — таило опасность невиданной контрреволюции. И она не заставила себя ждать.

1929 год был назван Сталиным «годом великого перелома», «революцией сверху». Идеологически этот кровавый эксперимент уходит корнями в народническую романтику: вера в преимущество первобытного коммунизма перед парцеллярным земледелием, увы, не была изжита в среде вчерашних революционеров — сегодняшних властителей страны. Политически «сплошная коллективизация» была превентивной мерой — ликвидировалась возможность «революции снизу» и «перерождения» диктатуры одной партии в буржуазную демократию.

Экономически тотальная экспроприация земли у сельского населения России означала одно — *первоначальное накопление государственного капитала*.

Англия пережила нечто подобное в XV веке. Разумеется, не те были масштабы, не те средства, но результат аналогичный: вслед за классической страной частнособственнического капитализма госкапиталистическая Русь превратилась в страну, импортирующую хлеб.

Ценой гибели сельского хозяйства была куплена ускоренная индустриализация, возник многочисленный рабочий класс, находящийся под неусыпным контролем идеологических и карательных органов.

Роль внеэкономического принуждения в этот период нашей истории вызывает иногда недоумение: какой же это капитализм — без свободного рынка, без права наемных рабочих на профессиональные союзы и забастовки?

Капитализм, о котором у нас идет речь, — это капитализм XV века, но развивающийся не под эгидой английского абсолютизма, а под эгидой государства, сочетающего восточный деспотизм с современной техникой.

Завершение периода первоначального накопления, естественно, уменьшило роль внеэкономического принуждения.

Личной заслугой Н. С. Хрущева следует считать то, что именно при нем началось устранение наиболее вопиющих пережитков крепостничества, рабского труда заключенных, автаркии. А. Н. Косыгин пытался провести экономическую реформу, но это начинание было блокировано его консервативно настроенными коллегами. Л. И. Брежнев уравнил в рамках паспортной системы наемных рабочих города и деревни.

III *Перспективы*

В свое время Социалистический интернационал опубликовал декларацию: «Мир сегодня — социалистическая перспектива». Это справедливо в отношении экономически развитых стран с политической демократией и самостоятельным рабочим движением.

Но большинство так называемых развивающихся государств (Восток-Юг), сохранивших добуржуазный социально-экономический уклад, пытается преодолеть отставание методами государственного капитализма, прикрываемого разговорами о социализме.

Космополитическим тенденциям мирового рынка противодействуют националистические тенденции. Соперничество сверхдержав, гонка вооружений, широкая торговля оружием, энергетический кризис — за этими явлениями сегодняшнего дня трудно разглядеть завтрашнюю перспективу.

Мир сегодня — это еще не «планета людей», а арена соперничества, сотрудничества, сосуществования многоликого Большого государства с многоликим Большим бизнесом. В этом смысле госкапитализм — глобальная категория.

Будущее нашей страны тесно связано с будущим всего мирового сообщества. Венгрия после 1956 года доказала уже, что государственный капитализм может эволюционировать в рациональном направлении. Польша Ярузельского доказывает, что агенты государственного капитала согласны на военную диктатуру, как только рабочий класс выступит за

соучастие в управлении государственными предприятиями и демократическое обновление страны.

118 лет тому назад в Лондоне на митинге солидарности с польским народом, боровшимся с царским империализмом, возникло Международное Товарищество Рабочих. Социалистический интернационал, как и левые движения Европы, не являющиеся креатурой восточных диктатур, — наследники этой организации. Они должны осознать: дверь, захлопнутая для социального обновления в Варшаве, закрывает демократическую перспективу в Париже, Бонне, Лондоне, независимо от внутринациональных успехов рабочих партий этих стран.

А. Леплев

ЕВРОКОММУНИЗМ

Коммунистические партии на Западе возникли из тех элементов социал-демократии и анархо-синдикализма, которые были возмущены оппортунизмом признанных вождей европейского рабочего движения перед лицом мировой трагедии 1914-1918 годов. Русская революция и, в особенности, большевизм представлялись им единственно правильным ответом на вызов, брошенный народам их воинственными правителями.

Конечно, с самого начала коммунистического движения среди его зачинателей были люди, подобно Р. Люксембург, способные критически оценивать деятельность Ленина, Троцкого и др. Но для большинства Москва была новой Меккой, а рецепты большевистских вождей — Кораном.

Централизованный аппарат Коминтерна систематически очищал ряды коммунистов от еретиков.

Союз Гитлера и Сталина ошеломил многих. Продлился он на несколько лет дольше, с коммунистическими партиями Европы произошло бы то же, что с польской коммунистической партией.

Напротив, 22 июня 41 года и героическая борьба народов России против гитлеровского нашествия воскресили коммунизм. Даже партия Мориса Тореза превратилась из партии дезертира в «партию расстрелянных».

Послевоенная ссора Сталина с Тито, арест Гомулки,

расстрелы Райка, Трайчо Костова, Сланского и др. не отдали заметно европейских коммунистов от кремлевского руководства. Смерть Сталина оплакивалась искренне, причем социалист Пьетро Ненни плакал рядом с коммунистом Тольятти.

Речь Хрущева на XX съезде положила начало отрезвлению. Польский «Октябрь» и венгерская революция 1956 года заставили многих задуматься: тогда это называли «ревизионизмом».

«Холодная война» между КПСС и КПК, побоище на Даманском (что там Фолкленды!), наконец, подавление «пражской весны» окончательно открыли глаза тем, кто способен был видеть. Руководство компартии Испании, жившее в эмиграции у нас, «изнутри» изучившее нашу «модель» социально-политического устройства, естественно, глубже других почувствовало пропасть между чаяниями европейских рабочих и так называемым «реальным социализмом». Итальянские коммунисты, пристально следившие за эволюциями КПСС после XX съезда и опиравшиеся на идейное наследство Грамши, также заняли критическую позицию. Даже Жорж Марше завертелся, как флюгер, между «социализмом французских цветов», сулящим голоса избирателей, и щедрой поддержкой с Востока.

Так родился еврокоммунизм.

Предоставим слово его представителям.

Хосе Луис Мало де Молина (профессор Мадридского университета):

«Наш путь к социализму исходит из уверенности в том, что демократия имеет всемирное значение; он предполагает стремление действовать таким образом, чтобы продвигаться вперед в условиях свободы, основываясь на всемерном развитии всех индивидуальных и общественных свобод, на плюрализме, означающем свободную деятельность политических партий и их чередование у власти на основе всеобщего избирательного права в соответствии с конституцией... Мы выступаем за создание такой политической демократии, которая способна не только вмешиваться в экономическую жизнь для обеспечения справедливости, но и содействовать прогрессу производственных отношений и смене господствующих классов. Речь идет о создании

демократии, которая позволит прийти к социалистическим преобразованиям, основанным на согласии, гармонии, а не на принуждении, которая способна планировать экономическое развитие и осуществлять реорганизацию всех государственных органов, противодействовать авторитарным и антидемократическим тенденциям монополистического капитализма».

Антонио Яннаццо (профессор Римского университета):

«Итальянский марксизм в ходе истории выработал представление о социализме как проблеме: не как о навсегда установленной и статичной модели, а как о напряженном поиске, направленном на создание «Града Человека», где личность получила бы самое всестороннее развитие. Такое представление тесно связано с современной исторической стадией, когда существует опасность взаимного уничтожения классов в борьбе и социально-экономического регресса... Социализму следует не поддаваться искушению культа существующей реальности в том виде, как она сложилась, а способствовать возникновению в сложных лабиринтах кризиса капиталистической рациональности жизнеспособных сил, несущих новые ценности: развитию личности нового общественного работника, деятельность которого не ограничена традиционными рамками промышленного предприятия, а проявляется в сфере квалифицированных общественных услуг, базирующихся на новейших технологических достижениях, а также развитию демократически настроенных средних классов, которые при социализме обретут понимание общественно полезного труда. Решением этих проблем можно преодолеть опасность взаимного уничтожения классов в борьбе, предотвратить угрозу оказаться в тупике «пассивных» революций, против чего предостерегал Грамши, — революций, которые не доводят до конца начатые преобразования и останавливаются на полпути; это явление, если не ошибаюсь, можно наблюдать в странах реального социализма».

Лучано Антонетти (журнал «Нуова ривиста интернационале»):

«В новой конституции провозглашены: республика, основанная на труде, новая внешняя политика государства, реформа аграрных отношений с ликвидацией в первую

очередь латифундий; эта конституция ограничивала права собственников и расширяла права трудящихся, она заложила основы реформы по демократизации государства. Конечно, провозглашение и осуществление — это не одно и то же. Но при всем том нельзя назвать итальянскую конституцию буржуазной. Сегодня ряд важнейших государственных прерогатив передан в руки местных властей, произведена реформа государственного управления, происходит децентрализация власти, она приближается к народным слоям, к трудящимся, которые пользуются новыми полномочиями. Борьба за придание демократии в Италии еще более передового содержания продолжается. В Италии есть силы, опирающиеся на сектор традиционного капитализма, которые хотели бы урезать функции парламента и придать более технократический характер вмешательству государства в социально-экономическую область в ущерб устремлениям народа. Борьба за парламент, за повышение его эффективности и расширение его функций — один из главных элементов нашей стратегии продвижения к социализму».

Клод Мазарик (член ЦК ФКП):

«Наша стратегия во многом совпадает с некоторыми политическими шагами и практическими действиями ряда коммунистических партий Западной Европы и других континентов. Некоторые обозреватели дали этому сплетению совпадений свое название «еврокоммунизм». Мы не оспариваем термин, который является удобным и правильным в качестве определения...»

Мы цитировали слова еврокоммунистов по брошюре, изданной в 1980 году в Праге: «Революция и демократия. Международная дискуссия марксистов». Дискуссия проходила в Венгрии. Разумеется, коммунисты-неевропейцы дружно оспаривали тезисы еврокоммунистов.

Для полноты картины напомним неоднократные заявления Э. Берлингуэра, секретаря ЦК ИКП, о том, что членство в НАТО гарантирует суверенитет Италии, его категорическое осуждение интервенции в Афганистан, введения военного положения в Польше, репрессий против инакомыслящих.

Так что же такое еврокоммунизм?

Нам кажется, что правильную оценку этому явлению дал Милован Джилас, сам проделавший мучительную эволюцию

от коммунистического ислама с Меккой-Москвой к демократическим и социалистическим убеждениям: европейски мыслящие коммунисты могут стать одним из отрядов рабочего движения, если избавятся от наследия «казарменного коммунизма» во внутривнутрипартийной жизни и окончательно порвут не только со словосочетанием «диктатура пролетариата» (отказаться от неудобного термина легче легкого), но и с реальным... восточным деспотизмом.

Б. Темников

КАК ЖИТЬ «НЕ ВО ЛЖИ»?** (Советы социалиста)

Пронзителен призыв Солженицына. Так сто лет тому назад Достоевский звал молодежь: «Возвысьтесь духом и формулируйте свой идеал». Говорят, будто совсем не обязательно, чтобы моралист сам следовал максимам, которые благодаря ему увидели свет. Хорошо, что Ницше не толкал падающих, но непроницаемые барьеры между мыслью и словом, словами и поступками стали настолько принадлежностью нашего быта, что ни глаз, ни ухо не воспринимают «истин в себе». Только тот, кто сам стремился жить не во лжи, может надеяться, что его голос будет слышан среди потока ни к чему не обязывающих звуков.

Александр Исаевич — цельная личность, не писатель-моралист, а пророк. Его максимы можно и нужно выверять его жизнью. Поэтому, как мне кажется, его автобиографическое «Бодался теленок с дубом» — наилучшее разъяснение как плюсов, так и минусов его моральной концепции-позиции.

«Идет охота на волков», — хрипел Высоцкий. Вчера еще зафлаженный волк, на бегу зализывающий раны, Солженицын попал в благожелательно-либеральную литературную среду. Провинциал среди москвичей, сельский житель среди горожан — разве могут они чувствовать себя в своей тарелке? А тут лагерник, «зэка».

В. Я. Лакшин, вообще говоря, справедливо упрекнул автора «Теленка» и за некоторую жестокость в оценках, и за

** Так у автора; у Солженицына: «Жить не по лжи».

«конспиративность» сверх меры. Но только тот, кто сам побывал по ту сторону флажков, может понять и оценить перехлестывающую через край упоенность Солженицына «делом»: печатаньем, закапыванием в землю, переодеванием, удачной передачей «кому следует».

Как бы ни чирикали воробьи на Лубянке, победитель — он.

Да простит мне Александр Исаевич: «Теленка» пронизывает пафос *подпольщика*. Сейчас в приличном обществе это ругательное словечко. И дело не только в том, что Нечаев некогда, а Красные бригады сейчас скомпрометировали его. «Приличные люди» чураются не безнравственности тех или иных подпольщиков, а *нравственного максимализма*.

С их точки зрения, пожалуй, автор «Одного дня...» и будущего «Архипелага» жил во лжи, а не как положено правдецу — душа на распашку.

Ну а на самом деле, как можно сочетать категорическое требование правдивости с необходимостью «ловчить»: прятать «Самиздат», помогать попавшим в беду товарищам, избегая «преждевременной» изоляции, общаться, имея в виду «всеслышащие уши», переписываться, учитывая «всевидящий глаз»? Не является ли «подполье» синонимом «бесовщины»? И не главный ли «бес» сам Александр Исаевич?

В поведении и суждениях автора-героя «Теленка» легко обнаружить и промахи, и заблуждения, и даже самообман. Но никогда Солженицын не прибегает ко лжи, желая использовать ложь «во спасение», «для пользы дела».

Оглянемся чуточку на историю.

В Париже в 1888 году Лев Тихомиров, бывший идейный вождь «Народной Воли», опубликовал брошюру «Почему я перестал быть революционером?» Причин названо было им много — философских, социально-экономических, среди них были и нравственные.

«Всех поголовно (исключая 5-10 единомышленников) нужно обманывать, — писал Тихомиров, — с утра до ночи, от всех скрываться, во всяком человеке подозревать врага».

Тихомирову ответил Плеханов. «Мы не знаем, много ли народа он обманул, когда считался революционером. Очень возможно, что много... Но из этого вовсе не следует, что все революционеры, — подчеркивал Плеханов, — по самой силе

вещей должны быть обманщиками... Революционная деятельность требует только сохранения тайны, а от сохранения тайны до обманов еще очень далеко. Тайны могут быть у самого правдивого человека, не сказавшего во всю свою жизнь ни одного лживого слова...»

— К чему все это — столетней давности воспоминания? — спросит нетерпеливый современник.

К тому, что за эти сто лет не была выведена, слава Богу, новая порода людей, а социальное бытие, увы, изменилось не столь радикально, как кажется.

Александр Исаевич с его нравственным максимализмом, родился он в прошлом веке, попал бы на каторгу, как Достоевский, или в лучшем случае, как Толстой, был бы предан анафеме. Напротив, Тихомиров бы в наши дни появился на голубом экране рядом с отцом Дудко или интеллектуалом Болонкиным.

Я не отрицаю течения времени, я лишь констатирую: по-прежнему, с одной стороны — «государства истукан, свободы вечное предверие», с другой — «и мы живем по той же мерке, мы, люди катакомб и шахт», мы, *подпольщики*.

По-прежнему, «клад — в земле.

На земле. —

Обездушенный калейдоскоп».

Бессмысленно читать «Бесов», думая, что это все не про нас, а про нечаевцев. Каждый, кто обладает умом и гражданским мужеством, обязан, оказавшись в оппозиции к властям предрержащим, в себе самом *выпалывать ростки «бесовщины»*. Никакая доктрина не спасает от них. Игнатий Лойола и Макиавелли почти одновременно провозгласили, что-де цель оправдывает средства. Я знавал христиан-нечаевцев и социалистов-иезуитов.

Солженицын, как бы не относиться к проповедуемым им воззрениям, имел право бросить свой призыв: «Жить не во лжи!»

Это в наших условиях не означает везде и всегда говорить «правду и только правду». Иногда надо молчать, как рыба. Но, открыв рот, не следует осквернять его ложью, ни в коем случае! И нравственный такт и тактика борьбы с голубыми охранителями официальной лжи подсказывают одно: *отказ от дачи показаний, когда дело касается других лиц*,

неучастие в заведомо лживых словопрениях, прямое и искреннее высказывание своих убеждений, если есть надежда, что ты будешь услышан, — такова оптимальная норма поведения «инакомыслящего».

Решение о том, когда следует отмолчаться, а когда необходимо не молчать, — суверенитет совести каждого, но совести, очищаемой постоянно и от «инерции страха», и от ростков «бесовщины».

— Но как «жить не во лжи», работая на это государство? — скажут мне. — Разве все мы — не винтики гигантского аппарата насилия и обмана? Иван Иванович, выполняя норму у станка, увеличивает его экономическую мощь; Сидор Поликарпович поднимает его престиж, танцуя на сцене Большого театра, а Укроп Помидорович представляет его на международной арене. Относительно молчания — это куда не шло: «молчалники вышли в начальники», а выскажись — и ты уволен, а у тебя семья... Что прикажете делать?

Во-первых, действительно, все мы несем ответственность за то, что совершается «здесь и теперь». Вина за соучастие (хотя бы пассивное) во зле и лжи — на совести каждого.

Во-вторых, все таки у *каждого своя мера вины*. Винтик винтику рознь. Одно дело, когда с твоего станка — «жигуль», другое дело, когда танк. Продажа рабочей силы превращает тебя в пролетария, продажа любви — в проститутку... У тракториста и министра, простите, разные работы. И человек волен выбирать себе способ добывания хлеба.

Воспользовавшись языком из «Одного дня Ивана Денисовича», я бы так сформулировал правило: чтобы к минимуму свести личную вину, *будь работягой, а не придурком*.

«Придурок — это умный заключенный при дураке начальнике», — пытался отшутиться некто Дьяков после того, как «Один день...» потряс мир. Но в зафлаженных пространствах придурками называли тех, кто покупал себе освобождение от общих работ и работенку — полегче и потеплее — ценой компромисса с Волковыми, конечно, за счет работяг. «Есть компромиссы и компромиссы», — писал еще Ленин.

Работяга, умело и ладно справляясь со своим делом, тоже идет на компромисс: позволяет себя эксплуатировать. Зато ему нечего терять, в «большой зоне» он — не здесь, так там —

найдет применение своим рукам и голове, начальство, заинтересованное в «показателях», нуждается в нем, а ему нет нужды вертеться вокруг начальников, как вертится придурок.

На социальные действия («перерывы в работе») способны в первую очередь работяги.

Сказанное имеет отношение не только к физическому труду. Почему Андрей Дмитриевич Сахаров, практически один из «бессмертных», снизошел до нужд и бед этой земли? Он — не из академиков-придурков, а академик-работяга.

К сожалению, психология придурка в наши дни захлестывает общественное сознание: придуриваются повально, «туфта» — совмещение видимости дела с фактическим отвиливанием от него — явление массовое, как пьянство. Я бы сказал, что психология эта — подтекст официальной идеологии.

Даже диссиденты бывают склонны поддерживать ее. Конечно, и пьянство, и туфта, и воровство не способствуют укреплению государственной системы; но еще скорее, чем они разлагают ее, они растлевают общество, создают круговую поруку придурков, лишают каждого моральной стойкости и способности на осознанный социальный протест.

Мы, социалисты, за труд и против паразитизма. Разумеется, опять-таки совесть каждого суверенна в решении вопроса, как в каждом отдельном случае следует соблюдать меру между необходимой продажей своей рабочей силы и государственной проституцией — в прямом и переносном смысле этого слова.

Как Бог для верующего, индивидуальная совесть — последняя нравственная инстанция для социалиста.

Г. Zubov-Полянский

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

ИДЕЯ НЕНАСИЛИЯ

Искоренение насилия в отношениях людей и в международных отношениях — проблема актуальнейшая, каса-

ющаяся всех и каждого, проблема реального осуществления прав человека внутри стран и исключения войн как способа разрешения конфликтов.

Римский клуб с его концепцией «человеческой революции», как и до него Лев Толстой, Махатма Ганди и Мартин Лютер Кинг, выдвинул идею ненасилия как альтернативу вакханалии убийств, массовых и индивидуальных, репрессий, ставших системой, преследованиям национальных меньшинств, инакомыслящих, попранию человеческого достоинства.

Что ненасилие — благо, ясно было уже Будде и Моисею. Толстой непосредственно опирался на ранехристианскую традицию «непротивления злу насилием». У нас толстовство не перешагнуло узких рамок сектанства, вплелось в контекст «теории малых дел», в то время как в обществе назревала потребность «больших дел» — приближался не календарный — настоящий XX век.

Махатма Ганди сумел придать идее ненасилия действенный и массовый характер. Не «непротивленчество», а *организованное массовое ненасильственное сопротивление* — кампания гражданского неповиновения, бойкоты и забастовки, марши протеста вынудили англичан в конце концов согласиться с призывом Национального Конгресса «Вон из Индии!».

Мартин Лютер Кинг, лауреат Нобелевской премии Мира — как и наш Сахаров, боролся за равноправие черных американцев. И надо сказать, что возглавляемое им движение, а не «черные мусульмане» или «черные пантеры» добилось известных успехов. Убийство Кинга, как и убийство Ганди, — свидетельство не против их идеи, а показатель того, что предстоит еще колоссальная нравственно-просветительная и организационно-воспитательная работа, прежде чем насилие будет повержено.

Имеет ли идея ненасилия точки соприкосновения с кругом идей социализма и реальной тактикой демократического рабочего движения?

В XIX веке все социалисты были согласны в том, что «мир насилия» необходимо разрушить. Будущее представлялось им как ассоциация индивидов, где свободное развитие каждого является условием свободного развития всех. Путем

достижения этой цели большинство социалистов считало, однако, насильственную революцию. Почему?

Буржуазные правители и идеологи склонны были видеть в социалистах «кровавых маньяков», не желая видеть *очевидной преемственности* между тем, как они сами оказались у власти, и тем, какими средствами их собирались свергнуть.

Романтика заговоров и баррикадных боев витает над прошлым веком. Кому адресована картина Делакура «Свобода на баррикадах» — республиканцам или социалистам, буржуа или пролетариям? Кем был Гарибальди — этот рыцарь без страха и упрека — буржуазным революционером или социалистом?

Право граждан Северо-Американских Соединенных Штатов иметь оружие обосновано было «отцами-законодателями» очень просто. Если правительство пойдет против воли народа, народ с оружием в руках свергнет его и поставит новое.

Насильственная революция представлялась (и, как правило, была) единственно возможной формой изменения порядка вещей: феодального — в буржуазный, буржуазного — в социалистический; проще говоря: без насилия как средства борьбы не могли обойтись даже принципиальные противники насилия.

Раскол среди рабочих-социалистов на анархистов и социал-демократов, полемика между Марксом и Бакуниным в XIX веке и судьбы как социал-демократии, так и различных ответвлений анархизма в наше столетие определялись, в частности, поиском, противоречивым поиском — поиском «методом проб и ошибок», поиском принципиально новой тактики и стратегии в то время, когда идея ненасилия становится все насущней а прогресс средств насилия все ускоренней.

Буржуазные интеллигенты, присягнувшие на верность «четвертому сословию» и потому присвоившие себе, порой без достаточного основания, право говорить от имени рабочего класса, естественно, переоценивали свои теоретические возможности и недооценивали здравый смысл и практический опыт масс. «Сами рабочие не могут подняться выше тредюнионизма», — повторяли они, вместо того чтобы

понять, что такое тредюнионизм. И только там и тогда, где и когда ищущая мысль революционеров опиралась на практику самостоятельного рабочего движения, обобщая ее, этой мысли удавалось увидеть новое.

Так анархо-синдикализм «открыл» революционный характер вполне мирного тредюнионизма и политическое значение всеобщей стачки.

Общеизвестный вывод Маркса и Энгельса о британском — ненасильственном и парламентском — пути к социализму был предварен чартистским движением.

У нас в 1905 победила октябрьская всеобщая стачка и потерпело поражение декабрьское вооруженное восстание. Февральско-мартовская революция 1917 года, свёргнувшая царя, не была результатом «восстания как искусства». Стихийные демонстрации и забастовки плюс *гражданское неповиновение* Волынского полка, открывшего переход войск на сторону народа, и как результат — «бескровная революция».

Но что ворошить прошлое?

Во второй половине XX века свободу не завоеешь на баррикадах!

В прямом вооруженном столкновении всегда победят не доблесть и массовость, а современная техника. А если так, то столбовой дорогой народной революции в наше время следует признать путь Ганди и Кинга. И нам, социалистам, следует не вздыхать о романтике минувших революций, а радоваться, что наша цель (устранение насилия) и средства борьбы за ее осуществление пришли к гармоническому единству.

Работники физического и умственного труда составляют в большинстве стран 90% самодеятельного населения. Если они не дадут превратить себя в рабов на производстве и пролетариев (подобие римской черни, не желающей ничего, кроме «хлеба и зрелищ») в свободное от работы время, демократический социализм восторжествует над всеми происками врагов демократии, как бы они ни были технически вооружены.

Сознание масс — вот тот нитротолуол, который взорвет мир насилия, или... или глупость и слабость наша предоставит

кучке безответственных лиц решать судьбу человечества с термоядерным оружием в руках.

В конце XX и на рубеже XXI века идея ненасилия — уже не просто благая мысль, а единственно возможный способ существования.

Э. Рэя

РЕВОЛЮЦИЯ И КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ В ПОЛЬШЕ

Три раздела еще в «добрые» старые времена. Четвертый — между Гитлером и Сталиным. «Мы с молодой Германией уничтожили ублюдок Версальского договора — панскую Польшу» (В. М. Молотов). Расстрел пленных офицеров — упорно не сознаемся. Расстрел польской компартии — признаем: чего не случается между своими!

«Кто победит в неравном споре — кичливый лях или верный росс?»

И для Запада, и для Востока поляк — синоним славянина-бунтаря.

«Поляка убили», — говорят инсургенты в Париже 48 года о Рудине. «Ты — поляк?» — первый вопрос самодержца всея Руси к злоумышленнику Каракозову.

При режиме, удачно названном Герценом «самодержавием наоборот», все понятия тоже перевернуты: революция называется контрреволюцией, контрреволюция — революцией. Поляк в этой системе слов, конечно, — контрреволюционер по натуре.

— Не все ли равно, к какой системе слов мы будем прибегать? — спросят благомыслящие люди. Все относительно. Не так ли?

Не так!

Можно спорить о характере революции 1917 года в России, но безусловно — она была.

Была ли аналогичная революция в Польше после отступления немецко-фашистских оккупантов? Не было.

Профессор Адам Лопатка, еще в 80 году директор Института государства и права Польской Академии наук и официальный представитель ПОРП на международных совещаниях с братскими партиями, признает: в Польше после

войны его партия удерживала власть вопреки воле большинства, получив ее от советского командования. «Если в подобной ситуации был бы проведен референдум, новая власть не получила бы большинства». («Революция и демократия». П-80, стр. 77.) Если бы не было Рокоссовского сотоварищи, «новую власть» поляки бы вышвырнули в Белоруссию.

Как уничтожение «панской Польши», так и создание «народной» — результат не внутреннего переворота, а внешней экспансии.

Но вот «поляк усмирен»..

«Мы имеем право сказать, что в принципе построили в нашей стране основы социализма, — говорил Э. Герек на VII съезде ПОРП, — и упрочили его социально-экономическую и политическую структуру. Современная Польша принадлежит к странам, где, говоря словами Маркса, социализм получил уже собственную прочную основу». («VII съезд», М-76, стр. 101.)

Ложь? Как оказалось, ложь, причем ложь с двух прямо противоположных точек зрения. С официально-государственной точки зрения Герек лгал, потому что и социально-экономическая, и политическая структура была накануне краха. С другой стороны, любой социалист мог бы возразить ему: «По теории того самого Маркса, на которого вы ссылаетесь, социализм — это бесклассовое и безгосударственное общество, появляющееся на свет благодаря рабочей революции и после «отмирания» политического господства рабочего класса. Разве что-нибудь подобное наблюдается в царстве Польском?»

Начались забастовки.

Рабочий класс послевоенной Польши — преобладающая составная часть «совокупного пролетария», над которым — «совокупный капиталист» — партийный, военно-полицейский и технократический аппарат с родными и близкими. В любой стране с подобной «вертикальной» структурой можно ожидать столкновения «низов» и «верхов». И столкновения эти имели место: в ГДР — 53 год, в Познани — 56, в Венгрии — 56, даже у нас, когда Хрущев поднял цены на мясо, масло и молоко, в Новочеркасске были «массовые беспорядки». Волновались горняки в Румынии. Ну а поляк есть поляк.

Биография Леха Валенсы — яркий пример накопления польскими рабочими опыта классовой борьбы с государственным капиталом, его агентами и приживальщиками.

«Не жгите комитеты ПОРП, создавайте свои!» — этот лозунг направил движение по оптимальному в современных условиях пути — *по пути массового ненасильственного сопротивления и классовой организации*. «Пролетарии умственного и физического труда, объединяйтесь!» «Рабочие разных стран, обменивайтесь опытом!» Так родилась и выдержала конфронтацию с правительством «Солидарность».

Пролетарски классовая по своим методам это была *социалистическая по целям революция*. Параллельно идущие демократизация политической системы и социализация средств производства приковали к польскому эксперименту напряженное внимание мирового общественного мнения.

Что значит демократизация? Свободные выборы в Сейм и подчинение правительства Сейму. Осуществление общепризнанных прав человека.

Что значит социализация? Превращение трудящихся из наемной рабочей силы в совладельцев предприятий, на которых они работают.

Увы, и то и другое означало для подавляющей части правящей бюрократии и потерю привычных привилегий, и форменную безработицу. Естественно, что она подумывала о контрреволюционных мерах. Хорошо бы остановить движение на полпути: пусть рабочие имеют свой профсоюз и право на забастовку, но не больше! Пусть будут свободные выборы в местные органы власти, но не в Сейм!

Однако «низы» не хотели жить по-старому, а «верхи» не могли.

Интеллигенция, крестьянство, обладающая колоссальным влиянием церковь поддерживали «Солидарность».

Традиционный жандарм Европы и колонизатор Азии, принимаемый за международного революционера за провоцирование смут в чужих владениях, разумеется, не мог допустить победы социалистической демократии у себя под носом. Интервенция, как в 68? Но не улеглась еще волна возмущения от вторжения в Афганистан. Сражаться на два фронта — тоже не в наших правилах.

И тогда была разработана операция «Бонапарт».

В. Ярузельский должен был — «во имя общенациональных интересов» — встать над борющимися классами и примирить их введением военного положения.

Кто он и что он — этот сухонький генерал в очках, взятых у Пиночета? Бонапартисты, по своей инициативе захватывавшие власть, сгорали от заметного всем честолюбия. Но на телеэкранах в день декабрьского переворота сидел удрученный человек, за спиной которого виден был польский орел, завалившийся на правое крыло. Должно быть, в телестудии дул сильный восточный ветер.

Вероятнее всего Ярузельский — Людовик-Наполеон поневоле.

В 68 году — в связи с чехословацкими событиями — ходила такая шутка: «Что такое Свобода? Осознанная необходимость».

Подобно Свободе, Ярузельский считал невозможным сопротивление «братской помощи», но он пошел дальше Свободы, решив собственными руками подавить рабочих, чтобы избежать кровопролитного вторжения.

Конечно, чужая душа — потемки. Но так или иначе именно В. Ярузельский возглавил контрреволюционный переворот в Польше и стал главой военного правительства. Армия повиновалась ему.

Мы употребили термины «бонапартизм», «контрреволюционный переворот» — они в традиции социалистов, так бы выразился Бебель или Жорес. Ну а каким эпитетом наградит акт Ярузельского официальная «наоборотная» идеология? Как бы ни сочувствовала она военной диктатуре, назвать ее, скажем, «общенародной революцией» не поворачивается язык даже у самых закоренелых «правдивов».

В 1979 году издательство «Прогресс» в Москве выпустило книгу Ежи Вятра «Социология политических отношений». (В Варшаве на польском она вышла в 77.)

Вятр, в частности, классифицирует «типы» государств и соответствующие этим типам «формы». Например, тип — буржуазный, а формы — конституционная монархия, республика (парламентская, президентская), фашистская диктатура, военная диктатура.

«Соотношение классовых сил серьезно влияет на то,

какой является форма государства. Цезаристские диктатуры возникали чаще всего тогда, когда между главными классовыми силами складывалось своего рода равновесие, в результате чего ни одна из этих сил не могла обеспечить своего господства, что создавало благоприятные условия для установления личной диктатуры... В ходе всей истории — от диктатур Суллы и Цезаря, через диктатуры Кромвеля и Бонапарта до фашистских или военных диктатур — повторяется закономерность, что господствующий класс, чувствуя угрозу для своей власти со стороны народных масс, прибегает к «чрезвычайным средствам»...» (стр. 361)

Ну что ж, с Е. Вятром трудно не согласиться. «Наоборотная» система слов совпадает с нашей, когда речь идет о прошлом.

Далее польский социолог говорит о «социалистическом типе» государства. Единственная форма, соответствующая этому типу, — «социалистическая республика». Ни тебе конституционной монархии, ни военной диктатуры. Здесь Вятра могли бы покритиковать за «дедуктивность» социологи-наоборотники, склонные к эмпиризму. Разве можно сводить к «единственной форме» все политическое разнообразие «социалистических» государств от Пхеньяна и Пекина до Тираны и Бухареста?

Наш родной «наоборотник» Г. Шахназаров, которого Вятр неоднократно и почтительно цитирует, подыскал для той же цели более широкую формулировку: «Коренное и принципиальное различие между социалистическим государством и государствами формаций, основанных на эксплуатации, — пишет он, — состоит в том, что единственной *адекватной* ему формой является социалистическая демократия». («Социалистическая демократия», М-74, стр. 16.)

Стало быть, бывают и неадекватные!

Ничего более конкретного с официально-государственной точки зрения и не скажешь.

Бонапартистский акт Ярузельского — беспрецедентный случай, для которого не успели придумать термина-оборотня. И раньше, конечно, рабочих не только «стращали» оружием, но и пускали его в ход, но это делалось тайно, а обнаруженные трупы считались трупами «хулиганствующих элементов» или «агентов империализма». Но объявленное

введение военного положения в стране, которая по суше граничит с «братскими» странами — ГДР, Чехословакией и нами, а по морю — с нейтральной Швецией, военного положения, направленного очевидно *против* абсолютного большинства собственного населения, — этого пока еще мир не знал...

Вывод: польские события однозначно определяемы в терминах, принятых нами, демократами и социалистами. Никакой двусмыслицы здесь нет и не может быть. «Проклятие, — как говаривал Герцен, — проклятье, а когда возможно — и месть!»

Я. Васин

УЧАСТНИКИ СБОРНИКА «СОЦИАЛИСТ—82» НЕ ПРЕТЕНДУЮТ НА АВТОРСКИЕ ПРАВА. Псевдомыслям, подписанным собственными именами, они предпочли мысли собственные, подписанные псевдонимами. Это не лицемерие, а вынужденная мимикрия.

Издатель сборника *М. БОЛХОВСКОЙ*

КРАТКАЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА

(Самиздат)

1. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА — ПОЛИТИКА МИРА

Объявление СССР нейтральным государством; отвод советских войск со всех иностранных территорий; выход из Варшавского пакта при сохранении двухсторонних соглашений; предложение США и другим странам НАТО последовать примеру СССР; дальнейшее развитие невоенной интеграции в рамках СЭВ.

2. ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА

Переход, как минимум, к двухпартийной системе; отмена политической цензуры печати, радио, телевидения; свобода митингов и демонстраций; всеобщая политическая амнистия, включающая политических эмигрантов; отказ от засекречивания от средств массовой информации решений любых партийных и общественных организаций; сохранение сложившейся структуры выборных советских органов при полной отчетности перед ними всех государственных органов, министерств, комитетов.

3. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И РАБОЧАЯ ПОЛИТИКА

Повышение жизненного уровня народа за счет сокращения военных расходов и более рациональной экономической структуры; выбор формы собственности и уровня прав руководителя в каждой отрасли производства должен определяться не интересами самого производства, а общей экономической конъюнктурой. Рабочие должны иметь право на создание независимых от государства профсоюзов, право трудящихся на забастовки.

4. НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

После создания демократических условий должны быть проведены национальные референдумы по определению дальнейшего статуса национальных республик, входящих в СССР.

Соблюдается право на отделение республики при соответствующих результатах референдума на условиях сохранения сложившейся экономической интеграции.

Подпись: Политические заключенные СССР

АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ СЕГОДНЯ

С. Пирогов

ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОЙ, ИЛИ КТО КОГО

Пенитенциарная политика в СССР признает в качестве своих исходных и основополагающих два догмата, друг друга взаимно исключающих. Первый из них гласит, что целью наказания является не уничтожение преступника, а его исправление, что наказание лишением свободы не должно быть слишком суровым, так чтобы у оступившегося в преступление человека оставалась возможность и реальная надежда влиться в общество и после отбытия срока (либо даже досрочно, при соблюдении ряда четких условий) не оказаться отверженным. Этот догмат, в сущности, исходит из либерально-демократической концепции, которую официальная государственная доктрина не отрицает, а считает «по-гегелевски снятой», то есть превзойденной через включение в себя, как более совершенное поглощает, не отменяя, менее совершенное. Либерализм постулирует, что «действенность наказания — не в его суровости, а в его неотвратимости», что общество и государство несут на себе определенную долю вины за существующую преступность, а посему общество — в лице его официального представителя, государства — обязано взять на себя бремя расходов по социальному перевоспитанию преступника и возвращению человека в свою среду.

Другой из догматов прямо противоположен либеральным принципам и практически полагает, что «человека за решеткой» необходимо подавить, лишив всяких шансов вновь стать хоть сколько-нибудь влиятельным членом общества. Если строгую регламентацию «гарантийного» питания еще можно объяснить стремлением рачительного государства сэкономить общественные средства по пенитенциаризации, то ограничение прав родных и близких помогать оказавше-

муся в беде человеку имеет лишь одно возможное толкование: это не что иное, как стремление карательной системы государства разрушить семейные связи, разорвать имеющиеся дружеские и товарищеские узы, всякие остающиеся еще социальные контакты осужденного с обществом, изолировать его не только на срок заключения, но и после него. Это еще нагляднее обнаруживается при ограничении переписки, свиданий, возможностей учиться, развивать свои творческие способности. Конечно, этот второй догмат «пенитенциария» выражен не столь прямо, он прикрыт оговорками декларативного характера, вроде: «Наказание не имеет целью причинять физических и нравственных страданий осужденному». Пустота подобных утверждений очевидна. Налицо не просто противоречие между словами и делами «исправительно-трудовой системы», а глубинное противоречие доктринальных принципов. С одной стороны, государство стремится сократить преступность ради собственных интересов, ибо преступления причиняют ущерб самому государству, хотя порой государство и получает от эксплуатации этого бедствия прямую выгоду (как и от такого социального бедствия, как алкоголизм). С другой стороны, поскольку надежды на исправляемость преступника невелики, то аппаратчик, твердо верящий во всепокрушающую мощь тоталитарного государства, привычно ожидает более реальных результатов от мер устрашения и подавления тех, «кто не желает вставать на путь исправления». Однако государство, столь любящее сообщать о достигнутых успехах, воздерживается от публикации юридической статистики по понятной причине: скромности, если не сказать больше, реальных достижений в этой сфере. Мировая практика дает основание заключить, что ужесточение мер наказания может сократить сектор легких, мелких преступлений, но зато увеличить число тяжких преступлений: при жестком выборе идущий на преступление человек действует по принципу «семь бед — один ответ». И карательная система в СССР, делающая ставку на ужесточение мер подавления, также оказывается неэффективной в деле сокращения преступности, насколько я могу судить по своим личным впечатлениям от лагеря строгого режима.

Я пробыл 12 месяцев в ИТУ (исправительно-трудовом учреждении) УГ—42—10, станция Шожма Няндомского района Архангельской области, система УИТУ УВД Архангельского облисполкома. Двенадцать месяцев, с августа 1974 по август 1975 года, — «срок детский». Говорят и про три года: «можно на параше пересидеть». В самом деле, чувствуешь себя посетителем в волчьей пасти, где основная масса зэка уже освоилась и видит «дом родной», она привыкла утешать себя поговоркой: «Вышел — не радуйся, сел — не грусти». Для тебя это — путешествие в какой-то там «круг» Данте, а для них — единственно возможная жизнь. Для тебя — эксцесс, несчастный случай, для них — норма. Для тебя — заключение, для них — бытие, в котором надо найти свои радости и свое счастье, ибо «одноваживешь». Сознание, что я там только на двенадцать месяцев, было самым сильным подспорьем. Спрошенный уже на вокзале встретившими меня товарищами: «Ну, как там? Расскажи», я мог сказать коротко: «Это было бы убийственно, если бы не двенадцать месяцев только, а годы». Я мог бы добавить, что даже и двенадцать месяцев были много тяжелее, чем годы в Мордовии, «среди своих».

Что же было самое страшное? Острое недоедание? Принудительная работа на сквозняках, без теплого белья? Все это было. Но все же я бы сказал без колебаний, что самым тяжким было вынужденное, на узенькой полоске земли, общение с людьми озверевшими, готовыми накинуть на твою спину тонну, лишь бы самому не нести килограмм. Мне нередко казалось (я, конечно, преувеличиваю), что я сижу не в зоне с «бытовиками» (слово это я предпочитаю оценочному названию «уголовник» для осужденных за «общеуголовные преступления»), а в клетке с обозленными и извращенными хищными обезьянами. Я не хочу этим в чем-то упрекнуть обезьян. Даже если эти животные и виноваты в том, что неправильно выбрали себе родителей, то все равно их злоба и перверсивность были не от природы, а от среды обитания. А кто же ее устроил, среду?! Эти, с голодными глазами, энергичные молодые парни неугомонно ищут выгоду и отвлечение. Выгодой может быть пачка чая, сигареты,

добавочная рыбная котлетка размером в спичечный коробок, или банка мясных консервов или сотня рублей — в зависимости от шансов и масштаба влияния. А удовольствием и развлечением — только издевательство, надругательство, глумление над другим человеком. Эта садистская извращенность чувств уходит глубоко в подсознание, приобретает силу инстинкта, закона природы для такого подпольного «анти-общества». Сразу бросается в глаза в этих людях тесное, жесткое сращение сексуального чувства с жестокостью, выражаемое словом «садизм». Человек, охваченный «сладострастной жестокостью», которую когда-то Достоевский усмотрел в образе самки каракурта, пожирающей самца за ненадобностью, представляет собой естественный, закономерный продукт той исправительной де юре и истребительной де факто системы, которую мне довелось наблюдать изнутри. Это, конечно, обобщение, абстракция, пренебрегающая многими, и подчас очень важными, деталями. Тем не менее, в общем и целом перед глазами вырисовывается вполне четко социальный тип человека, который в лагере представлен в голом, чистом виде, без идеологических и нравственных фиговых листиков. Такой человек не только типичен в смысле большинства, но и сущностен в смысле качественного господства и модели для подражания. Он подчиняет себе и эксплуатирует окружающую среду, всю лагерную систему отношений, он активно воспроизводит свое хищническое отношение к окружающему. Говоря словами Достоевского, для него действительно нет сомнения в выборе «Миру провалиться или мне чаю не пить». Сколько их, таких вот изувеченных жертв-извергов, прошло через социальное подполье отверженности и вернулось к «честной трудовой жизни» неизлечимо антисоциальными, навечно расчеловеченными? Обратимы ли последствия более чем полувековой работы этого уголовного ГУЛага, если продуцируемый там гной воспроизводит себя в расширенных масштабах не только внутри зон, но и вовне? На эти вопросы можно ответить только после масштабных социологических исследований, время которых, быть может, еще не пришло.

Сама государственная система лагерей, официально провозглашающая своей целью исправление правонарушителя и возвращение его «к честной трудовой жизни»,

развращает своим вызывающим, обнаженно циничным ханжеством собственных своих работников, ибо на практике осознанно направляет всю себя и каждый из своих винтиков на прямо противоположную установку — растлить, разрушить душу правонарушителя, сломить его волю, поскорее износить и состарить его тело, погрузить его на социальное дно. Это война: система хочет этих людей уничтожить, предварительно выжав из них работу, высосать соки жизни изнурительным трудом по потогонным нормам выработки. А эти люди, попавшие под жернова костомолки, на пределе своих способностей, активно и изобретательно сопротивляются. Мало того, им, этим подлинно антиобщественным элементам (в любом обществе), *удается подчинить себе эту систему*, вынудить ее работать на себя, заставить служить своим интересам и выгодам, «взять на крючок», как они выражаются. Употребляя столь жесткие слова, я и в мыслях не имею обвинить этих людей. Скорее я выражаю удивление, насколько цепка, живуча среди заключенных эта порода «антиматерии», прямого продукта и порождения жестокого, нелепого, невежественно и бюрократически задуманного эксперимента, которому вопиюще противоречит весь опыт современного человечества: и социальная психология, и социология, и вся гуманитарная культура.

Психологи утверждают, что в трудной, подавляющей жизнь ситуации (недоедание, нервное напряжение в опасности, лишение нормального сна и человеческого общения и т. п.) в человеке в первую очередь подавляются и пропадают альтруистические, гуманные, выработанные культурным опытом людей чувства, а низменные, жестокие, агрессивные инстинкты и эмоции стимулируются и достигают предельной интенсивности. А когда репрессивные, подавляющие личность факторы перестают действовать, возникшие стереотипы сохраняют свою интенсивность.

Альтруизм и культура автоматически не возрождаются, когда человек оглушен и потерял доверие к людям и обществу. Психологи выражают это в смягченной формулировке: «Альтруистические эмоции возвращаются последними». Но могут ли они вообще возвратиться в человека, если он годами и безо всякой надежды живет в нечеловеческих условиях? Такой человек сможет более или менее ловко

маскировать свои эмоции, которые все же останутся чувствами «человека из анти-общества». Я говорю о массовом и типичном человеке. Мало кому дана сила плыть против течения, сила, а не только воля. В народе родилось немало пословиц и поговорок за последние десятилетия. Вот, быть может и не единственная из них, метко выражающая горестный опыт целой эпохи: «Все люди б..., весь мир бардак». Нравственно сильные люди, способные пренебречь этим опытом эпохи, — редкие и счастливые исключения в растлевающем и разрушающем духовность потоке ГУЛага, и не о них здесь речь.

Не вдаваясь в детали, можно весь контингент заключенных разделить на две «масти»: на «блатных» и «работяг» (прочих). Невозможно провести границу между этими двумя категориями заключенных, определить количественное соотношение двух групп. Можно сказать, что «мужик» — в лагере человек случайный, хоть и не по первому «заходу» в заключении. Он труженик, работяга, и нередко алкоголик, попавший, как правило, либо за мелкою хозяйственную кражу («Не за то, что украл, а за то, что попался», — объясняет он резонно свой срок), либо за «хулиганство», вызванное семейными, житейскими неурядицами («Жена посадила» или «Сосед-сука наклепал», — самые частые объяснения в таких случаях). «Мужик» в лагере терпелив, труслив, задавлен, а характер свой проявляет лишь по отношению к себе подобному, если он слабее и тише. «Бичи», или «турболеты», «политурщики» — по моим наблюдениям — *отнюдь не особая лагерная «масть»*, а просто «дно» мужицкой масти. Точь-в-точь по анекдоту: «Оказавшись на самом дне, я услышал стук снизу». Мужик старается быть себе на уме. Если он не идет на открытую подлость, не драчлив (хотя злобы и обиды накопил в себе ох как немало), если он смирен, то из страха перед более сильным, перед «блатным», перед которым заискивает без стеснения, «шестерит» (и кстати, «шестерки» — тоже не особая «масть» в лагере). Мелкую подлость себе подобному может сделать не задумываясь, а в оправдание скажет: «Это же лагерь. Здесь каждый сам за себя». Он вроде бы

подразумевает, что там-то, на воле, он бы такого не сделал. Ох, как бы еще сделал! Всюду, мол, каждый сам за себя .

Другой *активный* полюс контингента — «блатные». К лагерной жизни они вполне приспособлены, а на волю едут лишь на «гастроли». Выходя на волю по концу срока, «блатной» говорит тоном обреченного: «Я не надолго. Скоро опять подзалечу». И в самом деле приезжает вскоре с 3-4 годами нового срока («довесок», скажет он), за какую-то досадно мелкую кражу или за грубую пьяную выходку. И скажет: «Я хорошо отделался».

Когда-то Достоевский писал: «Человек — это существо, которое ко всему приспособливается». По странному парадоксу жизни, ужесточение условий содержания осужденных в общеуголовном лагере ведет к ужесточению внутри лагеря борьбы за существование, за выживание, более того, за своего рода «процветание», разумеется, единственным возможным там способом — путем порабощения более слабого соперника (то есть как раз тех людей, которые наиболее склонны вернуться к нормальной жизни, «порвать с преступным прошлым»), путем интенсификации «воли к власти», к «пожиранию» себе подобных. Это обострение борьбы «всех против всех» не исключает, конечно, определенных форм групповщины, солидарности вроде той, что у голодных волков, преследующих общую жертву; драка у добычи начинается потом. Более того, известно также и о солидарности более высокого типа у таких сплоченных групп, как *настоящие блатные*. Самоназвание их — «воры» — не должно вводить в заблуждение. Те имели свою строгую мораль, мораль, приспособленную для выживания *этой группы*, с чрезвычайно жестким кодексом чести и безжалостной расплатой за его нарушение.* Правда, настоящая блатная мораль, презирающая саму смерть и пытку ради верности «идеи», «закону», жива не только в романтической лирике В. Высоцкого, создавшего в своих блатных песнях

* В связи с этим хочу отметить, что в Шожемском лагере мне довелось познакомиться только с одним настоящим, единственным в зоне, блатным, уже слабеющим человеком лет под семьдесят, с катарактой глаз. Он с презрением и ненавистью глядел на массу «шерстяных», «блатующих», на «беспредельщину», несовместимую с его представлениями о воровской чести.

образы весьма колоритных д'Артаньянов преступного мира, но также и в доживающих свой век легендах о лагерных традициях, передаваемых приобщающимся юнцам. Но скоро эти романтики, попав из лагеря общего режима на строгий режим «по новой ходке» (или «по новому заходу»), легко усваивают, что надо лишь носить маску блатного, но НЕ БЫТЬ им. Шапка Мономаха тяжела. Легче блатовать, блефовать, принимать устрашающий вид, вымогать, и в то же время прямо не выдавать себя за блатного. Последнее было бы самозванством, за которое при случае можно жестоко поплатиться. Так возникает в лагерной массе особого рода «мораль блатующих», «мораль шерстяных», «шерсти», легко усвоивших, что слабого надо добивать, что надо «шестерить», прислуживать сильному «пахану», группироваться вокруг него, легко и быстро предавать оказавшегося в проигрыше, а главное — ловить удачу и зыркать всюду и везде, где можно урвать клочок выгоды, глоток водки или чифира, где можно обмануть и сыграть на чужих слабостях, будь то благородная готовность помочь сотоварищу по заключению, или доверие к закланию «бля буду», или желание задобрить проходимца и его «кодлу».

Наивно ожидать в среде «блатующих» товарищескую спайку, бескорыстную привязанность к товарищу и тому подобную романтику отверженных. Их объединяет лишь нужда. Война всех против всех создает быстро комбинирующиеся коалиции сильных против слабых. В их «блатном» сознании доминирует принцип подавления, власть силы, выраженная полярными понятиями «пахан» и «шестерка». Традиционная «блатная мораль», никем персонально в лагере не представленная, будто бы осеняет его жизнь. Она держится в системе отношений и понятий, в языке и привычных шаблонах мышления, в разделении всех и в каждом конкретном случае на «своих» и «мужиков».

Никто из «блатующих» прямо не выдает сам себя за блатного. Это требовало бы большого превосходства над всеми остальными. Каждый из них лишь «блатующий», «шерстяной», как они сами презрительно говорят о наглежащих соперниках. Каждый из них старается подстроиться под блатной стиль жизни, насколько у него хватает силы,

смелости, наглости, хитрости, ума. Подстроиться манерами, осанкой, набором слов, одеждой.

«Блатующий» имеет некоторые внешние признаки, по которым его можно узнать: это человек, *преуспевающий в лагерной жизни*. У него обычно такая работа, которая дает ему деньги и власть, а также возможность «проворачивать дела»: доставать деньги, а на них чай, сигареты, водку, «брать на крючок» нужных людей. Он стремится занять должность «придурка». Уже одно это — признак «суки», а не «вора», по традиционной блатной морали. «Блатарь» курит сигареты и не унижается до махорки. По лагерному масштабу, у него хорошая, «стильная» одежда. Начальство «не замечает» допускаемых «блатарем» вольностей в лагерном образце одежды. «Шестерки» чистят ему сапоги и гладят брюки. Он не унижается до того, чтобы делать это самому. «Шестерка» ему погладит, почистит и постирает за пачку сигарет, мизерную подачку, а главное — за покровительство. Распоряжения «блатарь» отдает громогласно, а «шестерка» немедленно бежит, оставив недопитый чай или недоеденный кусок. «Шестеркой» является либо «шнырь» (дневальный жилой секции из «мужиков») либо «петух», несчастнейшее существо со дна блатной масти. Каждый, кому не лень, изощряется в остроумии по адресу этих, «проигравших в жизни фуффло» людей. Их обзывают «козлами» или «кочетами», или проще «пидарами», дают насмешливо ласковые женские имена. Любка, Аленка, Симка, Сарра или Зульфия — как уж изощрится фантазия переделать их изначально мужские имена. И эти любки, аленки, симки шестерят весьма усердно, чтобы хоть какую-то защиту иметь от своего покровителя-повелителя, не попасть к нему в опалу. Если удалось «козлу» заполучить своей угодливостью покровителя, значит он не отвергнут блатной мастью и может подвизаться на правах «шестерки». Если же не удалось, то тогда он — беззащитнейший и несчастнейший из «бичей», самого дна мужицкой масти.

А у «блатаря» весь шик и смысл преуспевания как раз и заключается в наглости и вседозволенности. В этом реализуется его стремление к «шикарной жизни». Чтобы удерживать такое положение, нужно, конечно, не только быть

в состоянии войны со многими, но и иметь полезных союзников и «друзей».

Блатарь любит развлечения. Эта сторона жизни, пожалуй, и являет собой сокровенный смысл принципа «Одна живем!» Картежный поединок с себе подобными — достойное развлечение. А вытягивать деньги из «работяги» — это занятие для более низкой категории «блатующих». «Блатарь» — гость и инициатор коллективных попоек, проходивших примерно раз в месяц. Трудно понять почему, но на моих глазах все коллективные попойки этих званых и избранных всегда кончались жестоким избиением одного-двух из участвовавших в празднестве всеми остальными. Эти жестокие расправы толпы науськанных и злых «шестерок» над одним из своих же (сапогами в лицо лежащего уже без сопротивления человека) в сущности являлись уже не столько развлечением, сколько «продолжением политики иными средствами».

«Умри сегодня ты, а я завтра» — такую крылатую фразу можно слышать повседневно в любом лагере (отмечу, кстати, как живуча эта максима каторжан, отмеченная еще Достоевским в «Записках из мертвого дома»). Этот логически нечеткий афоризм четко выражает вседозволенность в борьбе за выживание.

На застолье с брагой и водкой принимаются и «петухи», гурии лагерного седьмого неба. Это уж и их праздник. Лагерный фольклор, песни под гитару как-то даже и не слышались при таких попойках. Не до того. Тут поистине вершились судьбы, сменялись власти; кто-то, еще до начала попойки бывший на вершине влияния и почитания, летел под откос. А уж наутро можно было видеть шествие победителей по зоне. Во все горло, под тальянку, орут они свои распаханнейшие частушки с лейтмотивом «никого мы не боимся»:

Мы сгребали все на свете,
Кроме хрена и гвоздя...

Обычный человек сочтет отталкивающим и омерзительным такого «блатаря» и его идеал шикарной жизни. «Каждый день коньяк пил», — вспоминает он более шикарные времена. Дальше этого фантазия не идет. Но в зоне он окружен услужливостью и завистью. Блатующая молодежь стремится -

ся подражать ему если не в размахе, то в замашках. Выпив браги или нанюхавшись ацетона (оказывается, это тоже веселящее вещество, путь к седьмому небу, только его надо не пить, а нюхать с ваты в ладонях), юнцы тоже хотят получить свое от «петуха» рангом ниже, не причисленного благосклонно к «своим», а просто где-то по несчастью подпавшего под насилие, никем не покровительствуемого, объекта всеобщих издевательств, глумления, необузданного садизма. Из пяти «козлов», бывших в зоне, был один такой отверженный из отверженных. Его выставляли из курилок; не пускали в жилую секцию, и он спал где-то на улице; гнали пинками из столовой, и он как-то ухитрился вымолить себе миску супа с заднего хода и т. п. Теперь же, нанюхавшись ацетона, «раздухарившиеся» юнцы тащили его за шиворот к себе в будку, бедняга визжал и упирался, закрываясь от пинков и ударов в нос или под ребра. Война шла своим ходом...

В сущности «блатной» мир ведет не одну войну, а две. Первая война — против основной массы заключенных-работяг, чтобы подчинить их и заставить на себя работать. Это, разумеется, игра в одни ворота. «Блатные» подминают под себя «мужиков» силой своей организации, натиском, наглостью, агрессивностью и инициативой, коварством и «беспределом». И потому их пузырящаяся энергия окрашивает всю лагерную жизнь в «блатной» цвет.

Вторая война, тесно связанная с первой, но особая по методам и приемам — это война против администрации, точнее говоря, это борьба за «компромисс» с нею, за признание «блатных» силой, с которой надо считаться и ...сотрудничать. «Блатные» лезут в лагере не только к деньгам, к «бацилле» (калорийной пище), но и к власти, к влиянию, демонстрируя свою силу, устрашая своей массой. Рвутся занять ключевые места: бригадиров, мастеров. И это уже отличает их от настоящих блатных, «воров в законе», которым их мораль запрещает занимать такие места. Администрация, конечно, не стремится умышленно подбирать себе в помощники «блатных», но ей приходится, как видно, считаться с напором реальной силы и соглашаться на

таких ставленников, которые могут обеспечить «план», заставить массу заключенных работать. Массу невозможно привлечь к труду посулами: заработком, условно-досрочным освобождением (УДО), разрешением «отовариться» на два дополнительных рубля за выполнения нормы выработки и т. п. Всех этих мер поощрения в лагере строгого режима недостаточно. «Закрутить гайки», используя методы поощрения, в лагере общего режима администрации удастся легче, ибо там больше предусмотренных льгот, так что в лагере общего режима, как это ни парадоксально, режим строже, чем в лагере строгого режима.** Я пишу о специфике именно лагеря строгого режима. Администрации тут остается выжимать план не посулами и льготами, но террором. А терроризирование массы заключенных незаконными методами — в руках «блатных». Они могут «проучить» кого угодно, без оглядки на инструкции и кодексы. Они готовы рисковать головой. Так и возникает «исторический компромисс» администрации с «блатующими». Каждая из блокирующихся сторон использует другую в своих целях: одной стороне «нужен план любой ценой», другой стороне нужно забраться на хребет работягам.

Надо оговориться, что такой блок складывается не просто, не без трений. Однажды новый начальник отряда, выпускник спецшколы МВД и человек не слишком пронизывательный, попытался навести справедливость и на основании жалоб обсчитанных заключенных-работяг снял одного «блатаря» с должности бригадира. В ответ блатная клика начала «делать серьезные предупреждения». Вдруг в обеденный перерыв обнаружен был поджог цеха, к счастью быстро ликвидированный: в планы поджигателей и не входило сжечь цех. А снятый с бригадиров «блатарь» для алиби в этот день сидел в жилой зоне «по болезни». Начальник санчасти у них ведь тоже «на крючке». В другой раз от короткого замыкания выходит из строя пилорама, и целая смена выпадает из месячного плана. После таких сигналов предупреждения в дело вмешивается более опытный начальник свыше и

** Например, в общем лагере без труда выгоняют по утрам на физзарядку, а в строгом лагере даже и не пытаются это делать. Ибо на строгом режиме в ответ на угрозу «блатной» отвечает прямо в глаза: «Мне терять нечего». Отчаяние — тоже сила.

«наводит порядок», т. е. находит общий язык с ущемленными «блатарями». Администрация уступает языку угроз и намеков. Не вступая в переговоры, и конечно, сохранив лицо, отступает под напором реальной внутрिलाгерной силы. Вновь восстанавливается «джентльменский договор» двух реальных сил: военизированной административной иерархии и «неформальной организации» «блатующих», сила которых — в кулаке и подлости. «Блатари» вновь получают власть и при попустительстве администрации терроризируют массу работяг-заключенных. Месячный план выполняется, а ради этого администрация закрывает глаза на то, как внутри бригады распределяются деньги по нарядам, сколько в бригадах неработающих «блатарей», сколько парней с поцарапанными лицами и подглазниками. А деньги внутри бригады распределяются нарядом «по реальной силе». Работяга, трудившийся изо всех сил, чтобы заработать на ларек хотя бы 5-10 рублей (за вычетом положенных отчислений, т. е. номинально 60-70 рублей), может по закрытому наряду оказаться в минусе: будет должен еще в следующем месяце отплатить за питание половину.

Конечно, есть разная степень «заблатненности», разные комбинации среди «блатующих», разная степень близости к власти и разные методы борьбы за чаемые блага. Мастер из заключенных или повар — не только участник «блатного» заговора по вымогательству, но и сам — объект давления и вымогательства. От мастера требуют денежного наряда для себя и своих «шестерок», мастеру навязывают плату наличными рублями по твердому тарифу: *рубль наличными за 10 номинальных рублей в наряде*. Эти 10 рублей после вычетов, равняются 3 рублям на личной карточке, которые можно «перегнать» почтовым переводом «старушке-матери», а она вскоре привезет эти рубли уже наличными. Мастер, принуждаемый к такой кабальной продаже, рад бы не брать «рваного» и не делать наряды в пользу «блатных» (его возможности ограничены), но из страха перед расправой он уступает вымогательствам. А «блатные» суют ему рубли, чтобы опутать его, чтобы «держат на крючке». И неясно: то ли клика защищает «своего», то ли шантажирует «блатующего мужика», «придурка». Та же картина — с поваром. Он не может жить без «своих». И эти «свои» по-свойски заставляют его

«продавать» мясные консервы по рублю за банку (400 г), хотя нашлись бы желающие и больше 3 рублей платить. Повар рад бы, как и мастер, не получать своего «рваного», лишь бы не красть лишнего. Красть опасно. Но крадет из страха перед расправой, а вымогатели получают возможность в любой момент закричать: «Зажрался, сука-падла, работяг обворовываешь! Эй, он мясо крадет, из нашего котла ворует, бейте его, суку!», и тут уж желающие найдутся на дозволенное.

Мастер или повар, или хлеборез, шантажируемый «блатарями» и взятый на крючок полученными рублями, будет выполнять все требования, какие только в его силе и власти, но аппетиты растут, требования повышаются, а разговоры короткие: «Не сделаешь, пеняй на себя!» Однажды такая история закончилась убийством мастера. Пожилой мастер-заклученный, конечно, тоже достаточно «наблатыканный», был убит ударом железного прута по голове. Убийца еще для чего-то отрезал уши убитому. «Знай наших» или голос далеких предков в крови? Сказанное может вызвать предположение, что есть все же борьба «блатных» против «придурков». И я хочу подчеркнуть, что упомянутый случай — лишь эпизод борьбы внутри «блатных». Возможно, что в лагере общего режима «придурки», занимающие выгодные места по прислуживанию лагерной администрации, представляют собой особую лагерную «масть», отличную от «блатных», подчас еще романтически верящих в исполняемую ими роль на фоне «всех прочих», случайно (по пьянке, за мелкую кражу с завода, за драку и пр.) попавших и желающих заслужить условно-досрочное освобождение или «химию». Но в лагере строгого режима грань между «блатующей» шерстью (отдающей себе отчет в своем блатном самозванстве, но эксплуатирующих традицию) и «придурками», которых блатным полагается презирать, — грань эта размывается, и они составляют одну «масть», а не две, как может казаться со стороны по привычным описаниям уже давно вымершей породы лагерных д'Артаньянов.

Нормой отношений является представление, что на

блатного «положено» работать всем другим, «мужикам». «Ты чего уселся?! — слышится там и тут в рабочей зоне. — Кто за тебя работать будет? Ты что — *блатнее меня, что ли?*» Принцип действует довольно простой: Кто везет, того и погоняют. Есть в лагере правило, я бы назвал его статьей из «фольклорного кодекса»: «За работу не бьют», т. е. не принуждают к работе побоями. Но блатарь, науськивая своих шавок на очередного «мужика», и не говорит о работе. Он выражается иносказательно: «Проучить его надо. Он меня на х... послал». А уж за такое нельзя не бить, это каждому ясно. Такое может позволить только блатной. Правдивость, конечно, тут не в цене. Важнее умение так придумывать, чтобы ложь тотчас же становилась правдой и обретала круговую поддержку. Один простак из «мужиков» сели играть в карты с «блатующим» и, против обыкновения, начал выигрывать. Тот не растерялся. К концу игры, поднявшись, сказал громко, чтобы слышали все: «К первому числу отдашь!» И его проигрыш обратился в выигрыш, а лагерный «закон» (проигранное платить в срок, хоть лопни) ловким ходом обернулся против того, кого бы он должен был защищать. Обворованный может стать виноватым, а обворовавший — обличителем и палачем.

Правда, открытая кража или грабеж как-то унизительны для «блатующего», потому кражу предпочитают заменить вымогательством, а грабеж прикрыть какой бы ни то «идеологией». Мне дважды пришлось слышать слово «солидарность» от блатующих, когда они занимались откровенным ограблением «мужиков». «Что за народ пошел, — возмутился грабитель. — Никакой солидарности не стало. Приходится действовать по-махновски». С таким же успехом он бы мог сказать «по-революционному». Но как-то ближе тот образ «батьки Махно», что пришел из популярного кинофильма.

Разумеется, супер-блатное положение в лагере — удел считанных единиц. Основная масса «блатующих», или «шерсти» не достигает такого преуспеяния. Это парни крепкого здоровья, «амбалы», про которых можно сказать известной поговоркой: «Сила есть — ума не надо». Этот тип блатующих составляет основную массу «антимужичьего» контингента лагерей. Душой они принадлежат этому паразитирующему анти-обществу, но сами работают и застав-

ляют работать других. Они — те люди массы, кто воспринял «реальность» блатной атмосферы и чувствует себя своим среди «блатных». Они — не ум, а чувствующая протоплазма блатного мира, «амбалы»-«шестерки» при «блатаре». Таким парням органически присущи ненависть и презрение к слабому, к тому, кто «поддается». Сами они даже и не понимают, что «шестерят», т. е. поддаются. Именно они после очередной попойки толпой избивают одного, уже лежащего, с кем еще полчаса назад вместе пили и «базарили» и на кого их сумел натравить очередной интриган. Быть может, эта их жестокость при избиении стонущей жертвы наиболее четко характеризует духовную принадлежность к «блатному миру», каков он есть в лагере. В сущности, они не были паразитами на свободе. Но они и там были убеждены, что заработком не проживешь, особенно если пьешь водку. И потому так на диво шустро они работают в лагере за половинную зарплату.

Я вглядываюсь в лица заключенных бригады, наблюдаю их жизнь и труд, вечные шутки-измывательства над кем-то одним-тремя в бригаде и пытаюсь понять, сколько же в бригаде «мужиков» и сколько «блатных» (вернее бы сказать, «шерсти»). Водораздел этот — невидимая линия фронта вполне видимой войны между заключенными. Маленькая группа наступает на массу и бьет по одиночке, издевается над одним-двумя при общем участии, и каждый лезет проявиться, чтобы самому не стать объектом нападков. Эта вторая сторона, эксплуатируемая и погоняемая, не столько лавирует, сколько прислуживается и угождает, подхихикивая. И общий итог, — работа почти всех задаром. В цеху имелось несколько мест с повременной зарплатой. Это были, так сказать, синекуры, занятые «своими». В остальной бригаде линию можно было бы провести так: кого мастер и бригадир сочли нужным оплатить выше среднего (за счет всей бригады, разумеется), тот значит «свой». А кто оказался в проигрыше, тот значит «мужик». По такому критерию 80% бригады попадет в «мужики». «Блатной» может даже и не появляться в цеху, но получить по наряду свои «положенные» 100 рублей,

заплатив наличными 10 рублей (повторю, это будет означать 30 рублей на его карточке, на личном счете). Когда «блатной» едет в новую зону (а какая зона ему незнакома?), он уже наперед знает, что и там он будет не работать, а платить за наряды, знает, по какому тарифу и как будут нарастать деньги на его ларечной карточке. Таких — единицы.

И все же есть главный отличительный признак «блатного». Это не «социальное положение» в бригаде, а *психологическая ориентация личности*, наличие стремления, надежд и шансов принадлежать к разряду властвующих и сильных, к «своим». По такому признаку «блатной мир» сдоставляет в лагере огромное и безраздельное большинство, довольно четко построенное в пирамиду.

Целый месяц в бригаде слышится, как один погоняет другого: «У нас комплекс!», т. е. общий наряд на всю бригаду (кстати, хорошее изобретение для потогонной системы в лагере). «Ты что, сука-падла, блатнее других?!» А бригадир-«блатарь» кричит на очередного мужика: «А ну иди на вахту! Что, сцышь?». В переводе на понятный язык это значит: «Либо работай во всю силу, либо иди в отказчики и садись в ШИЗО. Что, боишься?» И мужик, у которого и шансов-то нет приобщиться к власти, тоже начинает погонять звено. Хочет иметь немного денег, на пачку чая, на махорку. А часто по трусости уже кричит на своего напарника: «Шевелись, а то вот получишь по бошке!» (т. е. по голове, от блатных). Конечно, боится-то он не за чужую голову, а за свою. Нередко подгоняет из-за азарта, чтобы скорее закончить, например, разгрузку и посидеть, «как блатные». Иногда и из-за наивной надежды, что в будущий-то месяц заработок будет получше: «Из-за таких вот, как ты, мы в прошлый месяц и остались без заработка! — вопит мужик на своего напарника, — Я буду упираться, а ты на мне ехать?!»

В такой бригаде никто из работяг добровольно оставаться не хочет. Но уйти из бригады можно только через ШИЗО. И никто не знает, сколько раз, сколько месяцев начальство будет пытаться голодом и холодом в ШИЗО, прежде чем согласится перевести в другую бригаду, которая, конечно, тоже не мед. К тому же, работая без административных взысканий, заключенный может рассчитывать на УДО через суд (на основании ходатайства администрации по отбытии

двух третей срока) или на бесконвойное содержание по производственной надобности после отбытия одной трети срока или, наконец, терпит просто так, по привычке, утешая себя лагерной поговоркой: «Никуда не денешься». Пирамида господства и подчинения сложилась, надо занять место, предоставленное ему бригадиром «по его мужичьему рангу» — вкалывать.

Даже распределение обязанностей в звене из трех человек (например, у пилорамы) складывается такое, что двое относительно менее загруженных совершенно открыто гоняют третьего, «винтового», и тот бегаёт, взмыленный. Понять такое распределение обязанностей внутри звена можно лишь при учете того «блатного» презрения к равенству и к труду, которое там является нормой... «Все они работали по принуждению, следственно, были народом праздным», — вспоминаются слова Достоевского из «Мертвого дома». А чем не развлечение праздных людей, — гонять третьего от одного конца бревна — накатить, закрепить винтом, подать в раму — к другому, выходящему из рамы, уже распиленному на доски — раскрутить, сбросить доски и бежать накатывать новое?

А теперь о количественной, внешней стороне ИТУ УГ—42—10. Пятьсот человек осужденных, каждый не менее чем по второму разу. Средний возраст — 25 лет, средний срок — где-то между 3 и 5 годами. Я привожу цифры округленно.

По составу преступления весь контингент примерно делится так: 40% (200 человек) осуждены за хулиганство, иногда с добавлением статьи «сопротивление властям». В сущности, это немотивированные преступления против людей и общества, часто совершенные в нетрезвом состоянии. У большинства из них, кроме того, приговор содержит заключение психиатрической экспертизы «нуждается в принудительном лечении от хронического алкоголизма». Это принудительное лечение назначено судом не вместо срока лишения свободы, а в дополнение к нему и носит чисто формальный характер. Никакого лечения в лагере нет, но указание на его необходимость является дополнительным препятствием к представлению на УДО.

Другие 40% (200) осуждены за кражу государственного (реже личного) имущества или за грабеж (тоже обычно в нетрезвом состоянии, с целью добыть деньги на выпивку). Хотя из обстоятельств дела легко усматривается пристрастие к алкоголю как мотив совершения преступления, в приговоре, как правило, не отмечается необходимость принудительного «лечения от алкоголизма». Достаточно красноречивый момент, показывающий, сколь формально проводится та амбулаторная экспертиза комиссией из трех психиатров, которая выносит свое заключение лишь по предъявленной статье уголовного кодекса, а обследование личности проводит за пару минут, «визуально».

10% (50 человек) посажены за преступления легкие и на срок 1—2 года: за бродяжничество (тунеядство) или за нарушение требований надзора после ранее отбытого срока. В сущности, это не наказание за содеянное, а профилактическая посадка потенциальных нарушителей, которые «могут совершить преступление, если их вовремя не посадить».

10% (50 человек) осуждены за преступления тяжкие, такие как убийство, изнасилование, нанесение опасных для жизни телесных повреждений. Срок наказания — 10 лет.

«В преодолении традиций корыстолюбия достигнуты определенные успехи, — пишет один солидный советский юрист. — В дореволюционной России 83% преступлений совершалось из корысти; в настоящее время их 45%, т. е. объем этой самой древней частнособственнической традиции сократился на одну треть. В США и Англии корысть порождает 95% преступлений, в ФРГ — 72%. Однако тот факт, что и поныне почти каждое второе преступление вызывается традициями и мотивацией корысти, делает задачу ее преодоления весьма актуальной». На той же странице маститый юрист разъясняет мотивацию остальных 55% преступлений: «Более половины всех преступлений совершается лицами, находящимися в момент преступления в нетрезвом виде: среди хулиганов их даже 90%...грабителей — 82%, воров — 60%.* ** Состав контингента в Шожемском ИТУ

* ** Проф. Н. Ф. Кузнецова, Укрепление социалистической законности и организация борьбы с преступностью в свете решений XXIV съезда КПСС, «Советское государство и право», 1975, N 3, с. 124.

наглядно демонстрировал приведенную юристом статистику. Даже грабежи совершались не по собственническим побуждениям, как в «странах капитала», а из жадности напиться. В каком-то смысле алкоголь вообще можно считать единственным виновником массовой преступности.

Все заключенные разбиты на 4 отряда, по 100-150 человек, а внутри отряда — на бригады от 10 до 45 человек. Кадровый офицер МВД, начальник отряда отвечает за полный контроль работы и жизни заключенных, а также и за «политико-воспитательную работу» в своем отряде. За отрядом закреплен определенный цех, а зона обеспечивает рабочей силой весь Шожемский леспромхоз (ЛПХ). Некоторые мастера — вопреки установленному правилу — не вольнонаемные, а заключенные, потому что ЛПХ не смогло найти желающих на эти должности. Все бригадиры («бугры») — из заключенных.

Работа ЛПХ включает валку леса в начале технологического процесса и заканчивается отгрузкой готовой продукции: шпал для железной дороги, досок, тарной дощечки для изготовления ящиков и бочек, сборных элементов для домостроения (дверные и оконные блоки и коробки), поддонов для перевозки кирпича.

Технологический процесс диктует распределение заключенных по работам, которое выглядит следующим образом.

1). 75 человек — лесные бригады. Валка и трелевка леса, работа на тракторах, ручная обрубка сучьев, погрузка на вагоны собственной (т. е. МВД) железнодорожной ветки. Механизаторов 6-7 человек. Остальные — ручной труд. Они подобраны из тех, кому осталось меньше года до конца срока. Все они питаются «по второму котлу» как работающие на особо тяжелых работах.

2). 50 человек — «разделка» привезенного леса в зоне: разгрузка и сортировка бревен по различным цехам. Это также работа, дающая право на «второй котел».

3). 60 человек — грузчики, плотники и т. п. Из них половина, примерно, питается из «второго котла».

4). 260 человек работает в цехах в две смены. Обслуживание пиломатериалов и циркулярных пил. Из них лишь 25 человек могут быть отнесены к занятым на тяжелых работах (по усмотрению мастера и бригадира, утвержденному приказом начальника лагеря).

5). 35 человек — хозяйственная обслуга зоны: работники столовой (по инструкции — 1 работник столовой на 100 заключенных зоны), бани, прачечной и парикмахерской, дневальные жилых помещений, культорг зоны (он же — библиотекарь, фотограф для

спецчасти, «помощник» замполита лагеря), хлеборез, нарядчик — все это по инструкции должно уложиться в норму 7% от общего числа заключенных, и укомплектовано, по возможности, людьми ограниченной трудоспособности, инвалидами любых категорий и возрастов. Правда, некоторые из этих работ оказываются непосильными для инвалидов, и администрация вправе брать на эти работы людей без инвалидности. Эти-то работники и называются «придурками», т. е. уклонившимися от общих работ «по нетрудоспособности».

6). 40 человек (в среднем) находятся в «помещении камерного типа» (ПКТ), по постановлению начальника лагеря на 3-6 месяцев, или в «штрафном изоляторе» (ШИЗО) по такому же постановлению на 7-15 суток или более.

Существенна связанная с вышеуказанным распределением классификация заключенных по «котлам», т. е. по нормам питания.

1). 15 человек (3%) — диетическое питание, на 35 рублей в месяц, согласно бухгалтерскому учету. На эту норму питания назначаются люди решением начальника санчасти, обычно из числа желудочных больных, а нередко и в качестве оплаты за услуги, в порядке неопределенной очередности.

2). Еще 15 человек — питание полудиетическое, на 30 рублей (в том же порядке, по усмотрению начальника санчасти).

3). 180 человек — питание по «второй» норме: это работающие на местах, отнесенных к тяжелым работам, и при этом выполняющие нормы выработки. Им полагалось питание на 25 рублей и, кроме того, разрешались покупки в ларьке на собственные заработанные деньги в сумме 5+4 рубля в месяц.

4). 100 человек — питание по «первой» норме, т. е. по «гарантийной» плюс «дополнительное питание» (ДП). В месяц это составляло 20 рублей (и еще разрешение отовариться в ларке на 5+2 рубля). Это категория заключенных, выполняющих нормы выработки на работах, не отнесенных к тяжелым. 150 человек — питание по «первой» норме без ДП (на 16 рублей в месяц) плюс разрешение отовариться на 5 рублей, если, конечно, у заключенного они имеются, при условии, что в течение месяца не было допущено нарушений, караемых лишением «ларька». В этой группе заключенных заработанные деньги были, приблизительно, у половины.

5). 20 человек — в ПКТ, на том же «гарантийном» пайке, но без права покупать продукты в ларьке, и, наконец,

6). 20 человек в ШИЗО с питанием на 8 или 10 рублей в месяц (горячая «баланда» через день, второй день «летный» — только хлеб и холодная вода). Это для так называемых «злостно уклоняющихся от работы» (Здесь же мог оказаться и инвалид, поставленный на заведомо непосильную для него работу).

Такое разделение по «котлам» со стороны кажется реализацией принципа «Кто как работает, тот так и ест». 42%

работающих (не считая диетчиков) заняты на тяжелых работах и за это получают 50% питания из лагерной кухни плюс покупают 59% продуктов в ларьке. 58% занятых на работах нормальной тяжести получают остальную долю: 50 и 41%. В малых зонах это — раздельное питание из разных котлов в одном столовом зале. В больших зонах — это даже две отдельные столовые. По аналогии с заводской столовой для ИТР-овцев такую столовую «второго котла» можно было ошибочно принять за столовую для «придурков», тем более, что эта категория и в самом деле проникает туда, пользуясь своей близостью к «командным высотам» лагерной жизни. В данном очерке я рассказывал лишь о борьбе за место под солнцем внутри «первого котла». Издесь ни о каком принципе распределения по труду речи быть не могло. Распределение по силе и по власти, «по благу», если употребить известный термин в его исходном, первичном значении.

Модификацию в распределение благ вносила и карточная игра. Раз в месяц, накануне «отоварки», в курилке цеха воцарялась совсем иная атмосфера. Молодые парни, забыв про работу, попарно играли в очко на завтрашний ларек. Не надо было быть особо проницательным, чтобы предугадать, кто будет в проигрыше. Гораздо труднее было понять мотивы, побуждающие сходить на эти рыцарские турниры. То ли упорная вера в свою «пруху»-удачу, то ли просто влечение к острому ощущению, подобное тяге к алкоголю, но игра затягивала всех. А назавтра одни ели повидло с маргарином, а другие глотали слюни, мечтая о реванше в будущем месяце.

*

Жизнь ИТУ до мельчайших подробностей регламентируется Инструкцией МВД, введенной в действие приказом Министра внутренних дел N 20 от 14 января 1972 г. по согласованию с Генеральной прокуратурой СССР. Этот регламент устанавливает 48-часовую рабочую неделю (при 42-часовой по стране). Фактическое время нахождения в рабочей зоне равняется 10 часам каждый день. Кроме того, установлена обязанность заключенного ежедневно до 2 часов работать по благоустройству жилой зоны и барачков.

Установлена обязанность учиться в школе, согласно постановлению Министерства просвещения РСФСР о всеобщем 8-летнем образовании; обязанность еженедельно посещать политзанятия и воспитательный час, собрания и культурно-зрелищные мероприятия. Обязательна утренняя физзарядка между подъемом и завтраком. Обязательны три поверки в сутки вне барака. Передвижение по зоне разрешается только строем, кроме тех случаев, когда это производственно необходимо. Построение в колонны, ожидание отставших и прочее дают богатые возможности заполнять промежутки времени, свободного от работы, проверок, учебы и столовой. Запрещается находиться в чужом жилом помещении, то есть попросту зайти в гости в другой барак. Предписано разгораживание жилой зоны на подзоны. Запрещено нарушать установленную форму одежды независимо от погоды.

Я уже упоминал, что от лагеря с идеальным, до мелочей регламентированным орднунгом лагерь строгого режима отстоит дальше, чем лагерь режима общего. К его осуществлению близкими были, насколько можно судить, концлагеря нацистской Германии «с их издательски четким порядком», например, в Дахау под Мюнхеном. Но и на нашей земле такой продукт административного восторга не является такой уж утопией, как может показаться a priori.

Оказывается, в своем полном величии этот замысел казарменной жизни все-таки воплощен в некоторых образцовых ВТК (воспитательно-трудовых колониях), где отбывают наказание малолетние преступники до исполнения 18 лет. Весь день от подъема до отбоя заполнен так плотно, что у человека не остается буквально ни минуты для размышления «в другую сторону». На утренней физзарядке нужно не просто блюсти равенство, но и душевно тянуть носочки вверх. Только строем идет класс-бригада и на работу, и в школу. Даже в туалет можно идти, собравшись строем под командой того, кто дальше продвинулся «по пути исправления». Все охвачены соревнованием за набор очков, подтверждающих степень исправления. Набравший заданное количество очков получает одну полоску на рукав и ведет набор на вторую, затем на третью. Имеющий три полоски может по истечении одной трети срока быть представлен на суд для УДО. Набор очков идет, в частности, по числу сделанных своим

товарищам замечаний: за оторванную пуговицу, или за нарушение строя, или за нечестный ответ, или за простую забывчивость. На каждой поверке все докладывают о «происшествиях», а именно о полученных замечаниях. И без того нагруженный день дополнялся еще строевыми занятиями с песней. Офицеры-воспитатели, быть может, искренне верящие в педагогические принципы А. С. Макаренко, в благотворное воздействие коллектива на личность правонарушителя, свои непомерно высокие требования объясняли так: «Мы вас к армии готовим. А доверие Родины надо заслужить и оправдать. Честность — самое главное. Все решает коллектив, вы сами». Мне рассказывал о своей жизни в такой образцовой ВТК один молодой «блатничок» в Шожме, который свой рассказ резюмировал так: «Вобщем, жизнь была так устроена, что либо ты других хаваешь, либо другие тебя сгрызут».

К счастью, жизнь даже в Шожемском лагере строгого режима была далека от орвелловской утопии, в которой побывал молодой волчонок и о которой мне посчастливилось только слышать...

УЗНИК ГУЛАГА НИКОЛАЙ КОНЧАКОВСКИЙ

Николай Кончаковский был самым уважаемым из старых заключенных на 19-ой зоне в Мордовии. Был он кряжистым, как дуб, богатырем и любимцем не только всех молодых зэков-диссидентов, но пользовался особым почтением даже у начальства, администрации. Даже эти, ну, уже потерявшие всякие корни украинцы, не могли не чувствовать величия души этого человека.

С момента его ухода из родного села Рудня, что на Львовщине, и до возвращения туда из 19-ой зоны прошло сорок лет. Его друг — пан Саранчук писал мне после его смерти: «Как Моисей, шел он на Родину сорок лет».

Забрали Кончаковского из села в польскую армию. После разгрома немцами он вернулся на Украину и вступил в подпольные военные формирования Украинской Повстанческой Армии. Воевал с гитлеровцами. Потом с энкаведистами. Когда войска Украины ушли прорывом через Чехословакию, Кончаковский остался на родине с частями генерала Шухевича и дрался там до конца. Его схватили только в 51-ом году. Трибунал приговорил его к смерти.

«Привели меня в камеру, а там нар нету, — рассказывал он мне, — стоят одни гробы. Ну, я устал, лег в гроб и заснул. И жил в этом гробу несколько суток. Потом вдруг вызывают, адвокат появился. Просит написать „помиловку“. Ну, пиши, говорю, мне-то что. Стал ждать расстрела. Вдруг выводят из камеры, думал на расстрел уже повели, а конвоиры переводят в обычную камеру. Объявляют: приговор по кассации адвоката отменен. В той камере меня зэки на лучшее место положили. „Он, — говорят, — с того света пришел, ему надо отдохнуть“:.

Такие вот комедии с участием гробов хранятся в запасе у ГБ. Не с одним Кончаковским их проделывали — я знаю.

«А как трудно было в 56-ом году, пан Михаил, — рассказывал он мне, — ведь тысячи наших уходили на волю, а мне еще впереди 20 лет сидеть. Знал, только отрекусь от

Украины, пойду на свободу к своим. Нет, не думал отречься, но как тяжело было — сказать не можна».

Достоинство и принципиальность Кончаковского раздражали гэбистов, и они устроили ему второй процесс уже в лагере. Осудили его за спекуляцию чаем. В те годы в зоне был запрещен чай. Разрешали пить только кофе. Сейчас наоборот — запрещен кофе, вдруг разрешили чай, 50 граммов на месяц. По словам пана Николая, чай в зону действительно переправлял один «вольняшка» двум уголовникам, работавшим в одной бригаде с Кончаковским. Когда этот «вольняшка» попался, он дал показания: мол, переправлял чай Кончаковскому. Кто ему подсказал этот вариант? Кто был доволен этим вариантом? Угадать, видимо, нетрудно. Как же доказательства, пан Николай? — спросил я его. Я ему писал тогда надзорную жалобу и потому интересовался всеми подробностями того бывшего дела. Чай-то нашли? «Чай вовсе не нашли. Это и было, пан Михаил, главным их доказательством. Якщо чая нет, значит продал уже, значит спекулянт. За тую спекуляцию мне и добавили сроку два года до 27-и рокив". Иногда, случайно, к слову, пропоминал он другие эпизоды из прошлого: как не выдержал и на допросе плюнул этому лжесвидетелю — „вольняшке" в лицо, как упрекнул прокурора на том же процессе: „Вы же знаете, что не виновен я, что ж вы со мной делаете". А прокурор был земляком, украинцем, не выдержал укора, взревел в ответ: «А что я могу! мне приказали!» Когда после приговора повезли Кончаковского на профилактику, т. е. на гэбистские беседы в Саранскую тюрьму, и начали там гэбисты по обыкновению разговаривать с ним о своем гуманизме, он процитировал им это признание прокурора: «Мне приказали». „Вернулся в зону. Спрашиваю: „Где прокурор?" А прокурора уже нету. „Нету этой сволочи", — как выразился кто-то из начальства".

Где-то в марте 78 года приехала к нам на зону так называемая комиссия общественности — особый вид гэбистской инспектуры. В нее входил майор-гэбист с Украины, который захотел поговорить с Кончаковским о его жизни после освобождения. Пан Николай так пересказывал мне их беседу. «Куда, — спрашивает, — собираетесь после освобождения? Отвечаю: только не на Украину. Почему? А потому, что на Украине ваши меня через окошко пулей

достанут. Что ты, Николай, говорит, мы сейчас так не делаем». Помолчав, пан Николай добавил: «Как мне жить на воле, пан Михаил? В зоне я человек свободный, что думаю — то говорю. А там, на воле ругаться будут: „бандеровец“ — це що? Как держать там себя? И в зоне — неволя, и на Украине — неволя. И неизвестно, где украинцу вольнее жить: в лагере или на батькивщине». Я успокаивал его, говорил, что молодые украинцы гордятся старыми бойцами — такими, как он. Ему не верилось. Смеялся он, шутил, а побаивался воли, забыл ее за двадцать семь лет заключения.

Недаром боялся. Осенью 78-го года получил я письмо с Украины от нашего общего старого друга пана Саранчука. «Это ж надо такому удивительному делу произойти, — своим характерным, горько-улыбчивым стилем сообщал он мне горкую весть, — совершенно здоровый человек, двадцать семь лет в зоне ничем не болел и ни на что не жаловался, кочегарил у топки, ни война, ни зона не сломили, а стоило выйти на волю и через десять дней таинственно заболел, а еще через восемь дней — умер. Нет, пан Михаил, живыми они нас на Украинской земле постараются не оставить». Так и успокоился навеки, на кладбище своих предков в Рудне, стал свободен, навсегда свободен богатырь с Украины Николай Кончаковский.

ПОЛЬСКИЙ ОПЫТ

«СОЛИДАРНОСТЬ» СЕГОДНЯ

(Программное заявление ВКК НСПС «Солидарность»)

«Солидарность» не удастся ни расколоть,
ни уничтожить.

(Лех Валенса, I съезд НСПС)

После года военного положения и его формальной приостановки не осталось сомнений в том, что декабрьское 1981 года покушение на гражданские и трудовые права было началом нового этапа в процессе усмирения народа. Целью властей является подавление демократических стремлений, раскол солидарности общества и установление режима, опирающегося на принуждение и чувство всеобщего страха в степени, неизвестной в стране со сталинских времен. Установлена тоталитарная диктатура. Она проявляет себя в стрельбе по безоружным рабочим, в арестах тысяч людей за общественную деятельность, в охоте, как за преступниками, за активистами «Солидарности». Диктатура санкционирует систему террора, вводя законы, противоречащие международным конвенциям и обязательствам, взятым на себя ПНР. Беззаконие возведено в закон.

Демократические реформы, направленные на оздоровление общественных и экономических отношений, — смертельно опасны для этой системы. Управляя с помощью страха, власть сама обречена на страх перед взрывом общественного возмущения. Сегодня наша готовность пойти на уступки была бы расценена лишь как проявление слабости и привела бы к усилению репрессий. У общества нет выбора. Единственный путь — сопротивление, борьба с диктатурой.

Целью нашей борьбы остается претворение в жизнь программы Первого Общепольского Съезда Делегатов НСПС «Солидарность», программы демократических реформ, необходимых для вывода страны из кризиса. Программа указывает путь к созданию САМОУПРАВЛЯЮЩЕЙСЯ РЕСПУБЛИКИ:

— в которой власть будет подконтрольна обществу: на предприятии — советам самоуправления трудящихся, в районе и воеводстве — органам территориального самоуправления, в стране — демократически избранному сейму;

— в которой стражами правосудия будут независимые суды;

— в которой средства производства действительно станут общественной собственностью и коллективам трудящихся будет

обеспечено действительное участие в распределении дохода от производства.

— в которой культура, просвещение и средства массовой информации будут служить обществу.

Эта программа исходит из того, что, с одной стороны, для создания такой Республики необходимы глубокие реформы общественной, экономической и политической жизни и что, с другой стороны, геополитическое положение Польши требует, чтобы эти реформы проводились постепенно, без нарушения сложившегося равновесия сил в Европе.

Самоуправляющаяся республика как цель не противоречит идее социализма, и ее создание не должно быть в противоречии со сложившимся международным положением. Союзные обязательства Польши не предусматривают сохранение диктаторского режима, который повсюду ненавидят и при котором страна не имеет перспектив развития. Само существование такого режима представляет собой угрозу миру в Европе.

Для реализации программы необходимо создать такую ситуацию, когда власть будет вынуждена искать компромисса с обществом. Только тогда будет возможно начать реформы и обеспечить условия открытой работы независимых профсоюзов, организаций и объединений, выражающих общественные интересы. Чтобы система власти в Польше оказалась способной пойти на уступки, чтобы перспектива реформ стала реальной, необходима деятельность, направленная на ликвидацию нынешней диктатуры.

Сегодня общественное сопротивление и борьба с диктатурой проявляются в следующих формах деятельности:

- фронт отказа,
- экономическая борьба,
- борьба за независимое общественное самосознание,
- подготовка к всеобщей забастовке.

Их осуществление — это задача самоорганизующегося общества.

Нашим главным оружием в борьбе является *общественная солидарность*. Благодаря ей мы победили в Августе 1980 г. и устояли перед репрессиями военного положения. Она крепла в тюрьмах и лагерях интернированных, на предприятиях и в костелах, в повседневных делах нашего движения и во время массовых демонстраций. Нашей силой было и есть сознание, что мы едины, что каждый из нас защищает других и сам нуждается в защите. А потому никто из преследуемых — арестованный, избитый, уволенный с работы — не может остаться без помощи и поддержки. Это моральный долг каждого из нас. Все слои общества должны выступать с требованием освободить арестованных за общественную деятельность и за политические убеждения. Всякий, кто причастен к репрессиям против людей, встретит наше осуждение.

II. ФРОНТ ОТКАЗА

Отказ участвовать во лжи, беззаконии и насилии — это

каждодневная форма борьбы с диктатурой, доступная каждому из нас. Проводя всеобщий бойкот созданных властями казенных профсоюзов, мы одержали общую политическую победу. Этот бойкот превратился в референдум, который каждый день демонстрирует тот факт, что общество отвергает существующий режим насилия и террора. Он свидетельствует о том, что место независимого профсоюзного движения останется вакантным до момента его легализации, что «Солидарность» жива и обретет свои права.

Принятый во время военного положения принцип бойкота организаций, учреждений и объединений, которые:

- демонстрируют поддержку нынешней диктатуре,
- соучаствуют в репрессиях,
- занимают место объявленных вне закона общественных организаций,

- имитируют общественно-политическую жизнь (партии, ПРОН ОКОН, ФЕН и т. п.)^{*} должен стать постоянным элементом нашей жизни. Таким образом мы выражаем нашу приверженность завоеваниям Августа 1980 года, наше стремление к правде и достоинству, наше неприятие лжи и произвола в общественной и политической жизни. Мы не примем участия в фарсе выборов в Сейм или в местные органы. Не будем участвовать в организованных властями митингах, демонстрациях и торжествах. Будем противиться всяким попыткам использовать нас для создания видимости общественного мандата нынешней диктатуре. Пусть эта власть окажется в политическом вакууме.

Принцип бойкота мы должны использовать избирательно. Можно и нужно использовать возможности независимой работы в тех официальных учреждениях, целью которых является удовлетворение действительных потребностей общества. Однако нужно следить, чтобы эта работа не служила оправданию лжи и не помогала диктатуре. Нужно разработать кодексы поведения для каждого профессионального круга, так чтобы избирательный бойкот был увязан с достойной и честной деятельностью в сфере общественной и производственной активности.

Фронт отказа — это также и фронт активной борьбы. Конечно, власть будет стремиться сломать его шантажом и подкупом. Наша задача — сообща этому противодействовать. Каждый случай шантажа должен стать достоянием гласности. Это ослабит его использование в дальнейшем. Постоянный сбор средств, создание комитетов социальной помощи, требование признать независимые от казенных профсоюзов кассы взаимопомощи и отпускные фонды — это тоже формы защиты от подкупа. Нельзя допустить, чтобы позорное вступление в казенный профсоюз было бы для нуждающегося человека единственным выходом из трудного материального положения.

* Прорежимные политические и общественные организации.

III. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БОРЬБА

После 36 лет существования ПНР польское общество оказалось на грани катастрофы. При регламентированном питании, нехватке лекарств и одежды мы попали в положение банкрота с долгом в 30 миллиардов долларов, который будет висеть на нас многие годы. Огромное национальное богатство Польши разбазаривается безхозяйственностью на предприятиях и инвестициями в незавершенное строительство. Увеличивается технологическое отставание. Методы использования экономического потенциала Польши все больше принимают черты эксплуатации колонии. Расточительное хозяйство в горной промышленности привело к десяткам смертей от несчастных случаев, к опустошению шахт и разорению сырьевых богатств Польши. Лишенное средств сельское хозяйство оказалось неспособным прокормить население. Разорение природной среды угрожает подрывом ее биологических основ.

Военная диктатура реализовала только программу повышения цен, не дав взамен никаких перспектив улучшения экономической ситуации. Ее программа, не учитывающая законов рынка и организации производства, за год привела к резкому, более чем на 36%, снижению жизненного уровня. Уже сейчас каждая третья семья живет на грани нищеты. В то же время на общество возложено бремя содержания гигантски разросшегося аппарата принуждения: сотен тысяч функционеров СБ, МО, ЗОМО,** армии и партии, террором удерживающих страну в повиновении. Объявлено еще об одном повышении цен. Оно вызовет усиление общественного недовольства, увеличит дефицит, создаст угрозу того, что жизненный уровень опустится ниже грани биологического минимума.

Военное положение и его чрезвычайные законы перечеркнули шансы выхода из кризиса. Реформы, опирающиеся на принципы самоуправления, самофинансирования и творческой инициативы, оно свело к смене фасада прежней, скомпрометировавшей себя системы административного распределения и милитаризации основных отраслей экономики. Резкое ограничение прав трудящихся привело к созданию полурабских условий принудительного труда, административного закрепления рабочего за местом работы, с угрозой увольнения по политическим мотивам. В таких условиях реформа экономического самоуправления становится фикцией. Органы самоуправления не смогут выполнять свои обязанности.

Мы не можем брать на себя ответственности за состояние экономики. Но мы можем заботиться о поддержании ее на уровне, обеспечивающем наилучшие условия для будущего обновления. Мы не можем допустить дальнейшего снижения нашего уровня жизни. Самым важным элементом в программе защиты основных интересов трудящихся и всего общества сегодня стала борьба за быт. Она будет

** СБ — служба безопасности, МО — гражданская милиция, ЗОМО — моторизованные вспомогательные части милиции.

вестись на каждом предприятии и в каждом крестьянском хозяйстве. Мы поддержим всякую инициативу по организации крестьян для защиты своих прав.

На предприятии эту борьбу мы будем вести с помощью всевозможных форм давления, в том числе:

— используя требования закона о строгом соблюдении Кодекса законов о труде, правил найма и оплаты труда, инструкций по технике безопасности, технологических нормативов, социальных требований и т. п.;

— добываясь обстоятельной информации о производственных решениях и их результатах, об использовании фонда заработной платы и премий, о работе социальных служб и т. п.; доводя до всеобщего сведения скрываемые администрацией ошибочные решения, негласные распоряжения, случаи расточительства, некомпетентности и преследований;

— организуя коллективные протесты, петиции, отказ от сверхурочных работ, бойкот распоряжений, ограничивающих права трудящихся или ведущих к раздору в коллективе. Сильнейшей и наиболее действенной формой коллективного протеста является экономическая забастовка;

— используя рабочее самоуправление (там, где есть возможность его организации) для улучшения бытовых условий и защиты от преследований. Лишение органов самоуправления возможности работать в этом направлении должно служить сигналом членам Рабочего совета для отказа от своих мандатов и обращения к коллективу работающих с призывом бойкотировать самоуправление.

IV. ЗА НЕЗАВИСИМОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ САМОСОЗНАНИЕ

«Солидарность» возникла из всеобщего протеста, из общей борьбы и деятельности различных общественных сил. Создавая ее, мы преодолели разделения, которые сознательно и целенаправленно внедряли власти. Тесное сотрудничество рабочих, крестьян и интеллигенции — гарантия нашей победы. Оно укрепилось после Августа 1980 г., а с 13 декабря 1981 г. стало основой нашего сопротивления.

Угрозу, которую несет тоталитарный режим общественно-политическому сознанию, просвещению и национальной культуре, общественной нравственности и гражданской жизни, может предотвратить лишь общество, граждански мыслящее, знающее свою историю, ценящее подлинную культуру и способное противостоять идеологическим манипуляциям. Поэтому важнейшей политической задачей на сегодня остается поддержка независимой мысли, срыв государственной монополии на печатное и устное слово, на информацию и просвещение, культуру и научные исследования, на политический и социальный анализ. Особая роль здесь выпадает на долю творческой и научной интеллигенции, от которой общество ожидает деятельности для общего блага. Мы поддержим всякую

независимую инициативу, будем создавать общественные фонды и стипендии, позволяющие поддерживать независимость от диктатуры.

Фронт содействия интеллектуальной независимости и подлинному развитию различных сфер общественной жизни должен объединять все круги общества. Путем развития самообразования, расширения сети информационных бюллетеней, библиотек и независимых издательств нужно стремиться стимулировать развитие общественного сознания в среде рабочих, широко распространять их суждения, мнения и концепции. Общественная солидарность требует от всех нас противодействия попыткам тоталитарной власти устранить из общественной жизни людей и группы, негодные власти.

Независимые институции и инициативы, такие как: книжный художественный рынок, печать и радио, независимое просвещение — наше общее достояние. Их нужно поддерживать и защищать, их сохранение и развитие дает независимость обществу, готовит его к жизни в демократичекой и самоуправляющейся Республике.

V. ПОДГОТОВКА ВСЕОБЩЕЙ ЗАБАСТОВКИ

Всеобщая забастовка — сильнейшее оружие в нашей борьбе. Массовое участие в акциях, о которых говорилось выше, является важным этапом ее подготовки. Успех забастовки зависит от многих факторов, основные из которых:

- уровень самоорганизации и степень решимости общества,
- всеобщее понимание и одобрение ее целей,
- международное политическое положение.

Эти же самые факторы влияют и на степень решимости диктатуры усмирить бастующие предприятия. Пока власть, политически готовая применить все средства в борьбе против общества, находила достаточно сил, чтобы такую забастовку подавить. Но она не сможет поддерживать такую готовность слишком долго, так как это связано с большими политическими и общественными издержками. Приближается время, когда оружие забастовки вновь станет реальным средством борьбы, когда решение применить силу против бастующих рабочих будет угрожать существованию самой диктатуры.

Установка на всеобщую забастовку (необходимая, по нашему мнению) означает отказ от программы эволюционного изменения системы. Она указывает только способ ликвидации нынешней диктатуры и создания условий для выхода на путь демократических реформ.

В ходе подготовки ко всеобщей забастовке мы должны сформулировать и согласовать общественную программу-минимум и комплекс требований, которые, с одной стороны, гарантировали бы дальнейший процесс реформ, а с другой стороны, принимали бы в расчет ограничения, вытекающие из внутренних и международных политических реальностей.

Временная координационная комиссия НСПС «Солидарность» представляет заявление *«„Солидарность” сегодня»* как программу действий нашего объединения в нынешних общественно-политических условиях. Мы опираемся на опыт и решения I Общепольского Съезда Делегатов, на программу «самоуправляющейся Республики». Военное положение и объявление НСПС «Солидарность» вне закона создали ситуацию, которая накладывает на нас новые обязанности.

Дискуссии по программе проводились в различных слоях общества и на страницах независимой печати. ВКК и региональные органы профсоюза были инициаторами работы групп по разработке программы. В ходе работы этих групп была сформулирована концепция Независимого Общества. Она определила основные направления нашей работы. Мы изложили ее в программных тезисах *«Подпольное общество»* (июль 1982 года) и в заявлениях ВКК по вопросу текущей борьбы. Программа *«„Солидарность” сегодня»* обращена ко всему обществу. Она накладывает также обязательства на ВКК, на региональные и заводские профсоюзные структуры. Однако эта программа не дает всей картины завтрашней Польши, которую может создать лишь ряд конкретных общественно-политических программ. Мы будем поддерживать инициативы по их разработке.

Нашей программой *«„Солидарность” сегодня»* мы стремимся укрепить уже сформировавшийся общественный фронт самозащиты, фронт сопротивления и борьбы с диктатурой за основные и элементарные ценности в жизни человека, общества, народа, за право на истину, достоинство, надежду. Эти цели объединят всех людей доброй воли независимо от их политических взглядов и идеологических воззрений, все демократические силы народа. Плюрализм и открытость — это черты «Солидарности», движения, рожденного в Августе 1980 года. Мы стремимся к взаимопониманию и сотрудничеству с каждым, кому близки цели нашего движения, со всеми общественно-активными течениями, которые демократическую Польшу считают своим идеалом.

Временная координационная комиссия НСПС «Солидарность»:
22 января 1983 г.

Збигнев Буяк (регион Мазовия)
Владислав Хардек (регион Малая Польша)
Богдан Лис (регион Гданьск)
Юзеф Пинёр (регион Нижняя Силезия)
Эвгениуш Шумейко (член Президиума Общепольского руководства «Солидарности»)

«Тыгодник Мазовше», N 41.
(Перевел с польского С. Пирогов)

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

МЕМОРАНДУМ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ЭСТОНИИ, ЛАТВИИ И ЛИТВЫ РУКОВОДИТЕЛЯМ ГОСУДАРСТВ ЗАПАДНОЙ ДЕМОКРАТИИ И СОВЕТУ БЕЗОПАСНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ¹

(Самиздат)

Те люди в Политбюро Центрального Комитета Коммунистической Партии Советского Союза, которые вырабатывают и определяют направление внешней и внутренней политики Советского Союза, явно не видят и не понимают, или же не хотят увидеть и понять, происходящие изменения и новое соотношение сил на арене нашего быстро развивающегося мира.

Эти люди на верхах Советского руководства все еще надеются, что им удастся окончательно подавить волю к свободе прибалтийских народов и их стремление вновь добиться государственной независимости.

Эти люди из руководства Советского Союза стараются прикрыть свои великорусские шовинистические амбиции интернационализмом и марксистско-ленинским учением, которое они пытаются укоренить в сознании людей в Восточной Европе, на Кавказе, в Средней Азии, а также в других частях мира, используя для этого всевозможные методы и таким путем стремясь парализовать сопротивление покоренных народов и заставить их подчиниться великорусской шовинистической идеологии — и это не на тысячелетие, как это некогда провозгласила фашистская Германия в рамках своего человеконенавистнического учения, а на вечные времена. Советскому Союзу пока еще удается диктовать покоренным народам и государствам эту

1. Перевод с эстонского.

свою человеконенавистническую идеологию и политику, эксплуатируя при этом человеческий труд и природные ресурсы для увеличения своего экономического и военного потенциала и дальнейшей экспансии.

События недавнего прошлого показывают, что трагедия под названием «революционные события», которая ставилась в прибалтийских государствах по сценарию руководства Советского Союза, далеко превзошла по своему размаху те «революционные события», которые разыгрывались после Второй мировой войны в Польше, Чехословакии, Восточной Германии, Венгрии, Румынии, Югославии, Болгарии, Албании, а теперь происходят в Афганистане.

Результатом этой трагедии прибалтийских республик была оккупация Советским Союзом в июне 1940 года трех прибалтийских государств — Эстонии, Латвии и Литвы. Предпосылкой, способствовавшей этой трагедии, был советско-германский договор от 23. 8. 1939, включавший клаузулу о разделе Европы на территориально-политические сферы влияния.

Договор, заключенный 23. 8. 1939, развязал Советскому Союзу руки для осуществления его агрессивных планов в Финляндии, Прибалтике, Польше и Бессарабии, а фашистской Германии — в Польше и Западной Европе. Заключение такого договора между двумя агрессивными государствами непосредственно предопределило взрыв Второй мировой войны.

Этот договор — так называемый Пакт РИББЕНТРОПА-МОЛОТОВА, заключенный между двумя тоталитарными государствами 23. 8. 1939, на самом деле не предоставлял Советскому Союзу никаких особых полномочий в отношении прибалтийских государств для насильственного включения их в состав Советского Союза, потому что международное право относится отрицательно к оккупации, разделу или политике включения того или иного независимого государства в ту или иную сферу влияния или сферу интересов.

Международное право запрещает сверхдержавам проводить военную агрессию против государств, которые, как они считают, принадлежат к сфере их интересов. Даже если Советский Союз и имел перед оккупацией в июне 1940 года какие-нибудь притязания в отношении прибалтийских госу-

дарств, то он все равно должен был бы прежде всего руководствоваться принципом соблюдения международного права и отказаться от открытой агрессии. К этому же Советский Союз обязывали договоры о взаимопомощи, которые он сам навязал прибалтийским государствам в 1939 году. В этих договорах о взаимопомощи было абсолютно четко оговорено, что размещение на территории прибалтийских государств ограниченного количества советских войск не повлечет за собой ограничения их суверенитета, не говоря уж о насильственном изменении существовавшего в этих государствах экономического и политического строя.

В преамбуле к договорам о взаимопомощи, заключенным между Советским Союзом и прибалтийскими государствами в 1939 году, были вполне четко отражены основные положения мирного договора 1920 года, безоговорочно устанавливающие, что Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика добровольно и навсегда отказывается от всех притязаний на территории прибалтийских народов как в правовом отношении, так и в отношении вопроса о суверенитете, тем самым признавая независимость трех прибалтийских республик — Эстонии, Латвии и Литвы.

В соответствии с вышеуказанными договорами Советский Союз взял на себя обязательство уважать независимость трех прибалтийских государств и не вмешиваться в их внутренние дела.

Таким образом, Советский Союз взял на себя также и обязательство соблюдать международные правовые нормы.

В действительности же Советский Союз, игнорируя вышеуказанные договоры с прибалтийскими государствами, а также международное право, вероломно предъявил правительствам прибалтийских государств необоснованные обвинения и, угрожая физическим уничтожением прибалтийских народов, добился тотальной оккупации трех прибалтийских государств, соответственно 15, 16 и 17 июня 1940 года, и провозглашения там советской власти.

Игнорируя международное право, Советский Союз не учел того факта, что мирные договоры 1920 года обязывали все спорные вопросы, возникающие между подписавшими их государствами, решать мирным путем, то есть за столом

переговоров, а не с позиции силы, как это сделал Советский Союз.

Но Советский Союз выбрал предосудительный путь: игнорируя международное право, угрожая уничтожить прибалтийские народы, он заставил прибалтийские правительства принять ультимативные требования.

Предъявляя ультимативные требования, Советский Союз все же лицемерно обещал главам прибалтийских государств неуклонно защищать их независимость на основе действовавших договоров.

Учитывая заверения руководителей Советского Союза в том, что они всячески будут защищать независимость прибалтийских государств, и понимая всю сложность и опасность международной обстановки в Европе летом 1940 года, во имя сохранения своих народов руководители Эстонии, Латвии и Литвы согласились принять ультимативные требования Советского Союза.

Следуя, как всегда, своей обычной вероломной тактике, власти Советского Союза не намеревались соблюдать свои твердые обязательства защищать независимость прибалтийских государств и сразу же после их оккупации методом запугивания и террора положили конец так называемому демократическому переходному периоду в Прибалтике, и 14 и 15 июля 1940 года под контролем оккупационных войск провели так называемые «прибалтийские выборы».

Проведенные советскими оккупационными властями так называемые «прибалтийские выборы» были по существу незаконными, фактически являлись прямым нарушением существовавшего в Эстонии, Латвии и Литве избирательного права и в то же время международных законов. Сразу после так называемых «прибалтийских выборов» советские оккупационные власти установили в Прибалтике тот же режим, основанный на диктате и терроре, что и в Советском Союзе, в результате чего им удалось за короткий период частично советизировать Эстонию, Латвию и Литву, а 3, 5 и 6 августа 1940 года заставить три прибалтийские государства войти в состав Советского Союза в качестве союзных республик.

Эту интервенцию, которую Советский Союз осуществил против воли прибалтийских народов, можно сравнить с открытой агрессией, совершенной Советским Союзом про-

тив воли украинского народа в 1920 году, белорусского народа в 1920 году, азербайджанского народа в 1920 году, армянского народа в 1921 году, грузинского народа в 1921 году, польского народа в 1939 году, финского народа в 1939 году (за что Советский Союз был исключен из Лиги Наций), молдавского народа в 1940 году, немецкого народа в 1953 году, венгерского народа в 1956 году, чешского и словацкого народов в 1968 году и афганского народа в 1979 году.

Вышеупомянутую агрессию Советского Союза против прибалтийских государств можно отнести к категории «косвенной агрессии» в том смысле, в каком сам Советский Союз сформулировал это понятие во время секретных переговоров с западными союзниками Англией и Францией, переговоров, которые длились до 23 августа 1939 года, то есть до заключения пресловутого Пакта РИББЕНТРОПА-МОЛОТОВА.

Оккупация трех прибалтийских государств и насильственное включение их в состав Советского Союза соответственно 3, 5 и 6 августа 1940 года никоим образом не являются добровольным объединением на федеративной основе, как это утверждает Советский Союз, а фактически представляют собой аннексию территорий чужих государств. Подобный акт квалифицируется как вопиющее нарушение общепризнанных международных правовых норм.

В настоящее время легко доказать незаконность советской власти в прибалтийских государствах, потому что основное население трех прибалтийских государств — Эстонии, Латвии и Литвы — чуждую советскую власть не восприняло, так как она не выражает воли прибалтийских народов, а также не была ими свободно избрана: поэтому в Прибалтике все громче голоса протеста с требованием к оккупационному режиму уважать права человека, права наций на самоопределение и государственную независимость.

Советская власть в оккупированных прибалтийских государствах держится только за счет оккупационных войск и политического террора.

Продолжая оккупацию Эстонии, Латвии и Литвы, Советский Союз нарушает не только суверенитет указанных

государств, но также игнорирует право прибалтийских народов на самоопределение. Это право было со всей ясностью провозглашено в мирном договоре, заключенном между прибалтийскими государствами и Советской Россией в 1920 году.

У Советского Союза не было и нет никаких оправданий для своих захватнических действий. Эти действия Советский Союз всячески пытается объяснить тем, что они были необходимы для гарантии безопасности его западных границ. Это утверждение содержится и в произведении под названием «Фальсификаторы истории», опубликованном в противовес историческим исследованиям, изданным в Соединенных Штатах Америки, которые объективно описывают тесное сотрудничество между Советским Союзом и фашистской Германией в 1939-1941 годах, когда они, будучи союзниками, разделили Европу на геополитические зоны влияния. Как известно, это привело ко Второй мировой войне.

Летом 1940 года Советскому Союзу никто и ничто не угрожало, как не угрожает и в настоящее время. Наоборот, сам Советский Союз угрожал и продолжает угрожать европейским народам и всему цивилизованному человечеству своим экспансионизмом.

Даже если согласиться с утверждением Советского Союза, что летом 1940 года царил нестабильная обстановка, угрожавшая его западным рубежам, — и это послужило причиной оккупации Прибалтики Советским Союзом, то, после победоносного окончания Второй мировой войны он был бы обязан, уважая международное право, вывести свои оккупационные войска из прибалтийских государств. Таким образом были бы восстановлены независимость прибалтийских государств и их довоенный строй, установленный по воле коренного населения и существовавший там до июня 1940 года.

Согласно международной Гаагской конвенции, определяющей понятие «сухопутной войны»,² у Советского Союза не было никаких юридических прав насильно захватывать прибалтийские государства и, путем насилия и террора,

2. Имеется в виду Гаагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны, принятая на 2 Гаагской конференции 1907 г.

устанавливать там советский режим, прикрывая свои преступные действия демагогическим лозунгом так называемых «революционных преобразований».

Советский Союз сразу после захвата прибалтийских государств в июне 1940 года начал систематически проводить в отношении прибалтийских народов политику, основанную на бесчеловечном этническом геноциде, с главной целью уничтожения на территории Советского Союза всех нерусских народов либо физически, либо путем русификации.

В результате этой бесчеловечной политики народы Прибалтики потеряли приблизительно одну треть своего коренного населения из-за депортации в Сибирь и массовых расстрелов. Перед началом второй советской оккупации осенью 1944 года, часть прибалтийских народов эмигрировала на Запад, чтобы из-за границы, то есть из демократических стран Запада, эффективнее вести политическую борьбу, привлекая к ней внимание западных обществ и их государственных деятелей с целью быстрого освобождения Эстонии, Латвии и Литвы из-под советской оккупации.

Несмотря на проводимую жестокую политику геноцида, Советскому Союзу не удалось сломить волю прибалтийских народов к свободе, не удалось сломить волю к свободе эстонцев, латышей и литовцев. Наоборот, политическая система Советского Союза, основанная на терроре и этническом геноциде, сама начинает проявлять признаки разложения.

Всесторонние попытки Советского Союза полностью советизировать Прибалтику не дали желаемых для оккупантов результатов, несмотря на то, что народы Прибалтики в ходе этой борьбы потеряли значительную часть своего состава. Борьба за национальное самоопределение и государственную независимость продолжается, в настоящее время она выражается в пассивной форме в общенациональном сопротивлении чуждому советскому режиму.

Для освободительной борьбы прибалтийских народов определяющим фактором является и то, что Соединенные Штаты Америки, Великобритания, Федеративная Республика Германия, Франция, Испания, Канада, Австралия, Голландия,

Бельгия, Швейцария и все другие демократические государства, опираясь на международное право, не признают оккупации прибалтийских государств и их включения в состав Советского Союза. Для упомянутых демократических государств прибалтийские государства — Эстония, Латвия и Литва — «de jure» — по-прежнему независимые государства.

Империалистические амбиции Советского Союза, постоянно провоцирующие локальные конфликты, увеличивают человеческие страдания и нарушают стабильность мира.

В настоящее время Советский Союз — единственный нагнетатель напряженности в международных отношениях и источник военного психоза. Эту опасную обстановку в мире можно разрядить мирным путем, только если руководители Советского Союза признают международный принцип, согласно которому каждый народ имеет право на самоопределение и независимость, в том числе и те народы и государства, которые насильственно включены в состав Советского Союза.

Советским руководителям следует считаться с тем, что в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 14-го декабря 1960 года³ и в 8-й главе Заключительного Акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, подписанного в Хельсинки 1 августа 1975 года, со всей ясностью отмечено, что каждый народ имеет право на самоопределение. Эти решения обязательны для каждого цивилизованного и уважающего международное право государства; оно должно ими руководствоваться и воплощать их в жизнь.

Но руководители Советского Союза до сих пор грубо игнорировали право поработанных народов, живущих под гнетом советского неокOLONиалистского режима, на самоопределение, а также основные положения Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН. Но неумолимый ход истории напоминает, что им придется согласиться с решениями народов всего мира, провозглашенными в Уставе ООН, вновь утвердить веру в основные права человека, в его достоинство и ценность, в равенство прав больших и малых наций, чтобы

3. Т. е. в Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам, принятой указанной Резолюцией (1514 /XV/).

содействовать социальному прогрессу и улучшению условий жизни при большей свободе.

Руководителям Советского Союза следует понять необходимость создания стабильных и благоприятных, миролюбивых и дружественных отношений на основе уважения принципа равноправия и самоопределения всех народов и прав человека, а также на основании гарантий основных свобод для каждого и взаимного уважения всех, независимо от национальности, расы, языка и идеологических убеждений.

Они должны считаться с горячим стремлением к свободе всех народов мира, в том числе и народов, поработанных советским неокOLONиальным режимом, и решающей ролью этих народов в деле достижения своей независимости.

Им следует учесть, что неуважение к свободе или создание препятствий на пути к освобождению народов способствует усилению локальных конфликтов, которые являются серьезной угрозой для дела мира во всем мире.

Советским руководителям придется признать важнейшую роль ООН в содействии движению за независимость на оккупированных, подопечных и самоуправляющихся территориях.

Советскому Союзу неизбежно придется считаться с неистребимым стремлением всех народов покончить с неокOLONиализмом во всех его проявлениях.

Ему следует признать, что дальнейшее существование неокOLONиализма в странах советского блока препятствует международному экономическому сотрудничеству, тормозит социальное, культурное и экономическое развитие зависимых народов и находится в противоречии с идеалом ООН, заключающемся в сохранении мира во всем мире.

Советские лидеры должны на деле подтвердить право народов свободно и в собственных интересах распоряжаться своими природными богатствами и ресурсами, право, которое вытекает из основ международного права.

Советскому Союзу следует пояснить, что освободительное движение поработанных им народов нельзя остановить или повернуть вспять, что для предотвращения серьезных кризисов ему придется в подвластных ему странах

покончить с неоколониализмом и вызванными им видами дискриминации.

Советским руководителям придется считаться со стремлением к свободе, которое со все большей силой проявляется в странах советского блока, которые еще не добились своей цели, то есть не завоевали независимости.

Советскому Союзу следует понять, что все народы, подвластные его режиму, имеют неотъемлемое право на полную свободу, на осуществление своего суверенитета и целостность национальной территории.

Советским лидерам следует честно признать необходимость немедленного и безоговорочного прекращения своей агрессивной, неоколониалистской политики во всех формах ее проявления.

Для достижения этой цели всем членам советского руководства неизбежно придется согласиться с решением народов всего мира, что подчинение народов чуждому советскому режиму и их эксплуатация представляют собой отрицание основных прав человека, находятся в противоречии с Уставом ООН, тормозят развитие сотрудничества и упрочение мира во всем мире.

Все народы, находящиеся под советским гнетом, имеют право на самоопределение. На основании этого права они должны сами свободно определить свой политический статус и осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие.

Предположение о неудовлетворительном политическом, экономическом или социальном уровне развития или недостаточной системе образования не должно быть для советских руководителей поводом для появления стремления подчиненных государств к независимости.

Любой вид репрессий или военных действий, проводимых советскими лидерами против поработанных народов, должен быть прекращен, чтобы предоставить этим народам возможность реализовать свое право на полную независимость в условиях мира и свободы. И следует безоговорочно уважать целостность их национальных территорий.

Во всех поработанных государствах, а также на подчиненных территориях советские руководители должны принять меры, обеспечивающие безоговорочную передачу

власти народам этих территорий или государств в соответствии с выраженными ими волей и желанием, независимо от национальности и идеологических убеждений, чтобы в конечном счете предоставить этим государствам полную независимость и свободу.

Всякая попытка советских руководителей расколоть национальное единство в подчиненных государствах или нарушить целостность национальных территорий несовместима с целями и принципами Устава ООН.

Руководителям Советского Союза, которые выразили свое согласие с принципами Устава ООН, следует строго и неукоснительно придерживаться положений Устава ООН, Декларации прав человека и Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, основанных на равноправии, невмешательстве во внутренние дела государств, уважении суверенитета всех народов и территориальной целостности их государств.

Советский Союз обязан — вывести из Эстонии, Латвии и Литвы свои оккупационные войска и администрацию, признать государственную независимость прибалтийских республик Эстонии, Латвии и Литвы, полноправных членов Лиги Наций, предшественницы ООН.

E. L. L.
H. D.

НАХОДИТСЯ ЛИ ЭСТОНСКИЙ НАРОД И ЕГО КУЛЬТУРА ПОД ЧУЖЕЗЕМНЫМ ГНЕТОМ?

Письмо пятнадцати эстонских интеллигентов
(Самиздат)

От редакции:

В октябре 1981 года финская газета «Хельсинкин Саномат» опубликовала статью Сеппо Хейкинхеймо о русификации в Эстонии. 2 декабря эта же газета поместила письмо-опровержение, под которым стоят подписи пятерых видных деятелей эстонской культуры: режиссера Карла Ирда, композитора Велье Тормиса, писателя Матти Унта, оперного певца Матти Пальма и профессора Пауля Ариста. О подлинном авторе этого письма можно только догадываться. А вскоре в эстонском Самиздате появилось письмо пятнадцати представителей эстонской интеллигенции, которое приводится ниже в переводе с эстонского.

Уважаемый Сеппо Хейкинхеймо!

Мы принадлежим к тем эстонцам, которые ясно понимают, что над эстонским народом, языком и культурой нависла серьезная опасность исчезнуть во все возрастающем потоке советизированных человеческих масс. Благодарим Вас за статью, опубликованную 25-го октября 1981 года в газете «Хельсинкин Саномат», в которой Вы смело и объективно осветили наше тяжелое положение. Настоящее письмо задумано с целью оказать Вам моральную поддержку в связи с опубликованным 5-го декабря 1981 года в «Хельсинкин Саномат» ответом официальных кругов Советской Эстонии и как дополнение к поднятым Вами проблемам.

Наше письмо написано коллективом ученых, инженеров, педагогов и работников культуры. Наши имена ни в коей мере не могут соперничать с именами известных деятелей культуры и мы находим, что в данной обстановке не имеет смысла их опубликовывать. Но мы полагаем, что мы также представляем определенную часть эстонской интеллигенции и при этом не меньшую, чем та, которую претендуют представлять пять деятелей эстонской культуры, подписавших статью от 5-го декабря 1981 года.

Мы рады приветствовать через Вас также и Юхана Кристьяна Тальве, чью содержательную и умную статью мы с большим удовольствием прочли в журнале «Канав» N 7 за 1981 год. Благодарим Вас также за переводы нескольких материалов, из которых «Мемуары» Шостаковича распространяются довольно широко.

Следует считать большой удачей, что наиболее интересные статьи, публикуемые в финской печати, рано или поздно становятся известными той части эстонской интеллигенции, которая озабочена судьбой своей Родины. Следует отметить, что членам подписавшей письмо от 5 декабря пятерки в последние месяцы жилось нелегко (за исключением, может быть, К. Ирда). В конце-концов каждый из них представляет собой личность, трагически раздвоенную советской системой, каждый из них имеет свои слабые и сильные стороны, и каждый из них болезненно переживает свою капитуляцию. Хотим надеяться, что, по крайней мере, трое из них такого поступка больше не совершат.

Полагаясь на Ваше знание эстонского языка, мы предоставляем Вам все права на опубликование и комментирование нашего письма. И чем оно шире распространится, тем лучше.

От всего сердца желаем Вам сил и успехов, в надежде когда-либо пожать Вашу руку

пятнадцать представителей эстонской интеллигенции.

Эстония, март 1982 г.

Итак, народный артист СССР Карел Ирд и компания, то есть деятели культуры, удостоенные выполнения пропагандистского задания, находят, что сомнения в будущем эстонского народа и его культуры, выраженные в статье Сеппо Хейкинхеймо в «Хельсинкин Саномат» от 25-го октября 1981 г., являются для них оскорбительными.

Члены пятерки, попав в неловкое положение перед эстонской общественностью, (дело в том, что Министр культуры ЭССР И. Лотт заверил подписавшихся, что письмо протеста против статьи Сеппо Хейкинхеймо будет направлено лишь в редакцию финской газеты и не будет

опубликовано), могут теперь оправдывать себя с помощью доводов, которые звучат отнюдь не наивно: каждый финн, знающий обстановку в Советской Эстонии, должен же понять, что такой неумный текст не мог быть составлен самими подписавшимися. И отсюда было бы легко заключить, что они были просто-напросто принуждены подписать готовый текст. Поставленные перед трудным выбором, они решили уступить. И лишь для того, чтобы сохранить возможность и в будущем работать на пользу эстонской культуры. Они считали, что из-за такого пустяка, как какая-то подпись, не стоит ссориться с властью и портить себе жизнь...

В этих доводах есть крупница правды. В их письме нет, действительно, ни единого слова или знака препинания, принадлежащего подписавшимся. Согласно объяснениям по крайней мере трех «авторов», проживающих в Таллине, их вызвал Министр культуры И. Лотть и поставил перед ними задачу государственной важности: об эстонской советской культуре опубликована клеветническая статья, на которую надо дать «ответ». Эта «ответ» лежала уже в готовом виде на столе, и государственная задача деятелей культуры состояла лишь в том, чтобы сыграть роль фигового листка, прикрывающего ее истинных составителей.

Если уж говорить об оскорблении, то наиболее оскорбительным должен казаться тот факт, что руководство Коммунистической партии Эстонии даже не доверило избранной пятерке — профессиональным литераторам и хорошим стилистам — пера для выражения своего возмущения. Их письмо в действительности было составлено аппаратчиками Центрального Комитета Коммунистической партии Эстонии, что ясно видно по его казенному стилю и по склонности, свойственной лишь партийным бюрократам, оценивать явления культуры лишь по количественным показателям, по данным официальной статистики, к тому же тенденциозно и произвольно подобранной.

Все это, конечно, не снимает ответственности с тех, кто своим именем придал авторитет и вес сомнительному мероприятию анонимных «аппаратчиков». Ведь именно это требовалось авторам «ответа». Отказ от активного выступления против истины был в данном случае вполне возможен и не был связан ни с потерей свободы, ни с потерей работы.

Так или иначе, это письмо, подписанное именами пяти деятелей эстонской культуры, настоятельно требует комментариев со стороны эстонской общественности, которая также имеет все основания оскорбиться и быть обеспокоенной сознательным искажением действительного положения, в котором находятся эстонский народ и его культура. Начнем со статистики, касающейся демографических изменений. Авторы письма стремятся уличить Сеппо Хейкинхеймо в отдельных неточностях, но без особого успеха. Однако сами авторы допускают ошибку, которая ставит под вопрос их способность ориентироваться в проблемах эстонского народа: звонкая декларация, согласно которой «число эстонцев на территории Эстонии за всю нашу историю не было большим, чем в настоящее время», насквозь лжива. В конце периода независимости Эстонии, (т. е. в 1939 году) число эстонцев в Эстонии было 995 тысяч, а теперь их всего лишь 948 тысяч, то есть на 4,7% меньше, чем до войны! Ошибка, которая ставит под вопрос и все остальные утверждения письма.

Если за 42 «плодотворных» года Советской власти — сначала под солнцем сталинской, потом брежневской Конституции — численность эстонского народа не возросла, а уменьшилась, то в этом повинна не только война, но в гораздо большей мере «забота» КПСС о судьбе эстонского народа. Если в настоящее время на Западе панически боятся нейтронной бомбы, то эстонский народ в 1940-56 г.г. неоднократно ощутил на себе действие почти аналогичного оружия, только политического, которое в тысячах домов сохранило имущество, мебель, скот и поля, но уничтожило живущих там людей. Наиболее обширные испытания этого оружия происходили в 1941 и 49 г.г., когда из своих домов внезапно исчезли соответственно 10 тысяч и 40 тысяч человек. Косвенное воздействие этого же оружия заставило в 1944 году десятки тысяч эстонцев покинуть свои дома и эмигрировать в западные страны. В итоге эстонский народ потерял за 1940-56 г.г. более чем одну пятую своей численности, став одним из самых сильно пострадавших народов Европы. Но оставим эпоху Сталина и Берии и зададимся вопросом: укрепилось ли положение эстонского народа в период «социалистической законности», начавший-

ся с 1956 года? О некоторых итогах этого периода говорится в статье Сеппо Хейкинхеймо (на основании данных переписи населения в 1979 году). Добавим лишь несколько обобщений: в 1934 году эстонцы составляли 88,2% населения республики, а в 1979 году — 64,7%. Русских было в 1934 году 8,2% (из них почти половина проживала на территории, впоследствии аннексированной у Эстонии).

Именно с 60-х годов начинается тревожная для эстонского народа тенденция: если в 1940-50 годах естественный прирост населения был больше, чем иммиграция из России, то после 60-х годов число русскоязычных иммигрантов все больше начинает превышать число родившихся в Эстонии (среди последних все большую часть составляют дети, рожденные от русских. Следует отметить, что данные о национальном составе новорожденных также строго засекречены).

Основываясь на данных сборника «Народное хозяйство ЭССР», мы получили следующую картину демографических изменений в послевоенный период:

годы	естественный прирост (в тыс.)	механический прирост (в тыс.)
1951—55	30,5	28,0
1956—60	34,2	25,5
1961—65	32,0	43,1
1966—70	27,3	49,3
1971—75	29,9	34,2
1977	4,9	7,3

Итак, демографические изменения привели к тому, что в 1977 году число иммигрантов-неэстонцев в полтора раза превысило местный естественный прирост! Видимо, проблема «роста» эстонского народа стала настолько деликатной, что, начиная с 1978 года, перестали публиковать данные о механическом приросте. Это молчание более красноречиво, чем все упомянутое письмо пятерых.

Не лучше и итоговые данные о последних 20-ти годах. В период 1959-79 г.г. число эстонцев в Эстонии возросло всего на 50 тысяч. В то время, как число лиц славянского происхождения (включая украинцев и белорусов) увеличилось в 4 раза больше, т. е. на 201 тысячу (с 267 тысяч до 468 тысяч). Еще более тревожны демографические изменения в

70-х годах: если в период с 1970 по 79 г.г. все население Эстонии увеличилось на 110 тысяч человек, то доля эстонцев составила лишь одну пятую этого числа, т. е. 22 655.

Неужели у Хейкинхеймо и его единомышленников (а ими, по нашему убеждению, является подавляющее большинство эстонского народа — и дай Бог, чтобы и финского народа) нет оснований тревожиться, при виде подобной статистики, за судьбу эстонского языка и культуры? Подзаголовок статьи Хейкинхеймо — «Тревожная статистика» — по нашему мнению, более, чем оправдан.

Анализируя упомянутые тенденции, очень важно учесть резкое изменение политики Москвы в отношении Эстонии, начавшееся с конца 60-х годов, и сдвиги, происшедшие в связи с этим, в психологии и поведении эстонцев.

В эпоху реформ Хрущева (вторая половина 50-х годов, начало 60-х) у эстонцев возникли некоторые надежды на будущее своего народа и национальной культуры. Эти надежды питались реабилитацией жертв сталинизма, программой благосостояния, принятой КПСС в 61-ом году, обещаниями большей автономии национальным республикам, ориентацией на более культурную и современную экономику (вместе с расширением производства товаров широкого потребления), некоторым пробуждением эстонской национальной культуры после сталинского прессы. Многие надеялись направить развитие в сторону социализма с человеческим лицом, заменить клику русских бюрократов и обрусевших, родившихся в Советском Союзе, эстонцев национальными руководящими кадрами, которые руководили бы экономикой разумнее, с учетом местных интересов.

Было обещано ограничить развитие тяжелой промышленности, увеличивать выпуск продукции лишь за счет повышения производительности труда, не строить в Таллине новых крупных предприятий.

Все это должно было ограничить поток русских иммигрантов в Эстонию. Взрывообразное расширение Таллина должно было быть приостановлено. И в завершение всего появилась надежда, что вместе с успешным решением проблемы разоружения уменьшится степень милитаризации Эстонии, будет выведена часть русских гарнизонов и увеличится возможность более тесного общения с западными

странами. Поэтому будущее не казалось слишком мрачным. Иногда казалось, что для существования и развития народа начинает образовываться некоторое жизненное пространство.

70-ые годы беспощадно уничтожили эти иллюзии. Уже в конце 60-х годов произошел резкий поворот назад, в сторону строгого и жесткого московского централизма, основанного на принципе: интересы империи превыше всего. Начали ограничивать и без того незначительную автономию национальных окраин, все важнейшие экономические отрасли национальных республик подчинили всесоюзным Министерством. Поскольку со стимулированием роста производительности труда ничего не вышло, то упор был снова сделан на экстенсивное развитие производства, то есть на строительство новых крупных предприятий и на импорт неэстонской рабочей силы.

Если первая половина 70-х годов парализовала надежды эстонского народа на будущее, то во второй половине десятилетия в национальных кругах стали господствовать настроения подавленности, бесперспективности и страха. Изменение обстановки политически символизировало устранение многолетнего Первого Секретаря КПЭ Ивана Кэбина в 1978 году.

Стремление коммунистов Эстонии выдвинуть на пост главы КПЭ эстонца потерпело полную неудачу, когда при прямом вмешательстве Москвы новым главой партии был назначен родившийся в Сибири, плохо владеющий эстонским языком, русофил Карл Вайно, который не имел поддержки даже в правящих кругах Эстонии. Приход к власти Вайно был фактической пощечиной местным эстонским коммунистам, которые давно стремились выдвинуть на руководящие посты в партии своих людей. Он продемонстрировал также глубокое недоверие Москвы к лояльности номенклатуры национальных окраин.

Выбор Вайно показал, что Москва считает: эстонский народ и его культура могут быть в надежных руках лишь в том случае, если ими руководит человек, чуждый местному языку и мировоззрению и зависимый от кремлевской бюрократии. Годы правления Вайно народ стал называть эпохой неошаховского. (Сергей Шаховской был в прошлом столетии

генерал-губернатором Эстонии и вошел в местную историю таким же целеустремленным русификатором, как и губернатор Бобриков в Финляндии).

В нынешней ситуации, когда вся экономическая и социальная политика, проводимая в Эстонии, ориентирована на расширение тяжелой промышленности, на эксплуатацию природных ресурсов и транспорта, на увеличение сети военных баз, на стимулирование иммиграции неэстонцев, когда у местной администрации нет никакой возможности противостоять этим процессам (только что в Таллине без ведома местных властей и вне очереди было размещено 6 тысяч семей русских ветеранов войны), дальнейшее развитие эстонского народа вошло в исключительно критическую фазу.

План удвоить население Таллина к концу текущего века (сейчас строится ласнамяеский жилой район, запланированный на 200 тысяч жителей), решение о строительстве гигантского международного торгового порта около Таллина в районе Мууга (что означает иммиграцию еще нескольких десятков тысяч неэстонцев), проект постройки на северном побережье Эстонии в районе Тоольсе величайшей в мире фосфоритной шахты (вместе с городом, запланированным на 15 тысяч неэстонских рабочих), строительство новых военных баз и военизированных поселков (что сопровождается внеочередным предоставлением городских квартир тысячам военнослужащих и их семьям) — все это заставляет нас опасаться, что в ближайшие двадцать лет эстонский народ окажется перед роковой перспективой превратиться в национальное меньшинство на собственной Родине. Такие тенденции развития ведут лишь к дальнейшему ухудшению нашего положения.

Задумаемся на мгновение о судьбе братского карельского народа, о его деградации и обрусении за последние 50 лет, что является красноречивым примером успешной «национальной и культурной политики Советского Союза». Не следует также забывать, что именно вследствие такой национальной и культурной политики критического рубежа достигли и южные соседи эстонцев — латыши, которые, по данным последней переписи населения, со-

ставляют на своей Родине всего лишь 53,7% общей численности населения.

Уменьшение удельного веса коренного населения в Эстонии происходит с очевидной планомерностью. Кстати, Ленин, анализируя причины победы русских большевиков в Октябрьской революции и удержания ими власти (как известно, на выборах в Учредительное Собрание после революции большевики получили лишь одну четвертую часть общего числа поданных голосов), объяснил поразительный успех своей партии соблюдением следующего правила: нужно иметь в решающий момент на решающих участках против противника решающий перевес в силах и захватить в свои руки стратегически важные пункты; и, удерживая их, распространить свою власть и на все остальное.

Это ленинское правило явно применено и на территории, населенной эстонским большинством. Незваные гости сконцентрировались (или сконцентрированы) на стратегически и экономически важных участках, в ключевых отраслях экономики и в государственных учреждениях.

Таковыми опорными пунктами для прибывших является столица и большие города, новые промышленные и добывающие районы, крупные предприятия, морские порты, железнодорожный и воздушный транспорт, система связи, партийный аппарат, органы КГБ и милиции, военные части и пограничные войска.

Все перечисленные выше институты в Эстонии либо полностью русифицированы, либо в них создан численный перевес русских. Именно по таким узловым местам размещают так называемых «своих людей», у которых нет контактов и, что самое главное, эмоциональных связей с местным народом и страной. И которые именно поэтому могут быть проводниками московской политики.

Так например, одной из основных баз русификации являются крупные предприятия Таллина. Преобладающее большинство рабочих и администрации составляют русские, языком делопроизводства и общения является исключительно русский язык. Эстонец, который русский язык недостаточно хорошо понимает или не хочет на нем говорить, не получает на этих предприятиях работы или его быстро выживают оттуда. Типичным является и то, что вокруг

промышленных предприятий с преобладающим числом русских рабочих, возникают поселки с типично русским образом жизни и «культуры». Так например, вокруг Маардуского химического комбината, который уже десятки лет загрязняет воздух и природную среду вокруг Таллина, возник город Маарду с 10-ю тысячами жителей, где с эстонским языком нечего делать — это часть России на эстонской земле.

Аналогичную роль выполняют и русские военизированные поселки, построенные вокруг крупных военных баз. На острове Сааремаа в районе Каруярве можно увидеть, например, чисто русский, по форме и по содержанию, поселок Деево. На Кейла-Йоа уже многие годы существует русский военный городок. Военно-морской порт Палдиски полностью русифицирован и закрыт для эстонского населения. Офицеры, выходящие на пенсию, или солдаты, закончившие действительный срок службы, чаще всего остаются жить в Эстонии, легко получая здесь квартиры.

Что касается сельскохозяйственных районов, где еще сохранился перевес эстонского населения, то они подлежат медленной, но планомерной «интернационализации». Типичным методом «интернационализации» небольших городков и поселков является строительство крупных промышленных предприятий, необходимость которых не диктуется местными нуждами или экономическими предпосылками. А поэтому требует ввоза чужеземной рабочей силы. Так например, в поселке Кохила с эстонским населением был построен комбикормовый завод и мукомольное предприятие. Другой комбикормовый завод был навязан городу Валга. В Выру в 1959 году было завершено строительство завода газоанализаторов, который непосредственно подчиняется Москве. Это строительство обусловило ввоз 1 тысячи чужеземных рабочих (большинство из которых русские) в этот тихий город.

Возвращаясь вновь к проблеме Таллина, следует сказать, что несмотря на данные переписи населения 1979 года, указывающие на минимальный перевес эстонцев в городском населении (51,2%), коренное население столицы уже сейчас находится в меньшинстве. Дело в том, что статистика не учитывает численности русских офицеров и их семей, а также тысяч неэстонцев, которые прибывают сюда на продолжи-

тельное время к своим знакомым и родственникам погостить.

Форсированное развитие промышленности и искусственный рост столицы вызвали в ее инфраструктуре целый ряд неожиданных диспропорций. Так например, по данным сборника «Таллин» (изд. 1979 г.), промышленность столицы, начиная с 1940 года, выросла в сорок раз, население в три раза, а жилищный фонд всего лишь в полтора раза. В 1940 году на 140 тысяч человек населения было 2,43 миллиона кв. м. жилья, а в 1977 году на 415 тысяч жителей приходилось всего лишь 3,6 миллионов кв. м. жилья. Таким образом, к концу периода независимости на одного таллинца приходилось 17,4 кв. м. жилья, в то время как после сорокалетней «заботы» Советской власти на каждого жителя столицы осталось всего лишь по 8,3 кв. м. жилья.

Что касается хваленого развития здравоохранения, то в Таллине в 1940 году было 2050 больничных мест, а в 1977 году — 5230. Это означает, что в 1940 году одно больничное место приходилось на 68 таллинцев, а в 1977 году одно больничное место — уже на 82 жителя. В действительности же этот показатель гораздо хуже, так как большое число больничных мест принадлежит специальным больницам — 4-ой больнице, обслуживающей лишь партийную элиту, а также русифицированным военным и железнодорожным госпиталям, куда обычный гражданин, как правило, не может попасть.

Эти данные свидетельствуют о том, какие серьезные недостатки могут скрываться за парадным количественным прогрессом, если искусственно, не считаясь с интересами населения, форсируется развитие эстонской столицы. В такого рода развитии нет никакой объективной необходимости, если не принимать во внимание навязчивых идей московского военно-промышленно-шовинистического комплекса.

Центральная часть Таллина не дает посещающему ее финскому туристу достаточно адекватной картины отношений между нациями. Но стоит лишь поехать на трамвае N 1 или N 2 на полуостров Копли, чтобы увидеть кипучую жизнь типично русско-советского городка во всей ее серости.

Финский турист мог бы задаться и таким вопросом: почему в Таллине среди многочисленных патрулирующих милиционеров практически нет ни одного эстонца (или хотя

бы понимающего эстонский язык), почему в морском порту документы проверяются русскими пограничниками и почему при входе в отель «Виру» стоит русский портье?

Иностранным туристам бросается также в глаза перенасыщенность Таллина военными и милиционерами, что поневоле создает впечатление оккупированного города. В центре города очень редки случаи, когда в поле зрения не было бы лиц, носящих мундир. Настроение эстонцев от этой «интернационализации» своего родного города поистине удручающее. Если в центре города можно общаться и вести дела на родном языке, то в новых жилых районах города, таких как Мустамяэ, Ысмьяэ, Ласнамяэ, Пельгуран — это чаще всего невозможно.

Тысячи эстонцев изо дня в день получают множество психотравм, когда в магазине или в учреждении бытового обслуживания встречаются с тем, что русский персонал совершенно не понимает эстонского языка или не хочет его понимать, насильно навязывая русскоязычное общение.

В таких случаях эстонцы все снова и снова испуганно спрашивают себя: где же я все-таки нахожусь? разве это мой родной город? и разве это моя Родина?

Если кто-то из эстонцев пытается жаловаться, что на почте, в железнодорожной кассе, в отделении милиции или в других учреждениях его заставляют говорить на русском языке, то, в лучшем случае, его высмеивают, а в худшем, приклеивают ярлык «буржуазного националиста». Наоборот, требование говорить на эстонском языке или хотя бы понимать его, считается значительным числом русских чистой провокацией. Типичные комментарии русских в отношении эстонцев таковы: «он хорошо понимает, но не хочет говорить на русском языке», «он ненавидит нас, освободивших его и проливавших за него кровь, принесших ему культуру».

Нередки случаи, когда в учреждениях, по требованию хотя бы двух-трех русских работников, совещания или собрания, как правило, проводятся на русском языке. Стало обычным, что в торговой сети Эстонии используются русскоязычные накладные, в милиции — русскоязычные справки, на железной дороге, на пассажирских судах и в самолетах — русскоязычные проездные билеты. На русском

языке ведется вся внутренняя документация, почти на всех таллинских предприятиях, в конструкторских бюро, в проектных институтах и так далее. На русском же языке составляются нередко графики отпусков и списки экскурсантов. Тяжело сталкиваться с незнанием эстонского языка в больницах и поликлиниках, где многие врачи и медсестры на эстонском языке не говорят. Пожилой эстонец, который никогда не изучал русского языка, оказывается перед такими врачами в унижительном положении туземца, вынужденного рассказывать о своей болезни при помощи мимики и жестов.

Само собой очевидно, что острое политики русификации направлено на эстонскую молодежь. Это подтверждается не только тем обстоятельством, что изучение русского языка теперь уже начинается с детского сада.

По нашему мнению, официальное отношение к эстонскому языку выражается в том факте, что эстонский язык уже ряд лет не включен в программу выпускных экзаменов в восьмилетней эстонской школе. Зато в этой программе есть русский язык и обществоведение, которое обосновывает политическую необходимость русского языка.

Что касается преподавания эстонского языка в русскоязычных школах, то здесь даже нет и речи о каком-либо равенстве: оно начинается только лишь с пятого класса, если вообще начинается, и носит, чаще всего, формальный, поверхностный характер. Многие ученики русской национальности (дети военнослужащих, партийных работников, сотрудников КГБ и так далее) освобождаются от обучения эстонскому языку на основании соответствующей справки.

О состоянии преподавания эстонского языка в русскоязычных школах выразительно рассказано в статье А. Зайцевой в газете «Молодежь Эстонии» от 16 марта 1982 года.

В ней говорится о преподавании эстонского языка в русской средней школе, находящейся в Ыйсмяэ, в новом жилищном районе Таллина. В ней преподавательница эстонского языка, не эстонка по национальности, начала серьезно относиться к преподаванию своего предмета, что очень редко случается. Из-за этого возник страшный скандал, так как выяснилось, что ученики в течение двух предыдущих лет вообще не имели уроков эстонского языка. Даже учебники эстонского языка не были приобретены. Несмотря

на это, в табелях школьников красовались отличные оценки по «эстонскому языку».

Уроки эстонского языка ученики привыкли использовать для подготовки к следующим урокам. Результат всего этого один и тот же — неумение владеть эстонским языком, а также полное незнание эстонской литературы и культуры. На предложение назвать какого-либо эстонского писателя был дан ответ: «Виктор Кингиссеп» (руководитель эстонских большевиков, находившийся на службе у Ленина). Когда же учительница начала ставить оценки по эстонскому языку в соответствии с действительными знаниями учеников, то в классе разразилась настоящая буря.

«Зачем нам надо учить эстонский язык?» — недоуменно спрашивали многие русские подростки. В школу начали приходиться возмущенные мамы: «Зачем вы мучаете моего сына? Он пойдет учиться в Таллинский Политехнический институт. Там интеллигентные люди и он будет говорить с ними по-русски», — так поясняла одна мамаша. И в действительности — в противоположность повышенным требованиям к изучению русского языка в эстонских школах, даже за счет изучения других языков, «изучения эстонского языка с нас никто не требовал», — заявляют ученики русской школы. И добавляют: «Вся система преподавания эстонского языка дает основание считать этот предмет второстепенным».

Обычно жалуются, что учителей эстонского языка для русских школ не хватает и их нигде не готовят. В то же время известно, что, например, в Тартуском университете найдена возможность для создания большой кафедры методики преподавания русского языка.

Даже в упомянутой русской школе, где добросовестная учительница пытается поднять уровень преподавания эстонского языка, результаты и по сей день являются спорными. «По прошествии полутора лет мы все еще не слышим на уроках сносного эстонского языка. Поэтому рано говорить о результатах», — сказано в упомянутой статье. Но не слишком ли поздно о них говорить?

Положение с языком в эстонской высшей школе можно выяснить на основании сравнения с положением в середине 60-х годов. В то время в крупнейшей эстонской высшей школе

— в Таллинском Политехническом институте — были лишь некоторые русскоязычные специальности и учебные группы. Число русских студентов не превышало 10%. А в 1981 году из 1281 студента, окончившего ТПИ, 40% составляли русские (а на вечернем и заочном отделениях — даже 60%).

При этом половина русских студентов проживает не в Эстонии, но прибыла из других союзных республик. Бросается в глаза тенденция создавать русскоязычные группы как раз по самым популярным специальностям, как например, электроника, электронно-вычислительная техника, радиотехника и так далее.

Это породило парадоксальную ситуацию, когда эстонские студенты, учась в эстонской высшей школе, вынуждены изучать свою любимую специальность на русском языке. Так например, в 1981 году преобладающее большинство выпускников по русскоязычной специальности «промышленная электроника» составляли эстонцы.

Позицию русского языка в эстонской школе помогает укрепить и то обстоятельство, что военное обучение, занимающее важное положение как в средней, так и в высшей школе, ведется только на русском языке и проводится русскими офицерами, находящимися либо на действительной службе, либо в отставке. Все сказанное относится частично и к занятиям по так называемой «гражданской обороне».

Размышляя о национальных отношениях в Эстонии, уместно задать следующий вопрос: «Можно ли надеяться, что отношения между обеими большими национальными группами, проживающими на территории Эстонии, в будущем улучшатся, что возникнет интерес и уважение к языку и культуре друг друга, результатом которого было бы действительно равноправное и плодотворное сосуществование, которое исключило бы угрозу ассимиляции коренного населения?»

В нынешней ситуации ответом может служить следующий пример. Этот пример за десятки лет многократно находил подтверждение в жизни тысяч эстонцев, оставаясь практически неизвестным иностранным туристам. Всегда, когда проживающий в Эстонии русский по какой-либо причине гневается на эстонца в общественном месте, его гнев

проявляется с удивительной стереотипностью: «Вы, эстонцы (обязательно сразу обобщение), — все фашисты (иногда, также и «националисты»), вас еще надо проучить, вас надо отсюда выслать, вас надо перебить» — и т. д. Гипербола ли это? Нет, ни в коем случае! Взрыв гнева обычно выносит на поверхность то, что скрывается в подсознании человека.

О том, что младшее поколение русских эмигрантов недалеко ушло от своих родителей, говорят лозунги, намалеванные русскими подростками осенью 1980 года на стенах, непосредственно после демонстрации эстонской школьной молодежи: «Фашисты вон из Эстонии!».

Итак, эстонская молодежь, которой не нравится хозяйничание русских на их земле, должна сама покинуть свою Родину!? Трудно найти более яркий пример чудовищной деформации человеческого мышления. Упомянутые выражения ясно показывают, что идея массовых депортаций 40-х годов глубоко укоренилась в сознании среднего русского иммигранта. Итак, — прямолинейное «окончательное решение» для упрямых чухонцев, преданных своему языку и культуре, с непонятным упорством отказывающихся говорить и писать по-русски, «как все нормальные люди».

Было интересно наблюдать, как во время упомянутой демонстрации эстонской молодежи, в 1980 году, между старшим и младшим поколениями русских возникла солидарность, даже сотрудничество и взаимная порука. Днем 13-16-летних школьников избивали ударные отряды, укомплектованные русскими милиционерами, а вечером эту же «деятельность» в «общественном порядке» продолжали русские подростки, солидно вооруженные холодным оружием.

Были случаи, когда высшие партийные функционеры оправдывали такого рода «деятельность» русских подростков. Так например, выступая в одном таллинском учреждении в то время, известная партийная деятельница Зоя Шишкина заявила следующее: «В наших русских школах подростки изготавливают сейчас кастеты и ножи. И это естественно — мы должны себя защищать!» (подчеркнуто авторами). Шишкина продолжала: «Откуда знает эстонская молодежь цвета эстонского флага? Откуда знает, что Эстонская республика вообще существовала? В наших руках (то есть в руках

педагогов) молодежь находится 6-7 часов в сутки, а остальное время она находится дома. В школе их учат одному, а дома другому!»

То «другое» удивительным образом оседает в сознании эстонского юноши еще раньше, чем он начинает ходить в школу и драться с русскими мальчишками. Несмотря на большие усилия Министерства Просвещения, совместное обучение русских и эстонцев в свое время безнадежно провалилось. Нахождение подростков из разных национальных групп под одной крышей оказалась практически невозможным.

В заключение предоставим слово пятилетней Эве, которая играет в «волшебный магазин».

Что такое «волшебный магазин»?

Эва снимает телефонную трубку и звонит знакомой тете, подражая взрослым:

«Здесь продавщица Эва, к нам прибыл импортный товар. Приходите побыстрее, я все положила под прилавок, иначе придут русские... мы русским ничего не продаем, а только эстонцам!»

«Почему же ты ничего не продаешь русским?» — спрашивает тетя.

«Потому, что если кто-то из русских станет в очередь, то к нему подойдет еще семь человек, и они все раскупят! А потом они побегут на почту, запакуют товар в ящики и вышлют из Эстонии».

В «волшебном магазине» Эвы нет русских, все свои, и все можно свободно достать.

А как насчет «волшебного государства»?

Возвращаясь снова к полемике в «Хельсинкин Саномат», нельзя не отметить, что здешние власти очень чувствительны ко всякому деловому критическому выступлению *из-за границы* по поводу положения в Эстонии. Об этом говорит и та скорость, и тот уровень, на котором была организована «отповедь» статье Сеппо Хейкинхеймо, а также известность и общественный вес большинства подписавших ее.

Для сравнения стоит вспомнить письмо сорока эстонских деятелей культуры, обращенное к эстонскому и всесоюзному читателю. Оно распространилось исключительно широко среди всего населения, но не вызвало никакой публичной

реакции со стороны высших властей (но тем активнее производились допросы, обыски и увольнения).

Своей публичной реакцией официальные власти Советской Эстонии хотят убить нескольких зайцев сразу: наряду с постепенной неверной ориентацией эстонского и финского читателей, «воспитываются» также и известные эстонцы, так или иначе нуждающиеся в поддержке и доброжелательности руководящих кругов. Ведь каждая подпись вымогается при помощи невысказанной угрозы, а собственная трусость унижительны для каждого человека, обладающего чувством собственного достоинства, тем более для тонко чувствующего человека искусства. Все живущие в Эстонской ССР эстонцы поневоле работают, творят, мыслят не только для себя и своего народа, но в какой-то степени и для чужеземной, угнетающей власти. Изю дня в день нам приходится выбирать и решать, когда и в какой степени подчиниться, с чем согласиться, с кем сотрудничать и во имя чего и под чем, так сказать, поставить свою подпись. А хозяйничающая власть не устает дергать за цепь и требовать новых жертв.

Иногда кажется, что проблема выбора в отношении Великого Друга и Жертв, ему приносимых, становится все острее и перед каждым финским интеллигентом. Только в Вашем случае еще есть время принять определяющее решение о дальнейшей судьбе народа.

Поэтому мы очень благодарны Сеппо Хейкинхеймо и не можем не выразить надежды, что его статья, посвященная упомянутым темам, не будет последней.

(Перевод с эстонского С. Солдатова)

УКРАДЕННАЯ РОДИНА

Поезд подошел к Бобруйску ранним августовским утром. Среди суетящейся толпы пассажиров этот, бородатый, выделялся внешней неторопливостью. Сошел одним из последних, сдал чемодан в камеру хранения, а с оставшимся в руках портфелем снова вышел на перрон, как бы не в силах сразу расстаться с прошлым. На вид ему было около сорока. Редкая, но заметная седина проскальзывала в бороде и на висках. Под внешним спокойствием и медлительностью внимательный наблюдатель мог бы заметить какую-то внутреннюю напряженность. Это выдавали и глаза: тревожные и как бы что-то ищущие. Осмотревшись, приезжий медленно направился в сторону от вокзала.

Глядя со стороны, можно было подумать, что человек приехал в чужой, незнакомый город.

А правда, когда это было? И было ли?..

Мне шел семнадцатый год, когда в такой же августовский день, на этой же бобруйской платформе, нас, выпускников ремесленного училища, торопливо грузили в поезд. По распределению мы ехали возводить одну из строек коммунизма в далекой Сибири. Стройку эту мы возводили в г. Ангарске, работая в одной зоне с заключенными, от которых отличались разве что своей молодостью.

Но сейчас я думаю о другом. Где-то здесь на улице Минской, рядом со школой имени Белинского, должен быть

* Кукобака Михаил Игнатьевич (1939 г. рожд.) — белорусский правозащитник, рабочий. Более 11 лет провел в тюрьмах, лагерях и в спецпсихбольницах. В 1981 году был арестован прямо в лагере и по обвинению в распространении «заведомо ложных измышлений», сфабрикованному КГБ, был осужден еще на три года лагерей строгого режима. (Подробнее см. «Форум» N 2).

деревянный двухэтажный дом с большим двором, огороженным глухим забором. Вдоль забора — ряды деревьев. Где-то среди них — березка, посаженная моей рукой. Как говорила нам воспитательница, — чтобы оставить память на земле, чтобы было о чем вспомнить, когда вернемся сюда взрослыми... Вот и нужная мне улица. Но как они непохожи! — эта и та, которую помнил с детства. Словно два разных человека с одинаковой фамилией.

Бывшая моя школа на месте, а рядом — кирпичное здание с вывеской «школа-интернат». И никаких деревьев. Память стерта бульдозером. Вдруг, позади интерната, замечаю знакомый темнокоричневый дом. Он-то и нужен мне. Подхожу ближе. Стекла выбиты, окна заколочены досками. Рядом — длинное одноэтажное строение в таком же состоянии. Раньше это были т. н. рабочие классы. Здесь мы готовили домашние задания. Сюда же, спасаясь от недремлющего ока воспитателей, забирались, пролезая через форточку, в свободное время для игр и обсуждения своих маленьких детских тайн.

Сколько раз в мрачной одиночке Владимирского центра-ла воскрешал я картины своей юности. Вот я сижу у окна в этом рабочем классе, то и дело украдкой поглядывая назад. Уж больно любопытная книжка у Сережки — «Янки при дворе короля Артура». — «Дай глянуть!» — шепчу я. — «Кукобака, не вертись, сиди спокойно!» — обрывает строгий голос воспитательницы.

Сколько еще разных окриков предстоит услышать в жизни. «Не шевелись! Смир-р-но!» Или годами позже: «Руки назад! Не оглядываться!» И лязг автоматов, и рычание конвойных овчарок...

...А в пещерном сумраке одиночки неспешно прокручиваются кадры далекого прошлого... После окрика воспитательницы я на секунду замираю. Но арифметика не идет на ум. За окном ноябрь. Огромные, мягкие снежинки тихо устилают землю, тронутую первым морозцем. Хочется на волю. На душе какое-то необъяснимое бунтарское настроение.

Шибка в окне уже проема, и я сдвигаю ее, увеличивая струю прохладного, щекочущего воздуха. Впереди меня сидит симпатичная девочка Рая Бойко, ей это неприятно. —

«Мишка, не жадничай, давай по-честному!» — и она передвигает стекло на середину проема, раздвигая струйку свежего воздуха. Девочка мне нравится, но я упрямо передвигаю стекло по-своему.

Она злится. Повторный окрик воспитательницы прекращает нашу возню. Теперь, в этой душной, мрачной камере, мне жаль давнего упрямства, и я охотно бы уступил той девочке, перенесясь через годы назад...

— Извините, вы по поводу этого дома?

Я вздрагиваю и ошарашенно смотрю на человека средних лет, по виду похожего на мастера-строителя. Не в силах сразу вернуться к действительности, растерянно бормочу: «Нет, нет, я посторонний».

Он с недоумением оглядел меня, скользнув взглядом по мятому, изрядно поношенному костюму и запыленной, давно не чищенной обуви. Его лицо, только что выражавшее доброжелательность, стало раздраженным, даже злым. Но нечего не сказав больше, он повернулся и затрусил рысцой, деловито покрикивая что-то начальственное стоявшим у грузовика рабочим.

Некоторое время раздумываю, чем я мог привлечь его внимание. Ах да! Мой портфель, да борода под канадского шкипера прошлого века и берет. Видимо, этот, не совсем обычный для провинции внешний вид и создал иллюзию начальства. А преклонение перед начальством на Руси — общеизвестно. Это национальная черта. Если вы в шляпе, в очках, да еще с портфелем — сто процентов гарантии, что в любом учреждении к вам отнесутся предупредительнее и в любом магазине обслужат приличнее, чем гражданина без перечисленных атрибутов. Такова уж психология советского человека!

Я подхожу к дому и осторожно, раздвинув доски на заколоченной двери, пролажу внутрь. Поднимаюсь по лестнице. Мимо с испуганным визгом проносятся две собаки и выскакивают наружу. Кругом запустение и кучи мусора. Полы сорваны, а все, что можно разломать, — разломано. Поднимаю с пола пару школьных тетрадей. Даты на них двух-трехлетней давности. Тут же лежит маленький носовой платочек с нарисованным зайчиком. Уж не моей ли Раи? Помню, что здесь были наши спальни. Справа мальчишки,

слева девочки. А внизу, под лестницей, стоял большой бачок — параша, общая для всех. Маленькая сцена — здесь наша самодеятельность ставила спектакли. В хоре разучивали бесчисленные песни о Сталине, «Москву-Пекин». Здесь же устанавливали новогоднюю елку. Средних размеров комната, тогда она казалась мне большим залом.

Я вылез наружу и, отряхнувшись, зашагал к центру. С каждой минутой росло чувство тревоги. Как будто чего-то не хватало в облике города, который я многие годы хранил в своей душе. Ощущение было сродни тому, как если бы из комнаты неожиданно и незамётно убрали какую-то дорогую для вас вещь. К примеру, любимую картину. Раньше этот предмет так долго находился на глазах, что вы просто перестали его замечать.

Но вот вы вошли и почувствовали легкое беспокойство. На первый взгляд все как будто на месте. Вы осматриваетесь вокруг, не замечая пустоты на стене. В первые секунды мозг как бы дорисовывает отсутствующий предмет с образа, запечатленного в памяти. Но беспокойство и тревога нарастают. И вдруг ваш блуждающий взгляд словно магнитом притягивается к зияющей пустоте.

Давно должны были показаться маковки многоглавого собора — главной достопримечательности города. Вот и кинотеатр «Товарищ»... Странно, ведь собор должен быть где-то здесь, со своей чугунной оградой и несколькими яблонями за ней. Передо мною просторный сквер. Я вхожу в него и вдруг, сквозь деревья, замечаю округлый выступ стены из потемневшего от времени кирпича. В волнении ускоряю шаг, поднимаю голову и... ничего не понимаю! Над остатком фундамента и частью задней стены бывшего собора возвышается несуразная коробка с серой потрескавшейся штукатуркой на фасаде. В изумлении осматриваю это странное сооружение. Вывеска гласит: «Спортивный комплекс. Построен в 1967 году в честь 50-летия Великой Октябрьской Социалистической Революции».

Вот как отметили юбилей захвата власти местные хозяева-коммунисты! Таким же варварством, как и полвека назад.

В детстве и юности наши воспитатели насмешками и долгими нудными лекциями вырабатывали в нас ненависть и

презрение ко всему религиозному. В пионерах и в комсомоле я тоже не избежал этой «промывки мозгов». Но были и другие, незапланированные уроки. Монотонность и скука полуказарменной жизни иногда так надоедали, что многие из нас убегали из детдома в «самоволоку». В эти редкие часы свободы мы жадно впитывали жизнь окружающего города, незнакомую и обычно недоступную для нас.

И тогда мы видели, как много людей было, особенно в праздники, у собора. Но без базарного шума и толкотни, все были ласковы и приветливы друг к другу, даже незнакомые. У входа с покорной терпеливостью стояли и сидели старики и старушки, больные и калеки. И мы видели, что люди, которые входили в этот необычный дом или выходили из него, всегда подавали страждущим. Кто монетку, а кто просто кусок хлеба. Ведь время было голодное. Эти люди, их называли верующими, были гораздо добрее тех, что равнодушно проходили по улице мимо протянутой руки безногого инвалида.

Верующие... Верящие в добро и справедливость люди.

И сразу как-то тускнело красноречие платных воспитателей перед наглядной правдой жизни.

И вот собора нет. Остались обломки: часть фундамента и стены, приспособленные для чужого тела и чужой цели. Душу храма умертвили. А ведь сколько поколений жителей города прошло мимо соборных стен! Всесокрушающий ураган последней войны пронесся, пощадив собор. Ребенком я с благоговением гладил замшелую грань старой кладки, и мне казалось, что я прикасаюсь к седой древности. А если в тихий солнечный день я смотрел на купол главной звонницы, плывущий в небесной синеве, то как будто слышал нежный, мелодичный звон.

Может и не был этот собор таким древним, чтобы привлекать толпы зарубежных туристов, но он был историей этого города, его памятью и душой. С тяжелым чувством я уходил от каменного трупа. Позже я узнал, что такая же участь постигла и католический костел, стоявший неподалеку от стадиона. На его фундаменте теперь воздвигнуто здание строительного треста.

Неожиданно я подумал о Париже. Нет, конечно же, я не был в этом городе. Но я знал Париж по книгам Гюго, Бальзака,

Дюма, по беглым заметкам советских журналистов. И я подумал, что если бы воскресить парижанина, умершего двести, даже четыреста лет назад, то он вошел бы в сегодняшний Париж, как в город своего детства. Он смог бы бродить по знакомым улочкам и площадям. Он узнал бы все древние соборы и дворцы. И сказал бы с полным основанием: «Да, это мой родной город. Его нельзя спутать с другим, ибо Париж неповторим».

Равнодушным взглядом я скользнул по взгромоздившемуся на бетонный постамент танку — памятнику какому-то генералу-танкисту, который, видимо, первым ворвался на этом танке в освобождаемый от немцев Бобруйск. Но память подсказывает и другое. Такие же генералы и на таких же танках врывались в страны Прибалтики, в Бессарабию и Польшу. А уже после войны давили людей на улицах Будапешта и Праги. Да что там Прага, а собственный Новочеркасск!

Позже я узнал, что для разрушения собора вызывали такой же танк из соседней части. Но не смог он осилить старины. Пришлось применить взрывчатку.

И вовсе неожиданная мысль пришла. На этом постаменте бессмысленно ржавеет 32 тонны, видимо, неплохой стали, а в Бобруйске да и во всем районе в магазинах — ни утюгов, ни ножниц никаких. Да, если бы все те средства, что идут на раздувание военного психоза, обратить на пользу людям! Многих можно было бы лучше одеть и накормить, а бездомные получили бы крышу над головой и не скитались бы по чужим углам да по казармам-общежитиям...

После раздумий у танка я забрел на кладбище. Оно заметно разрослось, стало теснее. Помню, здесь была небольшая деревянная церковь. На мой недоуменный вопрос какая-то пожилая женщина, поправлявшая могилку, рассказала, что церковь сгорела несколько лет назад при весьма странных обстоятельствах. Пожар начался ночью, неожиданно и сильно. Когда жители ближайших домов и верующие бросились тушить, то откуда-то появилось оцепление из милиции, и никого не подпустили к месту пожара.

Покинув кладбище, я уже не пытался искать что-то памятное в этом городе.

Спускаясь к железнодорожному переезду, что на улице

Бахарева, заметил предупредительную надпись у шлагбаума: «Берегись поезда!». И сразу вспомнилось: а ведь 25 лет назад здесь было написано: «Сцеражыся цягніка!» и только внизу — русский перевод.

Теперь белорусская фраза исчезла. К собственному удивлению меня это неприятно задело. Неожиданно я осознал себя белорусом. Ведь здесь, испокон века, жили мои деды и прадеды. Сама земля эта состоит из праха бесчисленных поколений моих сородичей. И я, их потомок, имею неоспоримое право не только на эту землю, но и на свой родной язык, на право быть белорусом.

Теперь, уже сознательно, я стал рассматривать надписи на вывесках магазинов, учреждений. Подавляющее большинство их — на русском языке. И лишь заметный белорусский акцент у прохожих напоминает, что ты находишься не в Костроме или Иваново. На базаре иногда можно услышать белорусскую речь. Эти, видно, из деревень приехали. Все же плановая ассимиляция полностью еще не завершена, хотя ее успехи очевидны.

Позднее я побывал в Минске. Там картина иная, русских вывесок мало. Но ведь Бобруйск не столица. Доступ иностранцам сюда закрыт, а потому можно беспрепятственно и неуклонно стирать «чужой земли язык и нравы».

Похожую систему плановой русификации я наблюдал и на Украине. Но, к чести украинцев, они гораздо упорнее отстаивают национальную самобытность от посягательств «старшего брата». Хотя силы слишком неравны. И они часто поминают недобрым словом своего «нерозумного сина» Богдана Хмельницкого, который свыше трехсот лет назад совершил роковой поступок, граничащий с национальным предательством.

...Через несколько дней я устроился на работу, прописался и поселился в общежитии. Однако вскоре власти разведали, что я т. н. инакомыслящий, «сую нос, куда не следует», даю читать Всеобщую декларацию прав человека и т. д. Начались преследования. Дважды меня сажали в сумасшедший дом. Выгоняли с работы. Среди зимы выселили

на улицу из общежития. Какой уже раз скамья на вокзале становилась моим прибежищем.

В моем паспорте записано: национальность — белорус, место рождения — г. Бобруйск. Здесь жили мои родители, отсюда они ушли на фронт и не вернулись. Здесь же я, как круглый сирота, воспитывался в детском доме. Но теперь в этом городе для меня не нашлось ни крова над головой, ни достойной работы. Власти предлагают мне уехать отсюда. Куда? — «Хоть в Хабаровск, мы охотно выпишем тебе туда билет» — говорил мне Марат Тимофеевич Кузнецов, главный врач областной психиатрической больницы. Но ведь в пределах колючей проволоки, опоясавшей страну на многие тысячи километров, законы (а вернее беззаконие) везде одинаковы. Будь то в Хабаровске, Владимире или Бобруйске. С каждым днем этот город становится для меня не только все более чужим, но и враждебным. Я излечиваюсь от ностальгии.

Недавно я подал в Президиум Верховного Совета заявление с просьбой освободить меня от советского подданства и разрешить покинуть страну. Мне, простому рабочему, отказали и в этом. В праве, не подлежащем сомнению в цивилизованных странах.

Почему?

Я пытаюсь осмыслить причину такого отказа.

В Советском Союзе право на определение и выбор Родины тоже является монополией государства. По своему усмотрению власти одних лишают Родины, других объявляют ее изменниками, третьим отказывают в праве на выезд из страны.

Фактически и тех, и других наказывают за попытку самостоятельно решить вопрос: что такое моя Родина?

В давнее время, когда колючую проволоку еще предстояло изобрести, людей, несогласных с волей правителя или вождя, охранял конвой с копьями. Иногда, для пущей надежности, их заковывали в кандалы.

Но если человек все-таки бежал или пытался это сделать, то никому не приходило в голову обвинять его в измене Родине.

Иное дело сейчас. Наше государство определяет человеку Родину Указом Президиума. От сих до сих. А чтобы Указ был авторитетнее, — огораживают эту родину колючей проволокой с сигнализацией и выставляют конвой в зеленых

фуражках, с автоматами и овчарками. Согласно таким указам Президиума молдаванин, к примеру, обязан считать далекие Курилы или Сахалин более родными местами, чем земли рядом, за Прутом. И не смей, человек, думать иначе, а то и в измене Родине недолго тебя обвинить!

Только чьей Родине?

Нет, живые люди — не оловянные солдатики, они осмеливаются думать иначе. И изменяют Указам, не считая, что изменяют Родине. Своей Родине.

Родина... Сколько толкований у этого слова. Для одних — это чистая география, место, где родился. Но ведь человек может родиться в неволе или во враждебной среде. Тогда приспособление во всем. К чужой культуре, обычаям, языку. Духовная и физическая ассимиляция.

Но есть и те, кто, мечтая об исторической Родине, приносят свою любовь и мечту через годы и поколения. Один мой знакомый, молодой еврей из Минска, как-то сказал: «Если бы в Израиле жизнь была даже хуже, чем здесь, я бы все равно уехал туда».

Но может быть и еще одно толкование Родины. Не каждый, возможно, его приемлет, но оно есть.

Бог создал людей свободными и равными. И это изначальное стремление в свободе присуще людям всех наций и убеждений.

Духовная свобода, родство душ, а не только общность земли и крови, — вот что объединяет этих людей, независимо от их национальности. Лишив свободы, их тем самым лишают и Родины.

Не только интеллектуалы типа Герцена или Плеханова уезжали на Запад. Тысячи полуграмотных крестьян: русские, украинцы, белорусы, поляки в поисках Родины заселяли необжитые земли в далекой Канаде и других странах.

Люди десятков разных национальностей и религиозных убеждений, свободно объединившись, создали себе новую Родину — Соединенные Штаты Америки. Тысячами устремляются туда и сейчас. Только из России немного. Колючая проволока и автоматы на вышках — неодолимая преграда.

Как и много лет назад, Россию покидают или хотят покинуть те, у кого украли Родину...

25 марта 1978 г.

СОЦИОЛОГИЯ, ЭКОНОМИКА

А. Кронидов

СКОЛЬКО ПРОСУЩЕСТВУЕТ СОВЕТСКИЙ СОЮЗ?

(Самиздат)

За последние несколько лет в общественном сознании произошли серьезные изменения оценки существующего в стране положения и перспектив развития страны. В сознании людей четко сформулировались мысли о том, что официальное мнение о положении в стране и о перспективах, ожидающих ее, лживо. Я говорю о том достаточно большом количестве людей во всех слоях общества, которое обладает способностью мыслить на уровне здравого смысла. Здравого смысла достаточно, чтобы видеть и в некоторой степени понимать главнейшие факты социальной и экономической действительности. Понимать же, к чему приведут основные (на нынешнем этапе) тенденции развития общества, намного трудней. Такие оценки, увы, чаще оказываются неверными. Но отказываться в принципе от таких футурологических попыток нельзя. Это свидетельствовало бы о предварительном отказе от смелости в мысли, об исходном недоверии к своим силам и возможностям. Процесс осознания действительности — это творческий процесс и, как всякий творческий процесс, требует достаточной уверенности в себе. Потребность думать и понимать — начальное условие сохранения разумности общества или хотя бы сохранения самой разумности в обществе.

Основными фактами, серьезность которых осознали очень многие люди, являются:

1). Неспособность существующего в нашей стране способа производства обеспечить количественный и качественный уровень питания (тот, который достаточно точно определяет современная медицина);

2). Жилищный кризис, конца которому не видно (в ближайшие десятилетия);

- 3). Увеличивающееся отставание в прогрессивных способах производства, технологиях: низкое качество большинства производимой продукции;
- 4). Алкоголизм, приобретающий характер пандемии;
- 5). Старение и обезлюдивание деревни, что грозит еще большим обострением продовольственного дефицита;
- 6). Унизительные для мыслящего существа ограничения свободы во всех областях жизни;
- 7). Фактическая полная бесконтрольность властей, особенно в верхних своих сферах, что вызывает настроение цинизма и фатализма в массах.

И не менее важным является растущее понимание того, что эти проблемы не являются временными трудностями — «трудностями роста», как говорят лет уже шестьдесят, а характерными, неотъемлемыми чертами «развитого социализма», во всяком случае, в том его виде, что сложился в нашей стране.

Растет также понимание того, что достоинства и преимущества развитого социализма, например, отсутствие безработицы, умение сконцентрировать силы и средства на реализацию какой-либо программы (военной, космической и т. п.) за счет сохранения низкого уровня жизни народа, в конечном счете, происходят от той же системы всеобщего жестокого формального контроля и регламентации, составляющих основное содержание «научного» управления экономикой, которое должно было излечить недуги системы частного предпринимательства. Лекарство уже давно приносит вреда больше, чем сама болезнь.

Я попытаюсь показать современное состояние, как оно мне представляется, основных сфер советского общества, показать чрезвычайную сложность проблем, стоящих перед страной; оценить, какие тенденции являются главнейшими; понять, какой путь развития нашего общества является наиболее вероятным, а может быть, и неизбежным.

Задача очень сложная, пугающая своей ответственностью и глобальностью. Но человек, серьезно и трезво относящийся к миру и своим суждениям, имеет моральное право, прежде всего перед собой, ставить такую задачу и искать ее решение в меру своей смелости, компетентности и способности угадать будущее.

РАЗВИТОЙ И РЕАЛЬНЫЙ

Причиной перечисленных выше проблем является окончательно проявившаяся неспособность социалистической экономики к интенсивному развитию, соответствующему современному уровню цивилизации, которую социализм собирался возглавлять. Экстенсивное же развитие потребовало гигантских вложений средств, сырья, площадей, людских ресурсов и т. д. И оказалось, что природных ресурсов, необходимых такой экономике, не хватает даже у страны, феноменально щедро одаренной природой. Природные ресурсы истощаются, понижается их качество. Обостряется дефицит рабочей силы, что ведет к дезорганизации производства. Но сам по себе этот дефицит является порождением, во-первых, формализованного, бюрократического стиля управления производством. В советской прессе было опубликовано немало фактического материала, из которого видно, что такой дефицит удобен по множеству (!) причин для начальства различных рангов. А во-вторых, дефицит рабочей силы есть следствие неудачи с механизацией и автоматизацией производства, из-за чего доля ручного труда в производстве составляет чуть ли не половину. Чем выше сложность и качество труда, необходимые для производства, тем безотрадней картина. Периодически объявляются новые чудодейственные программы, призванные вывести экономику страны на новые замечательные рубежи. После «экономической реформы» несколько лет рисовали воздушные замки с автоматизированной системой управления экономикой всей страны в целом и на всех уровнях. Затем, когда выяснилось, что машины не могут оперировать с фальшивыми данными, а только затрудняют такие «диалектические» операции, идея всесоюзного АСУ растаяла в новых поветриях: гигантских агропромышленных комплексах (где, как оказалось, вымирал скот), мелиорации земель (которые, как оказалось, некому обрабатывать), освоении Нечерноземья, организации производственных объединений и т. д. и т. п. После без вести пропавших эффективности и качества панацею видят во всеобщей роботизации производства и вбухают, конечно, в это дело миллиарды. Но в условиях плохой организации труда,

некондиционности сырья, нехватки запчастей эта роботизация выльется в очередной дорогостоящий «пшик».

Необходимость глубоких экономических перемен стала ясной в начале 60-х годов, и тогда был провозглашен курс на реформу. Затем власти осознали, сколь это будет хлопотно для них, и идею потихоньку утопили. А к концу 70-х годов вполне проявилось, во что обошлась такая страусиная политика. В советской печати, в статьях, рассчитанных на «подготовленного» читателя, можно найти цифры и факты, говорящие о прогрессирующем параличе советской экономики. Вот некоторые из них. За последние двадцать пять лет в три раза уменьшилась фондоотдача. При бурном росте капитального строительства (т. е. строятся новые заводы, цеха и т. д.) машинный парк страны настолько стар, что 40% станков страны (!) заняты на ремонтных работах. (Да и вообще, мы-то знаем, что ремонт любой машины начинается сразу после ее монтажа). Промышленности невыгодно выпускать новые, более совершенные машины — таков результирующий итог объективных и субъективных факторов, управляющих жизнью. Ухудшается снабжение страны необходимыми товарами. Простецкие предметы ширпотреба переходят в благородный дворянский род де Фицитов.

В настоящее время на территориях, превышающих иные континенты, идет процесс обезлюдивания деревни. Многие тысячи деревень потеряли способность к самостоятельной хозяйственной жизни или полностью заброшены. В ближайшие 10-15 лет в пустеющей и спивающейся деревне произойдет резкий спад производства. Попытки «решить» проблему животноводства раздачей животных по дворам показывает, что руководство потеряло надежду на возможность развития высокоэффективного сельского производства. Спасения, возможности выжить ищут на пути к натуральному хозяйству. Объявление новых пустопорожних программ, таких как продовольственная, ничего существенно не изменит, как ничего не изменила столь же громко разрекламированная и дорогостоящая программа освоения, точнее, спасения Нечерноземья. Одновременно происходит количественное уменьшение и качественное ухудшение людских ресурсов. И здесь «понижение качества» выглядит особенно угрожающе для экономического и социального

здоровья страны. Что же это за феномен и в чем его причины?

Главнейший показатель качества людских ресурсов — уровень трудовой морали, самого важного общественного проявления морали народа. На протяжении десятилетий в общественном сознании нашей страны мораль представлялась какой-то жалкой, чудаковатой особой, чем-то вроде старой девы. Пусть дескать, живет, помалкивает, блюдет свою невинность, а будет нужно — мы ей объясним, что ей надо сделать, скажем, кого нужно принять и как себя вести при этом. Ленин в общем виде эту задачу решил еще в 1918 г.: «Для коммуниста нравственность вся в этой солидарной дисциплине и сознательной массовой борьбе против эксплуататоров». Такая формулировка позволила чувствовать себя хорошими, честными людьми всем, кто выполнял свой долг — в каждый исторический момент в газете можно было прочитать, в чем этот долг состоял — создавать ли индустрию, разоблачать ли врагов народа и т. д. Тех, кто этот долг не выполнял, не боролся за победу пролетариата (или даже боролись против нее), классовая мораль объявляла врагами всех советских людей и требовала беспощадной борьбы с такими. И хотя такая мораль была построена вроде бы непротиворечиво — во всяком случае все нравственные нормы подчинялись основной аксиоме — она, по-видимому, противоречила сложившейся в течение веков морали, которая отложилась в людском обществе и отпечаталась в миропонимании людей на всевозможных уровнях и в разнообразнейших формах и видах: религии, обычаях, семейных отношениях, сказках, литературе и т. д.

Поскольку большевики не считали этот прошлый багаж принципиально враждебным своим взглядам и целям, считали, что перевоспитание и привычка может изменить *сколь угодно* человеческое общество, они не повели глобального наступления на это наследие. Они многое оставили, прежде всего искусство и литературу — и в этом был их просчет. Они во многом еще были дети 19-го века — века цивилизации и общепризнанных моральных ценностей, основанных на христианстве. Нынешние революционеры, проведшие почти до конца свой эксперимент в Камбодже, понимали, что новые, «совершенные» письменна нужно писать на пустом месте, что прежние души людей должны быть

размолоты в пыль. Удалось ли бы красным кхмерам создать «нового человека»? — думаю, что, лишённые души, камбоджийцы вымерли бы чуть раньше достижения этой светлой цели. Так вымерли инки в Перу, да сколько еще народов, лишённых своего существования.

А в России была сделана попытка привить на прежний ствол некие волшебные, как казалось, ростки, чтобы получить новое растение, объединяющее достоинства чуть ли не всего произрастающего в мире: чтобы было жароморозоустойчиво, цвело вишней, плодилось виноградом и яблоками, а по необходимости и картошкой. И вот стали отмирать эти чужеродные ростки, врезанные в ствол живого организма, и ствол заражен их гниением.

В течение последних двух десятилетий, когда исчез жесткий контроль за деятельностью людей, подкрепляемый жестокими репрессиями, выяснилось, что в массе своей советский человек не имеет внутреннего каркаса, он держится и сдерживается только внешними, организационными, т. е. вторичными, ненатуральными связями. Первичные, т. е. экономические, связи имеют вид не прямой, часто необязательный, что отражает неэкономический характер управления экономикой в стране. Человек привык ощущать себя понукаемым, понуждаемым к работе и без этого не может трудиться эффективно.

Особенно разительно это выглядит в сельском хозяйстве. Пребывание в течение 30-50 лет в полукрепостном состоянии (без свободы передвижения, без паспортов, т. е. удостоверения о гражданстве, не говоря уж о гражданских правах) привело к массовому, хотя и не всегда четко осознанному стремлению бежать из деревни.

Раб не может хорошо работать, ибо «раб ленив и лукав». Если его не погонять, он ничего делать не будет. И вот в деревне сейчас наблюдается реакция на десятилетия рабства — кто бежит, кто пьет. И немалые деньги, которые можно заработать сейчас в деревне, не стимулируют к активному труду, а больше разлагают. Люди чувствуют, что сейчас деньги «дают», что они не связаны прямо с производительной работой; это как бы негативное изображение прошлого, когда работа была, а вознаграждения не было. И хотя сейчас колхозные старики с каким-то пугливым умилением вспоми-

нают те тяжкие годы, результатом этих умилений обычно бывает желание избавить от этого своих детей и внуков. Живет, наверное, неосознанное опасение, что все это может вернуться.

Но основная проблема, все-таки, не в утечке рабочей силы из деревни (она только недавно стала критической во многих больших регионах), а в плохой работе всего механизма — от посева до хранения. Результатом является очень низкая эффективность производства при уже накопленном огромном потенциале. По минеральным удобрениям на гектар догнали Англию и Америку, а урожаи вдвое — втрое ниже, тракторов выпускаем в два раза, комбайнов в 3,6 раза больше Америки, а не успеваем ни посеять, ни собрать в сроки. И погода всегда не та — то слишком сухая, то слишком мокрая. Три процента возделываемых земель, приходящиеся на приусадебные участки дают 30% сельхозпродукции страны. То есть, личное хозяйство, не имеющее никакой техники, минеральных удобрений и т. д. имеет производительность в 10 раз большую, чем колхозно-совхозное, получающее все: технику, удобрения, субсидии, стройматериалы, и даровую рабочую силу на уборку. Общая эффективность колхозно-совхозного производства получается меньше приусадебного чуть ли не в десятки раз. На лекциях «для служебного пользования» сообщают, что в сельское хозяйство надо вложить один триллион рублей, чтобы его поднять. Но из денег пшеница не вырастет, даже если такие деньги и можно было бы откуда-то взять.

И сельскохозяйственная проблема приобрела такую остроту именно тогда, когда плохая, неразумная организация осложнилась распадом морали. Еще один отличительный признак такого распада связан с желанием приобщиться к благам и соблазнам цивилизации города, презрев «монотонность» деревенского существования. Именно этот процесс является одним из важнейших в разложении сельского хозяйства многих развивающихся стран. Причем, чем более отсталой была страна, тем ярче это проявляется. В странах с развитой трудовой моралью, где была сформированная народная культура, например, в азиатских странах, этот процесс не имеет такого лавинного, разрушающего характера. А в Африке землю становится некому обрабатывать, не

говоря уж об интенсивном ее использовании, без которого бурно растущим городам трудно будет прокормиться. Такая диспропорция между ростом городского и сельского населения становится уже сейчас, и особенно станет в будущем, первопричиной обострения социальной и политической жизни. А когда эти обострения принимают форму революций и войн, наступает пора массового голода.

И что же? Россия, чуть не тысячу лет без всякой науки и техники кормившая себя и Европу, оказалась на той же дороге, куда злые ветры истории и «прогресса» погнали первобытные народы. Что еще более унижительного для такой страны, как Россия, можно себе представить?

ВОЗМОЖНОСТИ И ТРАДИЦИИ

К концу 70-х годов стало понятно, что руководство Советского Союза потеряло смелость и уверенность, необходимые для принятия кардинальных решений, которых требует положение в стране. На ближайшие 10 — 15 лет нет обоснованных надежд на какие-либо серьезные изменения в экономической и общественно-политической жизни страны, хотя необходимость таких изменений всеми признается и даже говорится, что они якобы происходят. Каждый текущий момент кажется и будет казаться властям неблагоприятным для принятия далеко ведущих решений, и вместе с тем обстановка будет казаться не столь драматичной, чтобы отчаиваться и принимать рискованные решения. Но каждый последующий момент будет еще более неблагоприятным. Неблагоприятные факторы социально-экономической жизни будут увеличиваться, может быть даже лавинообразно, если негативные обстоятельства, в том числе и случайные (такие как погода, эксцессы на международной арене и т. п.) будут накладываться одни на другие. В этом случае сроки кризиса могут значительно приблизиться.

Помешать процессу распада экономики (это первый этап политического коллапса) при отсутствии реальных реформ общественность нашей страны не сможет, поскольку не имеет ни трибуны для откровенных обсуждений, ни опыта самостоятельной деятельности. Опыт диссидентского движения

позволяет только сохранить дух свободной мысли. А для решения общегосударственных проблем требуется совсем другой стиль, метод и масштаб мышления — на конкретном, но высоком и профессиональном уровне экономики и социологии. Советские профессора и академики (вернее самые добросовестные из них) свое откровенное мнение о проблемах страны могут высказать только в секретных докладах наверх. Но на одного такого смелого найдется 3-5 таких, что дадут бодрые доклады с вполне четкими проектами замечательных реформ об изменении трестов в главки или наоборот, об укрупнении министерств или их раздроблении, создании еще какой-нибудь системы управления и прочих методов пересаживания крыловских оркестрантов. И приятный слуху шумный поток перспектив по «дальнейшему улучшению и усилению» в очередной раз заглушит неприятные голоса.

Поражает наивность, мягко говоря, с которой каждый раз объявлялись и проповедывались великие хозяйственные перестройки. То сажали кок-сагыз и хлопок всюду, то кукурузу до самого Полярного круга, то строили агропромышленные комплексы, не обеспеченные кормами, а вот теперь сияет со всех заборов перл государственной мысли: «Экономика должна быть экономной» — образец неопределенности, бессодержательности и профессиональной несостоятельности. Когда просматриваешь всю бесконечную череду этих великих починов и кампаний чувствуешь оторопь и недоумение — в здравом ли уме были руководители великой страны, которые с воодушевлением и с железной волей пускали эти мыльные пузыри. Откуда же при таких нравах и традициях взяться деловитости и ответственности в экономике?

К тому моменту, когда станет очевидной невозможность сохранения статуса-кво экономической, а значит и общественной жизни, исчезнет *возможность* разумных, плодотворных, *экономических*, в основе своей, перемен. Паралич промышленности, сельского хозяйства и трудовой морали приведут к тому, что ввести какую-то экономическую реформу будет невозможно.

Бессмысленно освобождать от гипса и шин человека, у которого сгнили мышцы и скелет. От распада его можно

предохранить только заключением *всего тела* в жесткий корсет. И это станет очевидным тогда и властям и «трезво мыслящей» интеллигенции и всему советскому народу, который от беспорядка, нехватки всего, усилившейся преступности будет готов на что угодно и в первую очередь на то, что ему представляется ясным, от чего он еще не совсем отвык и к чему имеет как бы историческую предрасположенность. Это — установление режима жесткой, абсолютной и всепроникающей власти.

Не найдется таких влиятельных общественно-политических сил, которые решатся в обстановке хаоса на освобождение массовой разумной инициативы, и, во всяком случае, они не смогут добиться победы своей линии. Ибо эта линия рассчитана на разумность и ответственность. В моменты исторических катаклизмов такой подход, либеральный по форме и существу, выглядит неубедительно. Обращают внимание не на силу доводов, а на силу голоса, заманчивость, близость, понятность провозглашаемых лозунгов. В такие периоды голос рассудка слишком слаб по сравнению с голосом инстинктов.

Итак, в исторической перспективе мы имеем ситуацию крайнего обострения экономических и политических проблем. Как же их решить? Выход может быть найден в совсем другой плоскости. Проблемы не обязательно решать. Их можно *отменить*. Вместо того, чтобы лечить плохо функционирующий орган, его можно заменить протезом. Такой подход — не новинка в истории.

И руководители нашей страны имеют опыт проведения таких операций над страной, сложность и болезненность которых не останавливала их, даже когда обстановка не была столь острой. Например, в 30-е годы была проведена сложная и глубокая организационная, социальная и политическая перестройка — коллективизация, потребовавшая жертв больше, чем первая мировая война. И она была бы проведена, даже если бы жертв было в несколько раз больше. А в 1940 году в Советском Союзе был введен новый порядок, порядок военной дисциплины во всех сферах жизни. Так что опыт радикальнейших перемен есть, и есть привычка жить в условиях жесткого режима. А то, что известно, не кажется таким уж страшным.

(Есть еще одно мнение о пути выхода из экономического и социального коллапса. Потрясающе, но это довольно распространенное мнение. Вкратце оно звучит так: «Когда станет совсем нечего жрать, начнем большую войну. Она все спишет. Если победим мы, то останется один и единственный мир, разумеется, лучший. Некуда будет тыкать пальцем: „Вон, дескать, как там, не то что у нас“. И убежать будет некуда». И спокойно это все говорят, как будто обсуждают физическую модель: коллапс с большим взрывом где-то на краю метagalактики. Цинизм и фатализм вытравили нормальные общественные реакции и эмоции у многих людей. В сознании, или подсознании, засела мысль, что важные проблемы решаются через войну).

Хотелось бы немного объяснить по поводу упомянутой выше «исторической предрасположенности». Я не считаю, что российский народ по природе своей имеет какую-то роковую тягу к жестким и жестоким режимам — ему просто известен и привычен такой образ жизни и, в силу привычки, он кажется вполне нормальным. А у правящих и формирующих идеологию и культуру слоев есть такая традиция мышления: спасением во всех исторических коллизиях и неурядицах является дальнейшее усиление и расширение централизованной власти. Такая традиция, по моему представлению, сложилась после Смутного времени. В такой традиции мышления забывают, правда, как-то о том, что само Смутное время явилось результатом политического и морального кризиса, вызванного дискредитацией власти Московских царей, которая во время Ивана Грозного достигла абсолютности. Сопутствующая этому моральная деградация общества тоже была близка к абсолюту. Об этом нельзя забывать. Каждый раз после правления такого владыки наступал политический и моральный кризис.

После Октябрьской революции идея о всемерном усилении власти и контроля была подробнее разработана с помощью «глубоко научной теории — марксизма-ленинизма» и «единственно научной социологии — исторического материализма» и в практике доведена до уровня абсолюта. Победа во второй мировой войне и ее результаты стали всесокрушающим «доказательством» правильности этой идеи. Разумеется, всегда и во всем.

Относительно примеров решения кардинальных государственных проблем иными методами, имевшихся в исторической практике Российского государства (например, отмена крепостного права или введение конституции в 1905 году) в советской истории сформировано мнение, что это не государственное деяние, а уступки внешним обстоятельствам, которые приходится делать ослабевшей власти. Это как бы методы для слабых, они унижают настоящую власть. Имевшийся значительный опыт либерализма и реформаторства в России 1860-1913 гг. в национальном сознании представлен в карикатурном виде и последовательно дискредитирован.

Итак, становится ясен дух и направление перемен, предстоящих советскому обществу. Каковы же методы осуществления их и конкретный путь, по которому придется идти стране?

Сначала замечу, что на этом магистральном пути вполне возможно временное отклонение. Возможно после смены верхушки руководства в начале — середине 80-х годов (долго ли медицина будет творить еще чудеса) к власти придут люди, попытающиеся провести некоторые либеральные реформы — в пределах сохранения полного контроля над ситуацией. Повторяемость такого явления при смене руководства в соцстранах просто удивительна для такой изменчивой и многообразной штуки, как история. Никто не чужд благих порывов, в том числе и партаппарат. Но отсутствие быстрых волшебных плодов этих начинаний и неблагодарность народа, начинающего тут же пошумливать и неуважать, заставляет власть вернуться к прежней жизни. А что же делать, ежели расцветают не сто цветов, а гораздо больше, а многие к тому же не нашей расцветки? Но, может быть, нынешнее руководство уже настолько опытно (почти все они постарше самой советской власти и насмотрелись благих порывов как у себя, так и в других странах), что не станут заниматься такими глупостями. Все усилия — на расширение и усиления контроля во всех областях жизни. Компьютеризация позволяет довести контроль по формальным признакам до огромных размеров и до определенной степени сдерживать и маскировать разбаланс хозяйства.

Но в некоторый момент, который наступит лет через пятнадцать, станет невозможным тратить силы на ремонт тришкина кафтана и создание видимости, что он хорошо сидит. Поэтому, минуя процесс признания и осознания существующей реальности, что может вызвать полную компрометацию власти, ее идейный и моральный паралич, будет создана новая реальность. И одновременно с этим должна быть создана адекватная этой реальности массовая психология. Создать ее можно только путем всеобщего морального шока. Вопрос заключается только в том, в какой форме будет осуществлен этот процесс создания новой реальности и перестройки психологии. Традиционным и сильно действующим средством является военный переворот, т. е. взятие на себя армией основных функций правления страной. По сравнению с другими формами радикальных политических преобразований, он обладает рядом преимуществ. Во-первых, к власти приходит реальная сила, опирающаяся на саму себя. Во-вторых, эта сила имеет почти идеальную управляемость. В третьих, армия (во всяком случае у нас) народом воспринимается как сила, охраняющая и даже спасающая *страну*. При этом, на первом этапе будет, конечно же, декларирована независимость и даже некоторое противопоставление новой власти скомпрометировавшему себя аппарату прежней власти. И, в четвертых, только военный переворот может произвести надлежащее потрясение в умах (при сохранении неподвижности этих же умов), убедить всех, что прежняя эпоха закончилась, создать впечатление необратимости. Военную дисциплину естественно вводить при помощи военного переворота.

Цели потрясения душ и умов послужат проводимые репрессии — для всякого типа уголовных элементов, взяточников, казнокрадов, а также политических противников новой власти. Причем в количественном отношении такие репрессии могут быть невелики — важно, чтобы средства массовой информации это подали надлежащим образом, чтобы народ затрепетал. Может возникнуть большая опасность, если власти в центре и на местах войдут с перепугу в раж при возможном возникновении небольшого сопротивления. Объективных причин для широких репрессий сейчас

еще меньше, чем при Сталине, но субъективные, увы, всегда могут появиться.

Опыт введения военного положения в Польше показал на практике ряд существенных моментов решения острой исторической ситуации. Во-первых, компартия, когда теряет контроль над страной и народом, осуществляет военный переворот. Во-вторых, единая партийно-гегемонистская структура государственного, партийного и военного аппарата позволяет подготовить его в необходимой тайне и на высоком организационном уровне. В третьих, впечатляет легкость, с которой современная армия, полиция и ГБ могут совершить такие крупномасштабные операции, даже когда оппозиция обладает поддержкой практически всего народа. Убедительнейшее доказательство того, что партия нового типа есть идеальный инструмент для захвата и удержания власти.

Конечно, легкость произведенного переворота определялась в значительной мере тем, что он не мог быть неудачным: при любом раскладе сил окончательный результат мог быть только таким, что подходил третьей, рядом стоящей силе. Борьба теряла смысл, поскольку ее результат предрешен. И это понимали и «Солидарность» и ПОРП.

Но такой переворот не является переворотом с целью ликвидации польских проблем, переворотом того типа, что описывался выше. Это переворот для поддержания статус-кво в соцлагере. В качестве полигона для создания «нового общества» Польша весьма неудобна. Это самый неудобный пациент для таких операций, хотя и с самой острой и тяжелой формой заболевания. Думается, что убедившись в неэффективности «мягкого переворота» для уничтожения оппозиции, польско-советское руководство перейдет к глубокому и тотальному разрушению основ оппозиции — прежде всего церкви и частного землевладения.

НОВЫЙ ПОРЯДОК

Хотя негативные стороны новой жизни на первых порах будут удручать большинство людей, отвыкших от суровых нравов, и сначала будут называться временными явлениями, временными ограничениями, удобство их для организации

общества приведет к тому, что они же будут провозглашены замечательными достижениями, позволяющими достичь монолитного единства народа, ясности целей и уверенности в их достижении. Когда-то отмена свободы печати и введение однопартийной системы объяснялась как временная, вынужденная мера, а теперь это предмет гордости советского народа и его поэтов: «Каплею льешься с массаами».

Такая перестройка общества будет иметь не столько экономический или политический, сколько организационный характер. Но для достижения целей это должна быть радикальная реорганизация. Именно необходимость радикального изменения стиля управления вызовет необходимость стряхнуть большинство старого руководящего аппарата, иначе он затормозит все резкие эволюции и потянет к прежнему стилю. Ведь военная дисциплина и жесткая ответственность несладка и всем промежуточным звеньям управления, привыкшим к комфортабельной и привольной жизни. Возглавляющие переворот военные, гебисты и члены партийного руководства, стоящие за такие перемены, сформируют военно-политические комиссии, которые и проведут реорганизацию системы управления, контроля и наказания на всех уровнях.

Наименее сложным делом будет такая реорганизация в промышленности. Тем более что подобный опыт был проведен в 1940 году: жесткий контроль за дисциплиной и планом и суровые наказания за их невыполнения. Таким образом могут быть устранены многие безобразия происходящие от личного разгильдяйства, которое сейчас так пышно расцветает на благодатной почве формализованного управления, дающего образцы бессмыслицы и противоречивости. Наказания же будут не столько экономические, сколько юридические — проще говоря, осуждения по специально предназначенным статьям уголовного кодекса. Эти широкие репрессии тем более неизбежны, что без этого невозможно произвести перестройку в сельском хозяйстве. Но о нем позже.

Хотя в количественном отношении научно-исследовательские и другие творческие учреждения незначительны по сравнению с прочими частями общественного организма, их роль в современном обществе столь велика, что об их судьбе

стоит упомянуть особо. Они должны будут сохранить свою способность к производству знаний, новых технологий, специалистов и соответствующей ГОСТам культуры, но лишиться способности быть питомником интеллектуальной оппозиции. По своей природе научные учреждения обладают свойством порождать внутри себя атмосферу некоторого академизма и демократизма, что очень диссонировало бы с общим стилем нового порядка. Это можно устранить только такой организационной структурой, перед которой любая личность или интеллект — ничто. Пути достижения этой цели известны и опробованы в практике. Институты-тюрьмы-«шараги», как их называли, в сталинские годы были далеко не худшими местами в стране и попасть туда мечтали многие эки. И вольнонаемные шли туда охотно — оплата привлекала, а ограничения в свободах со временем становятся привычными. Особенно, если и за забором свободами не балуют. Шарага — будущая форма организации науки. Интенсивность и производительность труда в шарагах будут обеспечены строгим контролем и суровостью наказаний. Несправляющихся ждет этап. Куда? Туда же — в сельское хозяйство, которое ждет миллионы, может быть, десятки миллионов рабочих рук.

Во все времена советской власти сельскохозяйственная проблема была самой болезненной, а в последние двадцать лет четко оформился роковой процесс — идет обезлюдивание деревни. Попытки вернуть людей в деревню экономическими средствами пока не удаются, да и частичная удача на этом пути потребует гигантских капиталовложений. К тому же в городе не хватает рабочих рук (вернее, работающих). Все эти узлы нынешней экономической ситуации могут быть разрублены введением «нового порядка». Будут ли сохранены, хотя бы формально, организационные формы колхозов и совхозов, или они будут преобразованы в нечто новое, что, между прочим, было уже испытано на практике при Сталине? Точно не помню, как они назывались тогда — то ли спецпоселения, то ли сельхозпредприятия МВД. (В одном таком поселке я бывал уже в 70-е годы. Остались еще несколько человек с тех 40-х — 50-х годов. Рассказывали они, что трудились тогда у них военнопленные /и японские, и советские/, разоблаченный вейсманист-морганист, профес-

сор по сельскохозяйственным наукам и сотни прочих, менее экзотичных эзков. Многообразные их судьбы, сведенные вместе, обеспечивали «контингент», удобный в учете, управлении, планировании. Колочая проволока и сторожевые вышки, уцелевшие до середины 70-х годов, устраняли «текучесть кадров», которая так досаждала ныне социологам)

Но прежде всего, сельское хозяйство будет обеспечено этими самыми кадрами. За три-пять лет переселение 10-20 миллионов трудоспособных работников может быть проведено без особых эксцессов, во всяком случае, с меньшими жертвами, чем при коллективизации или депортации «народов-изменников». Жестокость, конечно, не без издержек, связанных с энтузиазмом исполнителей, коих в нужный момент пожурят за очередное головокружение, будет сдозирована только в целях ошеломления народа. Все должны будут понять, что шутки здесь плохи, спасение — в послушании. (А в целом вся эпопея будет подана у нас и на экспорт, как суровая, но необходимая забота о народе и вызовет понимание и одобрение у верных друзей Советского Союза и социализма. Как в свое время наша коллективизация, а совсем недавно — выселение миллионов вьетнамцев из городов в джунгли. Даже изгнание камбоджийцев из городов для уничтожения их на лоне природы поначалу встретило понимание у прогрессивной общественности. Правда, потом осатанелый энтузиазм красных кхмеров шокировал эту самую общественность. Инцидент списали то ли на фашизм, то ли на маоизм, то ли на ЦРУ).

Хотя и сейчас никто, в том числе и будущие руководители этой «перестройки», не обманывается насчет эффективности такого труда, он обеспечит тем не менее некоторый уровень сельхозпродукции, удовлетворяющий, по минимуму, конечно, нужды населения и экономики страны. Таким образом сельскому хозяйству будет обеспечена устойчивость, что является главным критерием для руководства страны в оценке внутривнутриполитической ситуации. Атрофировавшиеся мышцы сельскохозяйственного производства будут укреплены металлическим каркасом, который предотвратит его распад. При этом, правда, теряется возможность в будущем роста и естественного развития. И этот прискорбный факт очевиден тоже почти всем. Но «сильных людей», борющихся

за власть, будущее никогда не пугало, лишь бы можно было его отодвинуть.

Могут сказать, что такие прогнозы, где будущее является некими вариациями прошлого, обусловлены скудостью воображения автора, предсказывающего ранее известные методы, а жизнь, дескать, всегда находит новые, неожиданные решения. Да, *жизнь* развивается по своим, по естественным законам, она богата, разнообразна и трудно предугадать, в каком направлении она будет эволюционировать. Там же, где бдительно и бескомпромиссно обрубаются неугодные эволюционные ответвления, трудно ожидать естественного, богатого возможностями развития. Это больше похоже на сезонные превращения жука в личинку и обратно. Они не являются эволюционными этапами и их результат известен заранее. Паровоз может двигаться только по колею, и не стоит надеяться, что на нем можно объехать участки испорченного пути. Тем более, перелететь их, хотя и поется, что «наш паровоз вперед летит». Паровозы летать не могут!

Подведем предварительный итог: близко лежащие выгоды такого переворота (будет найдено подходящее слово для него, благозвучное и даже вдохновляющее), ясные, привычные и во многом отработанные методы его осуществления определяют выбор пути выхода из кризиса.

НОВОЕ ОБЩЕСТВО

Кроме утилитарной цели выведения общества из состояния распада, переворот может явиться способом преодоления историко-эволюционных пространств и расстояний, которые в обычной жизни преодолеваются так медленно. Так медленно, что народ даже перестал рассказывать анекдоты о приближении горизонтов коммунизма. (Этот способ вроде любимой фантастики «нуль-транспортровки» или чего подобного. Нырнешь в «подпространство» здесь, выныриваешь в другой галактике, уже в желаемом месте). В нашей стране всегда можно возникшую историческую реальность объявить новым шагом по пути к окончательной победе коммунизма. Этот шаг позволит организационно решить столь фундаментальный вопрос, как

создание бесклассового общества. Характерно, что сейчас пропаганда больше говорит о построении бесклассового общества, чем об осуществлении, или хотя бы о приближении к знаменитому принципу «по потребностям». Ибо стала очевидной пропасть между ограниченными способностями людей к труду, их неограниченными потребностями и возможностями их удовлетворения. Вдохновляющий лозунг «От каждого по способностям, каждому по потребностям», который издали виделся увесистым, но подъемным камнем, при приближении оказался целой горой, у подножия которой топчется обалдевший путник. Но, как известно, умный в гору не пойдет, умный гору обойдет. И он ее обойдет и решит другой, более принципиальный (это скажет вам любой марксист) вопрос — построение бесклассового общества. А этот злосчастный принцип «по потребностям» можно постепенно забыть. И он уже стал исчезать из литературы. В «Философском словаре» издания 1980 г. в статье «Социализм и коммунизм» таких слов уже нет, в отличие от издания 1954 г., где в этой же статье они приведены дважды. И вообще, раньше эти сладкозвучные слова были любимой концовкой для ораторов, статей и монографий.

Ликвидацию колхозной собственности можно провести в любой момент (колхозы и сейчас превращают в совхозы одним росчерком пера), и тогда все слои населения будут поставлены в одинаковое отношение к средствам производства и т. п. Всех можно будет с полным правом называть одинаково — например, трудящимися (здесь тоже не помешал бы какой-нибудь более фотогеничный термин). Другие важные условия построения «высшей фазы» также будет легче выполнить при «новом порядке». Довольно высокий уровень механизации сельского хозяйства и одинаковая система организации труда — система широкого и жесткого контроля — определяют успех в стирании различий между городом и деревней. А в культурном отношении горожане и селяне сольются на едином уровне одних и тех же телевизионных программ.

Таким образом, то, что казалось вначале вынужденным, болезненным выходом из тупика, оказывается широким, прямым и цельным путем решения тех же задач, о которых говорили и мечтали поколения. Развитию общества воз-

вращается строгая направленность, с абсолютным приоритетом политических целей. Соблазнительные экономические цели «изобилия для всех» проявили свою миражную недостижимость и о них придется забыть. Материальное изобилие для всех трудящихся в большинстве политических и социальных теорий (и марксистских, обязательно) считалось необходимым компонентом счастья человечества. Но поскольку счастье — это есть всего лишь состояние психики человека, его можно достигнуть и решением задачи в лоб: формированием надлежащего состояния массовым гипнозом. Наличие мощной системы массовой информации, которой можно управлять, как хорошо сыгранным оркестром, позволит внедрить в психику абсолютного большинства людей весьма забавные на нынешний взгляд представления. Например, человек, не испытывающий энтузиазма и счастья, будет стыдиться этого, опасаться признаться в этом, как в некоем пороке, изъяне. Конечно, для действенности такой духовной стерилизации необходимо постоянное физическое давление. Наказание за подобное моральное несовершенство должно быть суровым и неотвратимым. Но что ж — быть счастливым нелегко. И за счастье надо чем-то платить, зато счастливы будут миллиарды, а несчастливы — отдельные личности с чрезмерно развитыми индивидуалистическими чертами.

Пока по такому пути целенаправленно движутся, кажется, лишь Албания и Северная Корея. Доброжелательные свидетели отмечают там и отсутствие преступности, и алкоголизма, и единство народа, и энтузиазм, отсутствие религиозных суеверий, равный уровень жизни, а значит, и отсутствие нищеты и проч. Конечно, в маленькой Албании легче установить полный контроль сверху, но здесь нам может помочь техника связи и контроля.

В недалекой перспективе успехи нейропсихологии и психофармакологии позволят производить регулировку состояния человеческой психики с простотой регулировки часов. Это очень облегчит процедуру психической и моральной тренировки и приблизит человечество к поголовному и полному счастью.

Так каковы же пути, по которым может пойти наша страна?

Во-первых, до сих пор широко распространено мнение, что нынешнее положение может продолжаться очень долго, что природные ресурсы страны позволят обеспечить некий скромный уровень жизни населения даже при крайне низкой эффективности хозяйства, а крепость руководящего аппарата обеспечит неизменность общественной жизни. Такой подход не учитывает скорости нарастания негативных процессов в экономической, социальной и духовной сфере, о которых говорилось выше, и потому мнение о возможности сохранения статус-кво в течение длительного времени мне представляется неверным.

Второй путь — путь реформ, позволяющий приступить к решению тяжелых экономических и социальных проблем, которые с каждым годом будут становиться все неразрешимей. Эти реформы должны быть очень существенными, вызвать изменения в экономическом и социальном устройстве. Общая обстановка в стране на несколько лет ухудшится. Ответственность за все ляжет на те силы, которые возглавят эту перестройку, будь то технократы, экономисты или партийные руководители. Народ, которому будут даны права и свободы, вдруг станет страсть каким смелым и решительным в отстаивании своих прав (с уровнем трудолюбия и организованности, отстающим от уровня самостоятельности и ответственности). Все эти детские болезни, связанные с приобретением свобод, тем тяжелее, чем позже ими болеют. Эти несколько лет неустойчивости могут завершиться переворотом в пользу самых ретроградных сил. Хватит ли стране моральных, интеллектуальных сил, чтобы не сбиться с дороги в этом циклоне? Достаточно ли в народе политического разума? Так кто же решится по своей воле отправиться по такому пути, на котором опасности становятся видны сразу, а даже ближайшее будущее скрывается в вихрях новых сил и тучах поднятого мусора. Решиться на такой путь можно, если только понимать, что это единственный путь сохранения общества, состоящего из живых людей, а не роботов. Будут ли жить на земле роботы (не важно,

электронные или биологические), или люди? И где сейчас люди, умудренные, чтобы понять опасность, и сильные, чтобы с нею бороться?

В настоящее время осуществлять свою волю в Советском Союзе могут только те, кто держит штурвал власти в руках, поскольку, как всем известно, они облечены доверием лучшей части советского общества. Но от несовершенства человеческой природы они, увы, тоже не избавлены. И потому, страшась известных и неизвестных опасностей более всего, они будут держать курс прежним. Такое решение привлекательно тем, что не требует ответственности за каждый предстоящий момент — он ведь почти такой же, как и предыдущий, и не сделано ничего, что ухудшило бы ситуацию. За ухудшение ответственны внешние обстоятельства — погода, ухудшение международной обстановки и т. д. Рифы не видны, и корабль плывет до самого последнего момента. Чтобы принять иное решение, необходимы какие-то особые душевные качества у людей. Как мне кажется, именно такие качества прежде всего теряются у людей на пути их продвижения от школьного комитета комсомола до Центрального Комитета КПСС.

Итак, штурвал не повернут и страну дрейфом заносит на риф экономической катастрофы. И тут ситуация, как ни странно, очень упрощается. Теперь осталось только бороться за спасение. Принимаемые решения диктуются обстоятельствами, они неизбежны, их нельзя откладывать, они решительны и суровы. Здесь руководителям некогда мучиться проблемой выбора. Кто сможет в такой обстановке укорять их в некомпетентности, непродуманности решений, в плохом их исполнении. Разговор с таким философом и резонером будет коротким и обжалованию подлежать не будет. Сам «философ» останется в отредактированной памяти очевидцев безумцем, спятившим от страха, а процесс спасения от кораблекрушения — героическим эпосом, борьбой с историческими стихиями. Как он похож будет по духу и стилю на другие важные этапы жизни Советского государства — гражданскую войну, коллективизацию, индустриализацию и т. д. Нас заводят в ситуации, где нужны страшные жертвы, ждут жалкие плоды, а в дальнейшем все

оформляется героическими эпопеями. И это тот путь, который представляется мне почти неизбежным.

Международная обстановка не будет играть определяющей роли во внутреннем развитии Советского Союза независимо от того, сохранится уровень нашей внешней активности или из-за экономических затруднений он уменьшится. Большинство стран соцлагеря в своей эволюции будет повторять путь Советского Союза, вне зависимости от того, будет ли этот лагерь расти численно, или кто-то отпадет от него, в результате такого маловероятного стечения обстоятельств, когда «братская помощь» не сможет быть оказана. Если не произойдет трагической случайности с ядерной войной (упомянутую модель коллапса со специально организованным большим взрывом я считаю слишком уж идиотской даже для современной, подчас безумной истории), мир будет по-прежнему копошиться в своих проблемах — экономических, экологических, политических и других. Как хорошо говорят в Швейцарии: «Гельвеция существует, управляемая человеческим безумием и спасаемая божьим промыслом». Распространяется ли «божий промысел» на роботов? Наверное, нет. Зачем он им — у них ведь нет души и свободы воли, а значит и человеческого безумия. Они мудры.

Здесь предложены три пути развития Советского общества, вернее, два, поскольку поддержание статус-кво не путь, это только этап. Слишком быстры процессы разложения в основных частях экономического организма нашей страны. История имеет все-таки некоторый ход, в ней происходят и существенные события. И обычно происходят те события, которые обусловлены рутинными процессами, малозаметными действиями или попросту бездействием. На фоне открытий в науке и технике, люди вдруг со скучной безнадежностью осознают, что в мире царят «чугунные законы», необоримые и примитивные.

Есть путь сложной борьбы со сложными проблемами жизни, и есть путь уничтожения проблем, для многих соблазнительный своей простотой и кажущейся плодотворностью. Можно ли надеяться на смелое, вызывающее огонь на себя, решение со стороны тех, руководящей идеей и

инстинктом которых было стремление к устойчивости, к укреплению своих позиций?

Иное же решение соответствует интересам, инстинктам и практике руководящего класса как целого. Общие интересы, образ жизни, невиданная ранее в человеческом обществе степень организованности и самоконтролируемости обеспечивают устойчивость линии этого класса относительно опасных экспериментов со стороны возможных идеалистов из своих же рядов. Возможно появление прекраснодушного мессии, готового повести и спасти народ и страну — со стороны отдельной личности возможно любое движение души, но у классов главные движения направлены на сохранение и укрепление самих себя.

В жизни чудес не бывает! И близкое будущее определяется «чугунными законами» жизни нашего общества. Спираль развития, вернув нас к сталинским формам и методам на новом уровне, стальным каркасом скует ослабевший организм советского общества. И не скоро сталь соржавеет. Советский Союз просуществует долго. Нынешнее поколение советских людей будет жить почти при коммунизме.

Конечно, такое «идеально управляемое» общество не может существовать вечно. На практике вообще не реализуются системы в идеальном виде, а общества, если они не эволюционируют, распадаются или перерождаются. Когда и как это может произойти? По моему мнению, эти события находятся за горизонтом нашего исторического опыта и недоступны современному пониманию, поскольку трудно представить себе картину того, во что превратится человеческое общество после долгого периода жизни «почти при коммунизме». Единственное, что можно сказать сейчас, — горизонт этот очень мрачен.

В жизни чудес не бывает. На что же надеяться? На чудо! Они все-таки бывают в истории. Вера в историческое чудо в нашей ситуации позволяет человеку сохранить живую душу. Даже понимая малую вероятность этого, можно надеяться — найдутся такие силы и люди, которые не позволят погубить страну и народ. Ведь не может тысячелетняя история России

быть прологом к эпохе дрессировки и роботизации людей! Даже если наш рационалистический рассудок не верит в телеологию, в целенаправленность мира, инстинкт жизни полагается на нее.

ЧИТАЙТЕ

СВОБОДНЫЙ МОСКОВСКИЙ ЖУРНАЛ

«Поиски»

1-4

Еще недавно казалось, что время, когда судили русскую культуру в лице таких ее представителей, как Гроссман (у которого изымали романы), Синявский и Даниэль (над которыми учинили расправу за художественные произведения), Гинзбург (которого заточили в тюрьму за журнал "Синтаксис", а затем за "Белую книгу") уже больше не вернется.

Тем не менее, начало 1979 года преподнесло нам новые сюрпризы: гонению подвергается не только политическая мысль, но более глубокий и более широкий слой народного сознания — культура. И альманах "Метрополь", и журнал "Поиски", на который сейчас ополчились власти, представляют собой открытые, легальные проявления индивидуального и коллективного творчества. Это — попытки делать литературу как таковую. И к ним неприложимы понятия "крамола", "криминал", "изготовление и распространение заведомо ложных измышлений" и т.д.

...Преследование журнала "Поиски"— это трагедия и для читателя, которого обкрадывают, лишая его доступа к свежей мысли, к исканиям истины. ...

Георгий Владимов

Москва, 31 января 1979 г.

ЗАКАЗЫВАЙТЕ "ПОИСКИ"

ВО ВСЕХ РУССКИХ КНИЖНЫХ МАГАЗИНАХ

РЕЛИГИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ЭТИКА¹

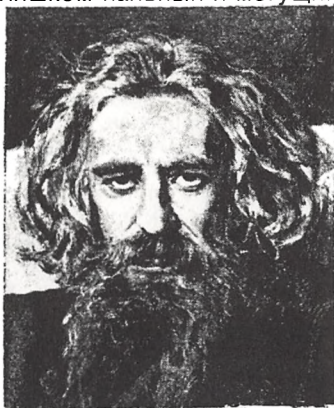
Владимир Соловьев

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДЕЛА ФИЛОСОФИИ

(Вступительная лекция в Петербургском университете
20 ноября 1880 г.)

Мм. Гг.!

Приглашая вас к свободному занятию философией, я хочу прежде всего ответить на один вопрос, который может возникнуть по этому поводу. Вопрос этот легко было бы устранить, как слишком наивный и могущий идти только со

стороны людей совершенно незнакомых с философией. Но так как я главным образом и имею в виду людей с

1. Стремясь хоть в малой мере восполнить недостаток философской и религиозной литературы в СССР, журнал «Форум» намерен в разделе «Религия, философия, этика» печатать работы крупнейших отечественных и зарубежных философов, в том числе и те, что уже были опубликованы на русском языке, но сегодня не доступны советскому читателю.

философией еще не знакомых, а только приступающих к ней, то и не могу так пренебрежительно отнестись к этому наивному вопросу, а считаю лучшим ответить на него.

Философия существует в человечестве более двух с половиной тысячелетий.* Спрашивается: что сделала она для человечества за это долгое время? Что сделала философия в области отвлеченного мышления, при разрешении чисто умозрительных вопросов о бытии и познании, — это известно всем, занимавшимся философией. Но философия не для них же одних существует. Ведь другие науки, хотя также имеют свои чисто теоретические задачи, доступные только тем, кто их изучает, однако, они не ограничиваются этими задачами, они хотя разрабатываются и изучаются теоретически немногими, но практическое значение имеют *для всех*; коренясь в школе, явные плоды приносят для жизни. Мы знаем, что науки естественные существуют не для одних физиков, химиков и физиологов, а также и для всего человечества; мы знаем явную пользу, которую они ему приносят, улучшая его материальный быт, умножая удобства внешней жизни, облегчая физические страдания людей. Мы знаем также, что и юридические, и исторические науки существуют не для юристов и историков только, а и для всех граждан, содействуя прогрессу общественных и политических отношений между людьми. Но может быть философия ближе к искусству, чем к науке, может быть она, как и чистое искусство, «рождена не для житейского волнения, не для корысти, не для битв?» Но ведь и искусство не остается в кругу художников и эстетиков, а стремится доставлять свои наслаждения и тому множеству людей, которые не имеют никакого понятия ни о теории, ни о технике искусства. Так неужели одна философия составляет исключение и существует только для тех, кто сам ею занимается, для авторов философских исследований, или хотя бы только для читателей Канта или Гегеля? Если так, то занятие философией является, как дело, может быть, и интересное, но непохвальное, потому, что эгоистичное. Если же нет, если и философия имеет в виду не отвлеченный интерес одиноких

* Считаю первым философским памятником индийские Упанишады.

умов, а жизненный интерес всего человечества, то нужно прямо ответить на этот вопрос: что же делает философия для человечества, какие блага ему дает, от каких зол его избавляет?

Чтобы не разрешать этого вопроса наобум, обратимся к истории, потому, что если философия вообще способна приносить живые плоды, то она, конечно, должна была уже принести такие плоды в столь долгое время своего существования.

Начинаю с Востока и именно с Индии, не потому, что в Индии мы имеем наиболее типичную и определенную форму восточной культуры, но главное потому, что изо всех народов Востока только индусы обладают вполне самостоятельной и последовательной философией. Ибо хотя у китайцев мудрец Лао-тзе и проповедывал весьма глубокомысленное учение Тао, но китайская самобытность этого учения подвергается основательным сомнениям (и именно предполагают, что Лао-тзе развил свое учение под индийским же влиянием), а что касается до несомненно китайских национальных доктрин Конфуция и Мен-цзе, то они имеют очень мало философского значения.

В Индии первоначально более чем в какой-либо другой стране Востока человеческая личность была поглощена внешней средой: это была по преимуществу страна всякого рабства, неравенства и внешнего обособления. Не четыре, как обыкновенно принимают, а более тысячи каст разделяли население неодолимыми преградами. Понятия о человечности, т. е. о значении человека, как человека, не было совсем, потому, что человек низшей касты в глазах дважды-рожденного представителя касты высшей, был хуже нечистого животного, хуже падали; и вся судьба человека исключительно зависела и заранее предопределялась случайным фактом рождения его в той или другой касте. Религия носила характер грубого материализма: человек рабствовал перед природными богами, как перед подавлявшими его силами, от которых завесила его материальная жизнь. В древних гимнах Риг-Веды главным предметом желаний и молитв Арийца являются: хорошая жатва, побольше коров и удачный грабеж.

И вот в этой-то стране рабства и разделения несколько уединенных мыслителей провозглашают новое, неслыханное

слово: *все есть одно*; все особенности и разделения суть только видоизменения одной всеобщей сущности, во всяком существе должно видеть своего брата, себя самого.

«Все есть одно» — это было первое слово философии, и этим словом впервые возвещалась человечеству его свобода и братское единение. Этим словом в корне подрывалось рабство религиозное и общественное, разрушалось всякое неравенство и обособление. Ибо если все есть одно, если при виде каждого живого существа, я должен сказать себе: это ты сам *tat twam asi*, то куда денется разделение каст, какая будет разница между брамином и чандалом? Если все есть видоизменение единой сущности, и если эту сущность я нахожу, углубляясь в свое собственное существо, то где найдется внешняя сила, могущая подавлять меня, перед чем тогда я буду рабствовать? Так велико и страшно для существующего жизненного строя было это новое слово, что книги, в которых оно было впервые ясно высказано, получили название *Upanishat*, что значит *secretum legendum*. Но не долго слово всеединства оставалось сокровенною тайною, скоро оно сделалось общим достоянием, приняв форму новой религии — *Буддизма*. Если пантеизм Браминов был религией, превратившейся в философию, то Буддизм был, наоборот, философией, превратившейся в религию.** В Буддизме *начало всеединства* ясно определяется как *начало человечности*. Если все есть одно, если мировая сущность во всем одна и та же, то человеку незачем искать ее в Бrame или Вишну, она в нем самом, в его самосознании она находит себя саму, здесь она *у себя*, тогда как во внешней природе она действует бессознательно и слепо. Вся внешняя природа есть только ее покров, обманчивая маска, в которой она является, и только в пробужденном самосознании человеческого духа спадает этот покров, снимается эта маска. Поэтому нравственная личность человека выше природы и природных богов: человеку Будде, как своему учителю и владыке, поклоняются не только Агни и Индра, но и сам верховный бог Брама. Буддизм — и в этом его мировое значение впервые провозгласил достоинство человека, безусловность челове-

** Указывают на определенную философскую систему (Санхья — философа Капилы), ближайшим образом повлиявшую на возникновение Буддизма.

ческой личности. Это был могущественный протест против той слепой внешней силы, против материального факта, которым на Востоке так подавлялась человеческая личность и в религии и в общественном быте, это было смелое восстание человеческого лица против природной внешности, против случайности рождения и смерти. «Я больше тебя, — говорит здесь человеческий дух внешнему природному бытию, перед которым он прежде рабствовал, — я больше тебя, потому что я могу уничтожить себя в себе, могу порвать те связи, которые меня к тебе привязывают, могу погасить ту волю, которая меня с тобою соединяет. Я независим от тебя, потому что не нуждаюсь в том, что ты можешь мне дать и не жалею о том, что ты отнимешь». Так здесь человеческая личность находит свою свободу и безусловность в *отречении* от внешнего природного бытия. Для сознания, выросшего на почве первобытного натурализма, исходившего из религии грубо материалистической, все существующее являлось лишь в форме слепого внешнего факта, во всем данном ему оно видело только сторону фактического неразумного бытия, грубый материальный процесс жизни, — и потому, когда человеческое сознание впервые переросло этот процесс, когда этот процесс впервые стал в тягость сознанию, то оно, отрекаясь от него, отрекаясь от природного хотения и природного бытия, естественно думало, что отрекается от всякого бытия, и та свобода и безусловность, которые личность находила в этой силе отречения, являлась свободой чисто отрицательной, безо всякого содержания. Оставляя внешнее материальное бытие, сознание не находило взамен никакого другого, приходило к небытию, к *Нирване*. Далее этого отрицания не пошло индийское сознание. Переход от коров Риг-Веды к Буддийской Нирване был слишком велик и труден и, совершив этот гигантский переход, индийское сознание надолго истощило свои силы. За великим пробуждением Буддизма, поднявшим не только всю Индию, но и охватившим всю восточную Азию от Цейлона до Японии, за этим могучим пробуждением последовал для Востока долгий духовный сон.

Двинуть далее дело философии и вместе с тем дело человечества выпало естественным образом на долю того

народа, который уже в самой природе своего национального духа заключал то начало, к которому индийское сознание пришло только в конце своего развития — начало человечности. Индийское сознание сперва было одержимо безобразными чудовищными богами, носителями чуждых диких сил внешней природы; греческое национальное сознание отправлялось от богов уже идеализованных, прекрасных, человекообразных, в поклонении которым выражалось признание превосходства, высшего значения человеческой формы. Но в греческой религии боготворилась только человеческая внешность, внутреннее же содержание человеческой личности раскрыто было греческой философией, вполне самобытное развитие которой начинается с софистов; потому что в предшествующую, предварительную эпоху греческая философия находилась под господствующим влиянием восточных учений, следуя которым философское сознание искало себе содержания вне себя и за верховные начала жизни принимало стихии и формы внешнего мира, и только в софистах это сознание решительно приходит в себя. Сущность софистики — это отрицание всякого внешнего бытия и связанное с этим признание верховного значения человеческой личности. Имея в виду предшествовавших философов, искавших безусловного бытия вне человека, софист Горгиас доказывает, что такого бытия совсем не существует, что если бы оно существовало, мы не могли бы иметь о нем никакого познания, а если бы и имели таковое, то не могли бы его выразить, — другими словами: человек только в себе может найти истину, что и было прямо высказано другим софистом Протагором, утверждавшим, что человек есть мера всех вещей — существующих, что они существуют, и не существующих, что они не существуют. Из этого не исключаются и боги, утрачивающие, таким образом, всякое самостоятельное значение. Тогда как представители прежней философии, как например, Ксенофан, с жаром и увлечением полемизируют против национальной мифологии, софисты уничтожают ее своим полным равнодушием. «Относительно богов, говорит тот же Протагор, мне неизвестно, существуют они или нет, — узнать это мешает многое — как трудность предмета, так и краткость человеческой жизни». Невозмучимо-презрительный тон этого изречения

сильнее всякого напряженного отрицания доказывает полное освобождение человеческого сознания от внешней религии.

Несмотря на кажущуюся разнородность, софисты представляют существенную аналогию с Буддизмом: и там, и здесь отрицаются всякое внешнее бытие и внешние боги: и софистика Греции, и Буддизм Индии являются в этом смысле нигилизмом; вместе с тем, и там и здесь верховное значение признается за человеческой личностью, — и Буддизм и софистика имеют выдающийся характер гуманизма. Но велика и разница. Тогда как индийский гимнософист усиленно и напряженно боролся с материальным началом и, достигнув победы над ним и сознания своего отрицательного превосходства, не находил в себе никакой положительной жизненной силы и истощенный погружался в Нирвану, — софистам Греции, уже в общем народном сознании находившим форму человечности, победа над внешними силами давалась легче, и хотя они после этой победы так же, как и Буддисты, не находили никакого положительного содержания для освобожденной человеческой личности, но у них оставалась личная энергия, с которой они и выступали в жизнь, не стесняясь никакими формами и порядками этой жизни, заранее уже отвергнутыми, и стремясь исключительно во имя своей личной силы и энергии получить господство над темною массой людей. Если человеческое сознание в Буддизме говорило внешнему бытию: я больше тебя, потому что я могу отречься от существования, то сознание софиста говорило этому внешнему бытию: я больше тебя, потому что я могу жить вопреки тебе, могу жить в силу своей собственной воли, своей личной энергии. Софистика — это безусловная самоуверенность человеческой личности, еще не имеющей в действительности никакого содержания, но чувствующей в себе силу и способность овладеть всяким содержанием. Но эта в себе самодовольная и самоуверенная личность, не имея никакого общего и объективного содержания, по отношению к другим является как нечто случайное, и господство ее над другими будет для них господством внешней чуждой силы, будет тиранией. Так здесь освобождение личности только *субъективное*. Для настоящего же объективного освобождения необходимо, чтобы лицо, освобожденное от внешнего бытия, нашло внутреннее содержание, господство факта

заменяло бы господством *идеи*. Это требование объективной идеи для освобожденной личности мы находим у Сократа — центрального образа не только греческой философии, но и всего античного мира.

Сократ был величайшим софистом и величайшим противником софистики. Он был софистом, поскольку вместе с ними решительно отвергал господство внешнего факта, не находил безусловной истины и правды ни в каком внешнем бытии и ни в каком внешнем авторитете — ни в богах народной религии, ни в материальной природе мира, ни в гражданском порядке своего отечества; он был вместе с тем противником софистов, потому что не признавал за свободной личностью права господствовать во имя своей субъективной воли и энергии, решительно утверждал, что свободное от внешности лицо имеет цену и достоинство лишь поскольку оно эту внешность заменит положительным внутренним содержанием, поскольку оно будет жить и действовать по идее, общей во всех и потому внутренне обязательной для каждого.

Это идеальное начало, долженствующее наполнить человеческую личность, Сократ только утверждал (что оно *есть*), ученик же его Платон указал и определил его сущность (что оно *есть*). Внешнему бытию, случайному, неразумному, недолжному он противопоставил идеальное бытие, само по себе доброе, прекрасное и разумное — не Нирвану Буддистов, не простое единство Элеатов, а гармоническое царство идей, заключающее в себе безусловную и неизменную полноту бытия, достижимую для человека не через внешний опыт и внешний закон, а открывающееся ему во внутреннем созерцании и чистоте мышления; здесь человеческая личность получает то идеальное содержание, которым обуславливается ее внутреннее достоинство и ее положительная свобода от внешнего факта, здесь положительное значение принадлежит человеку, как *носителю идеи*; теперь он уже имеет, на что опереться против неразумной внешности, теперь ему есть куда уйти от нее. В свете платонического мирозерцания человеку открываются два порядка бытия — фактическое материальное бытие, недолжное или дурное, — и идеальный мир истинно сущего, мир внутренней полноты и совершенства. Но эти две сферы

так и остаются друг против друга, не находят своего примирения в философии платонической. Идеальный космос, составляющий истину этой философии, имеет бытие абсолютное и неизменное, он пребывает в невозмутимом покое вечности, равнодушный к волнуемому под ним миру материальных явлений, отражаясь в этом мире, как солнце в мутном потоке, но оставляя его без изменения, не проникая в него, не очищая и не перерождая его. И от человека платонизм требует, чтобы он *ушел* из этого мира, вынырнул из этого мутного потока на свет идеального солнца, вырвался из оков материального бытия, как из темницы или гроба души. Но уйти в идеальный мир человек может только своим умом, личная же воля и жизнь его остаются по сю сторону, в мире недолжного, материального бытия, и неразрешимый дуализм этих миров отражается таким же дуализмом и противоречием в самом существе человека, и живая душа его не получает действительного удовлетворения.

Эта двойственность, остающаяся непримиренною в платонизме, примиряется в *христианстве* в лице Христа, который не отрицает мир, как Будда, и не уходит из мира, как платонический философ, а приходит в мир, чтобы спасти его. В христианстве идеальный космос Платона превращается в живое и деятельное царство Божие, не равнодушное к материальному бытию, к фактической действительности того мира, а стремящееся воссоединить эту действительность с своею истинною, реализоваться в этом мире, сделать его оболочкою и носителем абсолютного божественного бытия; и идеальная личность является здесь, как воплощенный богочеловек, однаково причастный и небу и земле, и примиряющий их собою, осуществляя в себе совершенную полноту жизни через внутреннее соединение любви со всеми и всем.

Христианство в своем общем воззрении исходит из платонизма, но гармония идеального космоса, внутреннее единство всего, силою богочеловеческой личности показывается здесь (в христианстве), как живая действительность, здесь истинносущее не созерцается только умом, но само действует и не просвещает только природного человека, но рождается в нем как новый духовный человек. Но это осуществление истины (живого всеединства), внутренне

совершившееся в лице Христа, как его индивидуальный процесс, могло совершиться в остальном человечестве и во всем мире лишь как собирательный исторический процесс, долгий и сложный и порою болезненный. Оставленная Христом на земле христианская истина явилась в среде смешанной и разнородной, в том хаосе внутреннем и внешнем, который представлялся тогдашним миром; и этим хаосом она должна была овладеть, уподобить его себе и воплотиться в нем. Понятно, что это не могло совершиться в короткий срок. Большинство тогдашнего исторического человечества было пленено христианскою истиною, но не могло усвоить ее сознательно и свободно; она явилась для этих людей, как высшая сила, которая овладела ими, но которою они не овладели. И вот христианская идея, еще не уподобивши себе фактическую действительность, сама явилась в форме факта, еще не одухотворивши внешний мир, она сама явилась, как внешняя сила с вещественной организацией (в католической церкви). Истина облеклась в авторитет, требующий слепого доверия и подчинения. Являясь сама, как внешняя сила и внешнее учреждение, церковь не могла внутренне осилить, идеализовать и одухотворить существующих фактических отношений в человеческом обществе, и она оставила их рядом с собою, довольствуясь их наружною покорностью.

Итак, с одной стороны, человек, освобожденный христианством от рабства немощным и скудным стихиям мира, впал в новое, более глубокое рабство внешней духовной власти; с другой стороны, мирские отношения продолжали основываться на случайности и насилии, получая только высшую санкцию от церкви. Христианская истина в неистинной форме внешнего авторитета и церковной власти и сама подавляла человеческую личность и, вместе с тем, оставляла ее на жертву внешней мирской неправде. Предстояла двоякая задача: освободить христианскую истину от несоответствующей ей формы внешнего авторитета и вещественной силы и, вместе с тем, восстановить нарушенные, не признанные лжехристианством права человека. За эту двойную освободительную задачу принялась философия; началось великое развитие западной философии, под господствующим влиянием которого совершены, между прочим, два важных

исторических дела: религиозной реформацией XVI-го века разбита твердыня католической церкви, и политической революцией XVIII-го века разрушен весь старый строй общества.

Философия *мистическая* провозгласила божественное начало внутри самого человека, внутреннюю непосредственную связь человека с Божеством, — и внешнее посредство церковной иерархии оказалось ненужным, и пало значение церковной власти; подавленное внешней церковностью религиозное сознание получило свою свободу, и христианская истина, замершая в исторических формах, снова получила свою жизненную силу.

Философия *рационалистическая* провозгласила права человеческого разума, — и рушился основанный на неразумном родовом начале гражданский строй; за грубыми стихийными силами, делавшими французскую революцию, скрывался, как двигательная пружина, принцип рационализма, выставленный предшествовавшей философией; не даром чуткий инстинкт народных масс на развалинах старого порядка воздвигнул алтарь богине разума.

Заявив столь громко и внушительно свои права во внешнем мире, человеческий разум сосредоточился в самом себе, и уединившись в германских школах, в небывалых дотоле размерах обнаружил свои внутренние силы созданием совершеннейшей логической формы для истинной идеи.

Все это развитие философского рационализма от Декарта до Гегеля, освобождая разумное человеческое начало, тем самым сослужило великую службу христианской истине. Принцип истинного христианства есть *богочеловечество*, т. е. внутреннее соединение и взаимодействие божества с человеком, внутреннее рождение божества в человеке; в силу этого, божественное содержание должно быть усвоено человеком *от себя*, сознательно и свободно, а для этого, очевидно, необходимо полнейшее развитие той разумной силы, посредством которой человек может от себя усваивать то, что дает ему Бог и природа. Развитию именно этой силы, развитию человека, как свободной-разумной личности, и служила рациональная философия.

Но человек не есть только разумно-свободная личность,

он есть также существо чувственное и материальное. Это материальное начало в человеке, которое связывает его с остальной природой, это начало, которое Буддизм стремился уничтожить, от которого платонизм хотел отрешиться и уйти как из темницы или гроба души, — это материальное начало по христианской вере имеет свою законную часть в жизни человека и вселенной, как необходимая реальная основа для осуществления божественной истины, для воплощения божественного духа. Христианство признает безусловное и вечное значение за человеком не как за духовным существом только, но и как за существом материальным — христианство утверждает воскресение и вечную жизнь тел; и относительно всего вещественного мира целью и исходом мирового процесса, по христианству, является не уничтожение, а возрождение и восстановление его как материальной среды царства Божия — христианство обещает не только новое небо, но и новую землю. Таким образом, когда вскоре после шумного заявления прав разума французской революцией, в той же Франции, один мыслитель*** в тишине своего кабинета, но с немалою энергией и увлечением, провозгласил восстановление прав материи, и когда потом натуралистическая и материалистическая философия восстановила и развила значение материального начала в мире и человеке, — эта философия, сама того не зная, служила и христианской истине, восстанавливая один из ее необходимых элементов, пренебреженный и отринутый односторонним спиритуализмом и идеализмом.

Восстановление прав материи было законным актом в освободительном процессе философии, ибо только признание материи в ее истинном значении освобождает от фактического рабства материи, от невольного материализма. До тех пор, пока человек не признает материальной природы в себе и вне себя за нечто свое, пока он не сроднится с нею и не полюбит ее, он не свободен от нее, она тяготеет над ним как нечто чуждое, неведомое и невольное.

С этой стороны развитие натурализма и материализма, где человек именно полюбил и познал материальную природу как нечто свое близкое и родное, — развитие

*** Фурье.

материализма и натурализма составляет такую же заслугу философии, как и развитие рационализма, в котором человек узнал и определил силы своего разумно-свободного духа.

Итак, что же делала философия? Она освобождала человеческую личность от внешнего насилия и давала ей внутреннее содержание. Она низвергала всех ложных чужих богов и развивала в человеке внутреннюю форму для откровений истинного Божества. В мире древнем, где человеческая личность по преимуществу была подавлена началом природным, материальным как чуждою внешнею силою, философия освободила человеческое сознание от исключительного подчинения этой внешности и дала ему внутреннюю опору, открывши для его созерцания идеальное духовное царство, в мире новом, христианском, где само это духовное царство, само это идеальное начало, принятое под формую внешней силы, завладело сознанием и хотело подчинить и подавить его, философия восстала против этой изменившей своему внутреннему характеру духовной силы, сокрушила ее владычество, освободила, выяснила и развила собственное существо человека сначала в его рациональном, потом в его материальном элементе.

И если теперь мы спросим на чем основывается эта освободительная деятельность философии, то мы найдем ее основание в том существеннейшем и коренном свойстве человеческой души, в силу которого она не останавливается ни в каких границах, не мирится ни с каким извне данным определением, ни с каким внешним ей содержанием, так что все блага и блаженства на земле и на небе не имеют для нее никакой цены, если они не ею самою добыты, не составляют ее собственного внутреннего достояния. И эта неспособность удовлетвориться никаким извне данным содержанием жизни, это стремление ко все большей и большей внутренней полноте бытия, эта сила-разрушительница всех чуждых богов, — эта сила уже содержит в возможности то, к чему стремится, — абсолютную полноту и совершенство жизни. Отрицательный процесс сознания есть вместе с тем процесс положительный, и каждый раз как дух человеческий, разбивая какого-нибудь старого кумира, говорит: это не то, чего я хочу, — он уже этим самым дает некоторое определение того, чего хочет, своего истинного содержания.

Эта двойственная сила и этот двойной процесс, разрушительный и творческий, составляя сущность философии, вместе с тем составляет и собственную сущность самого человека, того, чем определяется его достоинство и преимущество перед остальной природой, так что на вопрос: что делает философия? мы имеем право ответить: она делает человека вполне человеком. А так как в истинно человеческом бытии равно нуждаются и Бог и материальная природа, — Бог, в силу абсолютной полноты своего существа, требующей *другого* для ее свободного усвоения, а материальная природа, напротив, вследствие скудости и неопределенности своего бытия, ищущая другого для своего восполнения и определения, — то следовательно философия, осуществляя собственно человеческое начало в человеке, тем самым служит и божественному и материальному началу, вводя и то и другое *в форму свободной человечности*.

Так вот, если кто из вас захочет посвятить себя философии, пусть он служит ей смело и с достоинством, не пугаясь ни туманов метафизики, ни даже бездны мистицизма; пусть он не стыдится своего свободного служения и не умаляет его, пусть он знает, что, занимаясь философией, он занимается делом хорошим, делом великим и для всего мира полезным.

ТРУД — РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ — ПРОБЛЕМЫ САМОУПРАВЛЕНИЯ

ЭНЦИКЛИКА ПАПЫ ИОАННА—ПАВЛА II О ТРУДЕ ЧЕЛОВЕКА LABOREM EXERCENS*

IV. ПРАВА ТРУДЯЩИХСЯ

16. ПРАВА ТРУДЯЩИХСЯ В ШИРОКОМ КОНТЕКСТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Если труд, в разных смыслах этого слова, есть обязанность, или долг, то он также источник прав трудящихся. Эти права необходимо рассматривать в широком контексте прав человека в целом. Такие права присущи человеку по самой его природе, и многие из них уже были провозглашены различными международными организациями, а разные государства все в большей степени обеспечивают эти права своим гражданам. Уважение к этой всеобъемлющей совокупности прав человека составляет основное условие мира в современном мире: мира внутри каждой страны, каждого общества, а также мира в области международных отношений. Обо всем этом Церковь уже не раз говорила в своем учении, особенно начиная с эпохи, когда была обнародована энциклика «*Pacem in terris*» («Мир на земле»). Права человека, основанные на труде, являются частью более широкой совокупности прав человеческой личности.

* Окончание, см. «Форум» NN 1, 2.

Вместе с тем, в силу специфической природы человеческого труда, о которой мы в общих чертах говорили выше, основанные на труде права обладают внутри этой совокупности своими отличительными особенностями. Их-то нам и следует сейчас рассмотреть. По разным причинам труд, как уже было сказано, есть обязанность, или долг человека. Человек должен трудиться, ибо Творец повелел ему это. Человек также должен трудиться по самой своей человеческой природе, существование и развитие которой неразрывно связано с трудом. Человек должен трудиться ради своего ближнего, прежде всего ради своей семьи, но также и ради общества, к которому он принадлежит, ради того народа, сыном или дочерью которого он является, ради всей человеческой семьи, с которой он связан, будучи наследником труда предшествующих поколений и в то же время участником построения будущего для тех, кто в ходе истории придет после него. Из всего этого складывается понимаемая в самом широком смысле слова моральная обязанность трудиться. Так что при рассмотрении основанных на труде моральных прав каждого человека, прав, соответствующих его долгу трудиться, следует постоянно учитывать всю совокупность тех реальностей, с которыми связан труд каждого работающего человека.

Говоря об обязанности трудиться и о соответствующих этой обязанности правах трудящихся, мы прежде всего рассмотрим отношения между работодателем — тем, кто прямо или косвенно обеспечивает работу, — и работником.

Различие между тем, кто предоставляет работу непосредственно, и тем, кто делает это косвенно, кажется нам очень важным как в смысле практической организации труда, так и для возможности установления справедливых (или несправедливых) отношений в области труда. Под тем, кто предоставляет работу непосредственно, мы подразумеваем личность или учреждение, с которыми работник на определенных условиях заключает свой контракт. Под косвенным же обеспечением работы мы подразумеваем многочисленные, разные по своему характеру факторы, которые параллельно непосредственному, прямому обеспечению работы, оказывают определенное влияние на саму форму и содержание контракта и, следовательно, на более или менее справедливые отношения в области человеческого труда.

17. РАБОТОДАТЕЛЬ «КОСВЕННЫЙ» И «ПРЯМОЙ»

В понятие непосредственного работодателя входят личности или институции разного типа. Тут необходимо упомянуть также коллективные трудовые договоры и принципы, определяющие отношения между работодателем и работником. Эти договоры и принципы, устанавливаемые личностями и институциями, определяют всю общественно-экономическую систему (или, в свою очередь, определяются ею). Таким образом, понятие косвенного работодателя включает многочисленные, разнообразные по своему характеру элементы. Ответственность косвенного работодателя отличается от той, какую несет непосредственный работодатель. На это указывает уже сама терминология. В первом случае ответственность не такая прямая. Однако это подлинная ответственность: косвенный работодатель существенным образом определяет тот или иной аспект трудовых отношений и, следовательно, обуславливает позицию непосредственного работодателя, когда тот в конкретной форме определяет характер контракта и трудовых отношений. Говоря так, мы не имеем намерения снять с непосредственного работодателя лежащую на нем ответственность. Мы лишь желаем привлечь внимание ко всему тому сложному комплексу факторов, который оказывает влияние на формирование его позиции. Разрабатывая основы трудовой политики, которая была бы правильной с точки зрения этической, необходимо учитывать все эти факторы. Такая политика будет правильной в том случае, если законным правам трудящихся не наносится ущерба.

Понятие косвенного работодателя применимо к каждому отдельному обществу и прежде всего к государству. Ибо именно государство должно осуществлять справедливую политику в области труда. Вместе с тем известно, что система экономических отношений современного мира характеризуется многогранными связями между разными государствами. Эти связи выражаются, например, в наличии импорта и экспорта, иными словами в наличии обоюдного обмена экономическими благами, идет ли речь о сырье, полуфабрикатах или конкретной промышленной продукции. В свою очередь, эти отношения порождают обоюдную зави-

симось, и поэтому трудно говорить о полной внутренней «самодостаточности», или автаркии любого государства, каким бы экономически мощным оно ни было.

Такая система взаимозависимости сама по себе вполне естественна. Тем не менее такая система легко может привести к разным формам эксплуатации или несправедливости, что, в свою очередь, окажет влияние на политику государств в области труда и в конце концов скажется на отдельном трудящемся, т. е. на подлинной причине труда. И мы видим, например, как высокоразвитые индустриальные страны, а еще в большей степени международные монополии, контролируемые в огромном масштабе средства промышленной продукции, назначают на свою продукцию как можно более высокие цены, в то же время стараясь удержать цены на сырье и полуфабрикаты на возможно более низком уровне. Это, помимо других причин, породило диспропорцию, и в отношении национального дохода разных стран эта диспропорция постоянно возрастает. Дистанция между большинством богатых стран и самыми бедными странами не только не уменьшается и не исчезает, но все более и более возрастает — конечно, в ущерб последним. Ясно, что это не может остаться без последствий ни для конкретной трудовой политики, ни для положения трудящегося в обществе, находящемся в неблагоприятной экономической ситуации. При таком положении вещей непосредственный работодатель устанавливает условия труда, которые не отвечают объективным требованиям трудящихся, особенно когда он, предприниматель, старается извлечь максимальную выгоду из предприятия, которым руководит (или из предприятий, если речь идет о странах, где произошло «обобществление» средств производства).

Масштаб проявлений такого рода взаимозависимости, связанной с понятием косвенного работодателя, как легко понять, очень широк и образует сложную систему. Чтобы определить этот масштаб, необходимо принять во внимание совокупность элементов, которые для экономической жизни данного общества или государства являются решающими. Но при этом необходимо также принять в расчет все связи и проявления зависимости в плане более широком. Однако осуществление прав трудящихся не должно лишь механи-

чески зависеть от экономических систем, которые в более или менее широком масштабе зиждились бы прежде всего на принципе максимальной выгоды. Наоборот, именно объективные права трудящегося, какую бы работу он ни выполнял — ручную, умственную, сельскохозяйственную и т. д., — должны послужить подлинным и основным принципом, с помощью которого формировалась бы вся экономика, как в масштабе отдельного общества или отдельного государства, так и в масштабе взятой в целом мировой экономической политики, систем и международных отношений, которые из этой политики вытекают.

Именно в этом направлении должна развиваться деятельность всех призванных решать общемировые проблемы международных организаций, начиная с ООН. Хотелось бы, чтобы международная организация труда, также как и ФАО (Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН) и другие организации внесли свой вклад именно в эту область. Министерства, государственные учреждения и разные общественные организации, созданные с этой целью, имеются в каждом государстве. Все это ясно показывает огромное значение косвенного работодателя в деле полного практического осуществления прав трудящихся. Ибо права человеческой личности образуют собой как бы ключ ко всему социальному моральному порядку.

18. ПРОБЛЕМА ТРУДОУСТРОЙСТВА

Рассматривая основные права трудящихся в связи с понятием косвенного работодателя, т. е. той совокупности организаций, которые на национальном и международном уровне должны определять направление политики труда, необходимо прежде всего обратить внимание на некую фундаментальную проблему. Мы имеем в виду проблему трудоустройства, или, иначе говоря, задачу подыскать подходящую работу всем способным к труду людям. Нарушением справедливого и правильного положения в этой области является безработица, т. е., нехватка работы вообще или в отдельном секторе. Роль тех организаций, которые мы объединяем здесь под общим наименованием косвенного

работодателя, — бороться с безработицей, ибо она во всех случаях есть зло, а перейдя за известные пределы, может стать подлинным социальным бедствием. Плоды безработицы становятся особенно горькими, когда она ударяет по тем молодым людям, которые, получив образование, техническую и профессиональную подготовку, не в состоянии найти работу. Со скорбью видят эти молодые люди, что они обмануты в своем искреннем желании трудиться и в своей готовности взять на себя часть ответственности за экономическое и социальное развитие общества. Обязанность помогать безработным, иными словами обязанность выплачивать пособие, необходимое для существования безработного и его семьи, — долг, вытекающий из принципа общего пользования благами или, выражаясь еще проще, права жить и существовать.

Чтобы успешно противостоять безработице, обеспечить работу для каждого человека, организации, определенные нами как косвенный работодатель, должны содействовать всеобщему планированию. Это планирование должно соответствовать всему тому разнообразному трудовому строительству, в недрах которого формируется не только экономическая, но и культурная жизнь данного общества. Кроме того, следует обратить внимание и на правильную, разумную организацию работы в области этого трудового строительства. В конечном счете, общая забота об этом лежит на государстве. Но это не означает, что такая централизация должна проводиться исключительно органами государственной власти. Наоборот, речь должна идти об упорядоченной и разумной координации, при которой была бы обеспечена свобода действий личности, независимых групп, рабочих центров, местных рабочих объединений. Осуществляя все это, необходимо принять во внимание все, что уже было сказано относительно причинного, субъективного характера человеческого труда.

Обоюдная зависимость разных обществ и государств, как и необходимость сотрудничества в разных областях — все это, в свою очередь, вызывает необходимость международного сотрудничества в области планирования и организации труда, а также подписания соответствующих договоров и соглашений. Конечно, при этом не должны

нарушаться суверенные права отдельного государства и общества, касающиеся этой важной области. И здесь также необходимо, чтобы основой для этих договоров и соглашений постепенно стал человеческий труд, рассматриваемый в качестве основного права всех людей. Труд должен предоставлять всем равные права во всем, с тем чтобы все меньше и меньше становилась та возмутительная разница в уровне жизни трудящихся разных стран, несправедливость которой может породить насильственный отпор. Перед международными организациями стоят в этой области огромные задачи. Необходимо, чтобы эти организации в своей деятельности учитывали все проблемы той или иной страны, а также природные, исторические, социальные и прочие условия ее существования. Необходимо также, чтобы общие планы не только составлялись, но и по-настоящему воплощались в жизнь.

Согласно ведущей линии энциклики Павла VI «Прогресс народов», именно на это планомерно должен быть направлен весь ход универсального гармоничного всеобщего прогресса. Следует подчеркнуть, что основным элементом и в то же время наиболее точным мерилom этого прогресса, совершающегося в духе справедливости и мира, прогресса, к которому постоянно призывает Церковь и ради которого она непрестанно умоляет Отца всех людей и народов, является непрерывная переоценка человеческого труда, осуществляемая с точки зрения его объективной конечной цели, т. е. с точки зрения достоинства субъекта всякой работы, или человека.

Прогресс, о котором мы говорим, должен осуществляться человеком и ради человека. И прогресс этот должен принести свои плоды в человеке.

Мерилom этого прогресса должно стать постоянное, все более углубляющееся сознание конечной цели труда и повсеместно все более возрастающее уважение неотъемлемых человеческих прав, вытекающих из достоинства человека, причины труда.

Разумное планирование и соответствующая организация человеческого труда, проводимые с учетом конкретных возможностей того или иного общества или государства, — все это также должно облегчить установление подлинного

равновесия между разными типами трудовой деятельности, такими как труд земледельческий, труд в области промышленности, многообразные работы в сфере обслуживания, труд интеллектуальный и труд в области науки и искусства, совершаемый в соответствии с возможностями каждого и во имя блага всего общества и всего человечества.

Устроению человеческой жизни, исходящему из многообразных возможностей труда, должна соответствовать определенная система образования и воспитания, имеющая целью не только развитие человечества, достижение им зрелости, но также и специальное образование, необходимое для того, чтобы каждый человек мог с наибольшей отдачей для себя и для общества принять подлинное участие в великом и социально разнообразном общечеловеческом строительстве.

Окидывая взором всю человеческую семью, распространившуюся по всей земле, невозможно не поразиться ошеломляющему по своим масштабам явлению: с одной стороны, богатые природные ресурсы остаются неиспользованными, с другой — имеются бесчисленные толпы безработных или полубезработных, неисчислимо количество людей, умирающих от голода.

Все это ясно доказывает, что и внутри каждого общества, и в отношениях между ними — как в масштабах отдельных континентов, так и в общемировом масштабе — имеются определенные противоречия во всем, что касается организации труда и трудоустройства. И эти противоречия связаны именно с наиболее критическими и наиболее важными моментами социальной жизни.

19. ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА И ПРОЧИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ВЫПЛАТЫ

Только что мы в общих чертах указали на необходимость уважения неотъемлемых человеческих прав, связанных с трудом, а следовательно, на необходимость предоставить работу всем трудящимся. Теперь следует более непосредственно коснуться этих прав, которые в конечном счете принимают свою конкретную форму именно в отношениях между тружеником и непосредственным работодателем. Рассмат-

ривая все это время проблему «косвенного» работодателя, мы старались более точно определить отношения между работником и непосредственным работодателем. С этой целью мы указали на те многообразные обстоятельства, внутри которых эти отношения, пусть и косвенно, формируются. Тем не менее наши размышления не преследовали чисто описательной цели и мы не стремились дать какое-то краткое экономическое или политическое наставление. Нашей целью было выявить деонтологический и моральный аспект труда. В этом случае ключевой проблемой социальной этики является проблема справедливого вознаграждения за выполненную работу. В современных условиях назначение справедливого вознаграждения за выполненную работу является лучшим способом установления справедливости в отношениях между трудящимися и работодателями. Независимо от того, осуществляется ли труд в системе частной собственности на средства производства или в системе, где эта собственность подверглась своего рода «обобществлению», отношения между работодателем (прежде всего непосредственным) и работником должны строиться именно на основе справедливого вознаграждения за выполненную работу.

Следует также отметить, что справедливость той или иной социально-экономической системы, и во всяком случае ее правильное функционирование, в конечном счете должно оцениваться в соответствии с тем, каким образом в ней осуществляется вознаграждение за человеческий труд. И здесь мы снова сталкиваемся с первоосновой всего этико-социального порядка, т. е. с принципом общего пользования благами. В любой системе, независимо от характера отношений между капиталом и трудом, оплата, или вознаграждение за труд — это дверь, открывающая перед огромным большинством конкретный доступ к благам, предназначенным для общего пользования, будь то блага природные или произведенные промышленностью. И те и другие становятся доступными трудящимся благодаря заработной плате, которую они получают в качестве вознаграждения за свой труд. Следовательно, справедливая оплата труда в каждом случае становится конкретным мерилom справедливости любой социально-экономической системы, и во всяком случае мерилom ее правильного

функционирования. Это не единственное мерило, но оно обладает особым значением и в определенном смысле является ключевым.

Это мерило касается прежде всего семьи. Справедливое вознаграждение за труд есть вознаграждение, достаточное для основания семьи, для обеспечения ее достойного существования и для ее будущего. Такое вознаграждение за труд может быть осуществлено с помощью так называемого семейного жалованья, т. е. того единственного жалованья, которое получает глава семьи и которого достаточно для удовлетворения жизненных нужд семьи, так что жене не приходится брать работу вне дома. Вознаграждение за труд может быть осуществлено также с помощью других социальных мероприятий, таких как пособие на семью или пособие на неработающую мать семейства. Эти пособия должны отвечать подлинным семейным нуждам, т. е. соответствовать числу иждивенцев, и должны выплачиваться до тех пор, пока люди не смогут по-настоящему встать на ноги.

Опыт указывает на необходимость социальной переоценки материнских обязанностей, материнских трудов, ухода, в котором нуждаются дети, любви и теплоты, необходимых для их внутреннего становления, для достижения нравственной и духовной зрелости и психологического равновесия. Достойно великой похвалы общество, которое, не нарушая свободы матери, не дискриминируя ее в психологическом или материальном отношении и не унижая ее перед другими женщинами, дает ей возможность растить своих детей и успешно решать воспитательные задачи, разные для каждого возрастного этапа. Но если мать вынуждена оставить эти стоящие перед ней задачи и взять на стороне работу, которая, быть может, противоречит ее материнской миссии или затрудняет ее исполнение, — тогда мы имеем дело с несправедливостью как с точки зрения общественного, так и семейного блага.

В свете сказанного следует подчеркнуть, что в более широком плане необходима такая организация труда, которая учитывала бы конкретные требования человека и условия его существования, прежде всего условия его семейной жизни. При этом следует принимать во внимание

возраст и пол каждого. Хорошо известно, что во многих обществах женщины заняты почти во всех секторах социальной жизни. Тем не менее необходимо, чтобы женщины, соответственно особенностям своей природы, могли по-настоящему разрешать стоящие перед ними задачи. Необходимо бороться со всякой дискриминацией женщин. Не следует отстранять их от той работы, которую они способны выполнять. Но необходимо также уважать их семейные чаяния, ту особую, по сравнению с мужчинами, ответственность, которая лежит на них в деле созидания общественного блага. Подлинное повышение жизненного и культурного уровня женщины требует такой организации труда, при которой женщина не платила бы за это повышение отказом от присущих ее природе особенностей. Нельзя допускать, чтобы такое повышение наносило урон семье, в которой женщина как мать незаменима.

Помимо заработной платы свою роль играют разные социальные выплаты, обеспечивающие жизнь и здоровье тружеников и их семей. Расходы на необходимое лечение, особенно когда это касается несчастных случаев на производстве, не должны преграждать трудящимся доступ к медицинскому обслуживанию. Эти расходы по возможности должны быть сведены к минимуму или даже вообще упразднены. Другой сектор социального обеспечения связан с правом на отдых. Здесь мы имеем в виду прежде всего регулярный еженедельный отдых, по крайней мере в воскресенье, и другой, более длительный, так называемый ежегодный отпуск, который в некоторых случаях может в течение года браться по частям. И наконец, мы имеем в виду право на пенсию, на страхование по старости и страхование на случай производственных травм. В рамках этих основных прав развилась целая система прав более частного характера. Вместе с вознаграждением за труд они являются тем мериллом, с помощью которого можно определить степень справедливости в отношениях между работником и работодателем. Никогда не следует забывать, что среди этих прав имеется также право на такое рабочее место и такую технологию труда, которые не наносили бы ущерба ни физическому, ни моральному здоровью работника.

20. ЗНАЧЕНИЕ ПРОФСОЮЗОВ

На основе всех этих прав и на необходимости защиты их самими трудящимися утверждается еще одно право: право на создание ассоциаций, т. е. право объединяться, соединяться во имя защиты жизненных интересов людей разных рабочих профессий. Такие объединения называются профсоюзами. До известной степени жизненные интересы трудящихся являются общими для всех людей. Но вместе с тем, всякая работа, всякая профессия обладает собственной спецификой, которая должна особым образом отражаться в деятельности этих объединений.

В известном смысле предшественниками профсоюзов были средневековые цеха ремесленников, поскольку эти цеха собирали людей одной профессии, т. е. объединяли их по роду выполняемой ими работы. Однако профсоюзы существенно отличаются от средневековых цехов: современные профсоюзы возникли как следствие справедливой борьбы трудящихся, мира труда, и прежде всего промышленных рабочих, за свои права; профсоюзы были созданы для защиты этих прав от предпринимателей и владельцев средств производства. Задача профсоюзов — защита жизненных интересов трудящихся, защита этих интересов там, где правам трудящихся наносится ущерб. Исторический опыт показывает, что организации подобного типа составляют необходимый элемент социальной жизни, особенно в современных индустриально развитых странах. Но это не означает, что подобные объединения могут создаваться лишь промышленными рабочими. Трудящиеся всех профессий могут создавать такие союзы, защищая свои конкретные права. И действительно, существуют профессиональные объединения работников сельского хозяйства, работников умственного труда, а также руководителей промышленных и коммерческих предприятий. Как уже было сказано, все эти объединения разделяются на группы и подгруппы соответственно своей профессиональной специализации.

Согласно католическому социальному учению, профсоюзы не есть лишь некое отражение «классовой» структуры общества. Согласно этому учению, они также и не глашатай классовой борьбы, которая якобы неизбежно должна опре-

делять социальную жизнь. Но безусловно можно сказать, что профсоюзы являются представителями трудящихся в их борьбе за социальную справедливость, за свои права, которые в каждом случае определяются конкретной трудовой профессией. Вместе с тем эта «борьба» должна рассматриваться как естественное устремление к подлинному благу. Мы имеем в виду благо, соответствующее нуждам и заслугам трудящихся, объединившихся на основе профессиональной принадлежности — но эта борьба не есть борьба «против» других. Если же, в случае возникновения спорных вопросов, эта борьба принимает характер некоего противодействия другим, это происходит потому, что цель борьбы есть то благо, каким является социальная справедливость, а не борьба ради борьбы или уничтожения противника. Отличительное свойство труда заключается прежде всего в том, что он, труд, объединяет людей, и именно в этом социальная сила труда, сила, созидаящая общину. В конечном счете эту общину должны тем или иным образом составить как трудящиеся, так и те, кто располагает или владеет средствами производства. С точки зрения этой фундаментальной структуры, свойственной любому труду, т. е. с точки зрения того факта, что в конечном счете труд и капитал суть необходимые составляющие всего производственного процесса, независимо от характера социальной системы, — союз людей, объединившихся ради защиты своих неотъемлемых прав, союз, рожденный трудом, остается творческим элементом в отношении социального порядка и солидарности. И об этом никогда нельзя забывать.

Разумные усилия, предпринимаемые для защиты прав трудящихся, объединенных общей профессией, должны постоянно увязываться с реальными возможностями, вытекающими из общего экономического положения данной страны. Профсоюзные требования не должны выливаться в своего рода групповой или классовый «эгоизм». Однако с точки зрения общего блага данного общества профсоюзы могут и должны стремиться к исправлению всех неполадок в системе частной или государственной собственности на средства производства — как в отношении использования этих средств, так и в отношении их распределения. Очевидно, что социальная жизнь и жизнь социально-экономическая

представляют собой своего рода систему «сообщающихся сосудов», так что всякая общественная деятельность, связанная с защитой прав отдельных групп, должна с этим считаться.

И в этом смысле деятельность профсоюзов несомненно входит в сферу политики, понимаемой как тщательное попечение об общем благе. Но в то же время профсоюзы не должны заниматься «политикой» в том смысле, который теперь, как правило, придается этому слову. По своей природе профсоюзы не являются политическими партиями, борющимися за власть. Профсоюзы ни в коем случае не должны подчиняться решениям политических партий, иметь с ними слишком тесные отношения. Действительно, оказавшись в таком положении, профсоюзы сразу же теряют свою особую роль — ради блага всего общества служить защите законных прав трудящихся. Попав под эгиду политических партий, профсоюзы становятся орудием для достижения иных целей.

Говоря об охране законных прав трудящихся, прав, вытекающих из конкретных особенностей той или иной профессии, необходимо, разумеется, уделять все большее внимание тем факторам, от которых в каждом отдельном случае зависит субъективный характер труда, но в то же время — и это, может быть, еще важнее — уделять внимание всем тем факторам, которые обуславливают собственное достоинство субъекта труда. И здесь для профессиональных объединений раскрывается многообразное поле деятельности. В сферу такой деятельности входят усилия, направленные на улучшение системы образования, самообразования, воспитания. Весьма похвальна деятельность школ, так называемых рабочих университетов, а также курсов повышения квалификации, которые осуществляют и развивают деятельность подобного типа. Необходимо постоянно заботиться о том, чтобы благодаря профсоюзной деятельности труженики не только могли больше «иметь», но также, что еще важнее, могли бы полнее «быть», т. е. могли бы более полно и всесторонне реализовать свою человеческую природу.

Защищая законные права своих членов, профсоюзы также прибегают к «забастовке» т. е. к приостановлению работы, являющемуся своего рода ультиматумом, обращен-

ным к компетентным организациям и прежде всего работодателям. Католическое социальное учение признает законность такого метода в определенных обстоятельствах и в разумных пределах. Трудящимся должно быть обеспечено право на забастовку, за свое участие в забастовках они не должны подвергаться судебным преследованиям. Мы признаем это право справедливым и законным; однако следует подчеркнуть, что забастовка остается в некотором смысле крайней мерой. Нельзя злоупотреблять этим средством: особенно опасно это тогда, когда забастовку используют в политической игре. К тому же никогда не нужно забывать о том, что обслуживание, существенно необходимое для жизни общества, должно быть обеспечено при всех обстоятельствах, для чего, в случае необходимости, следует прибегать к соответствующим законным мерам. Злоупотребление забастовкой может привести к тому, что вся общественно-экономическая жизнь будет парализована. А ведь это противоречит требованиям блага всего общества, блага, которое в той же мере соответствует правильно понятой природе самого труда.

21. ДОСТОИНСТВО СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ТРУДА

Все, что до сих пор было сказано о достоинстве труда, о причинной и предметной стороне человеческой работы, непосредственно относится и к сельскохозяйственному труду, к положению человека, обрабатывающего землю, выполняющего тяжелые полевые работы. Сельское хозяйство представляет собой чрезвычайно широкий сектор труда; этот сектор не ограничивается ни каким-либо одним материком, ни, тем более, каким-либо одним обществом, уже достигшим определенного уровня развития и прогресса. Сельское хозяйство, дающее обществу необходимые для его ежедневного существования блага, обладает непреходящим значением. Жизненные условия мира деревни, условия сельскохозяйственного труда повсюду различны, как и условия социального существования тружеников сельского хозяйства той или иной страны. Это зависит не только от уровня развития сельскохозяйственной техники, но также,

быть может в еще большей степени, от признания законных прав тружеников полей и, наконец, от уровня социально-этического сознания в области труда.

Полевой труд сопряжен с большими трудностями, в частности с продолжительными и зачастую изнуряющими физическими усилиями, а недостаточное уважение к нему со стороны общества порождает в крестьянах чувство некоей социальной «покинутости» и ускоряет массовый уход людей из деревни в города, где, к сожалению, условия их существования становятся еще более «обесчеловечивающими». К этому прибавляется недостаточная профессиональная подготовка, нехватка необходимого оборудования, некий скрытый индивидуализм, а также объективно несправедливые условия существования. В некоторых развивающихся странах миллионы людей вынуждены обрабатывать чужую, не принадлежащую им землю. Они подвергаются эксплуатации со стороны крупных землевладельцев. У этих миллионов людей нет никакой надежды когда-нибудь получить в собственное владение хотя бы небольшой надел земли. Для сельскохозяйственного труженика и его семьи не существует никаких форм страхования по старости или болезни, никаких пособий по безработице. За продолжительную и тяжкую физическую работу платят гроши. В то же время пригодная к обработке земля зачастую не используется крупными землевладельцами, а права крестьянина, владеющего на законном основании небольшим наделом земли, обрабатываемым им на протяжении десятков лет, ни во что не ставятся. И он не может защититься от «алчущих земли» людей или более мощных групп. Но даже в экономически развитых странах, где научные исследования, технические достижения и государственная политика поставили сельское хозяйство на очень высокий уровень, право на труд также может нарушаться. Это бывает, например, когда крестьян лишают права голоса при определении сельскохозяйственной политики или когда отрицают их право создавать свободные профсоюзы, которые способствовали бы настоящему повышению социального, культурного и экономического уровня жизни тружеников села. Следовательно, в очень многих случаях необходимы коренные и срочные изменения, с тем чтобы вернуть сельскому

хозяйству и крестьянскому труду их подлинное значение — основы здоровой экономики, определяющей развитие всего общества.

Поэтому необходимо постоянно говорить о достоинстве труда, всякого труда, и прежде всего сельскохозяйственного, бороться за достоинство человеческого труда, благодаря которому человек столь совершенным образом «покоряет» полученную в дар от Бога землю и утверждает свое господство над миром видимым.

22. ИНВАЛИДЫ И ТРУД

Не так давно разные государства и международные организации обратили внимание на другую связанную с трудом проблему, чреватую многочисленными последствиями. Мы имеем в виду проблему инвалидов. Каждый из них также является в полном смысле слова человеческой личностью и в силу этого обладает естественными, священными и неотъемлемыми правами. Несмотря на ограниченность их физических возможностей и телесные страдания, в них с еще большей силой раскрывается достоинство и величие человека. Инвалид это человек, обладающий всеми правами, поэтому необходимо облегчить ему участие во всех сферах жизни общества на всех доступных ему уровнях. Инвалид это человек среди других людей, человек, в полной мере обладающий богатствами человеческой природы. Предоставление права на участие в социальной жизни и, следовательно, права на труд лишь людям физически полноценным означало бы глубочайшую несправедливость по отношению к человеку, обернулось бы отрицанием самой сущности человеческой природы, ибо, поступая таким образом, вызывают к жизни весьма опасную форму дискриминации — дискриминации слабых и больных по отношению к сильным и здоровым. Труд, с точки зрения его предметного смысла, и в этом случае должен служить не экономической выгоде, но достоинству человека — причины труда.

Следовательно, разным трудовым инстанциям — работодателям как непосредственным, так и косвенным — надлежит применять соответствующие эффективные меры,

направленные на улучшение и расширение возможностей инвалидов в области профессионального образования и труда, с тем чтобы эти люди смогли соответственно своим возможностям принять участие в производственном процессе. И здесь возникают многочисленные проблемы — практические, законодательные и экономические. Тем не менее обществу, т. е. органам государственной власти, промежуточным ассоциациям и группам, предприятиям и самим инвалидам надлежит внести свою лепту в общую копилку идей и материальных средств, дабы достичь той цели, которой ни в коем случае нельзя пренебрегать: предоставить инвалидам работу согласно их возможностям, ибо этого требует достоинство человека — причины труда. Каждое общество может и должно выявить внутри себя соответствующие структуры, с тем чтобы найти или создать для этих лиц обычные или специально приспособленные рабочие места — как на государственных и частных предприятиях, так и на предприятиях и местах, созданных или предназначенных для трудоустройства инвалидов.

Инвалиды — труженики среди других тружеников. Поэтому необходимо уделять большее внимание психологическим и физическим условиям труда инвалидов, справедливой оплате их труда, возможности повышения их жизненного и культурного уровня, а также прилагать все усилия для устранения стоящих перед ними в обществе препятствий. Мы вполне понимаем, что эта задача сложная и трудная, и тем не менее желаем, чтобы правильное понимание труда, взятого в его причинном смысле, содействовало бы созданию положения, при котором инвалид чувствовал бы себя не в стороне от мира труда или в униженной зависимости от общества, но сознавал бы себя подлинным субъектом труда, обладающим полными правами, чувствовал бы себя полезным обществу, чувствовал бы, что его человеческое достоинство уважают и что он призван, согласно своим возможностям, внести свой вклад в работу на благо своей семьи и всего общества.

ТРУД И ПРОБЛЕМА ЭМИГРАЦИИ

Наконец, скажем хотя бы несколько слово о проблеме

эмиграции в поисках работы. Эмиграция такого рода явление очень древнее. Она никогда не прекращалась, а сегодня возросла до таких размеров, что это даже усложнило современную жизнь. В поисках лучших условий существования каждый человек имеет право по разным причинам покинуть свою родину, также как и вернуться обратно. Несомненно, такое явление вызывает разные затруднения. Прежде всего это, в общем, наносит ущерб стране, из которой эмигрируют. Ибо из страны уходит человек, член великой общины, у которой есть своя история, своя традиция и культура. Этот человек начинает жить в среде другого общества, обладающего иной культурой и чаще всего иным языком. Так что страна эмиграции теряет человека — субъекта труда, который усилиями своей мысли и рук мог бы содействовать повышению общего блага своей страны, и в то же время эти усилия, этот вклад делается ради общего блага другого общества, которое, в определенном смысле, имеет на это меньше прав, чем родина, которую покинул эмигрант. И хотя с определенной точки зрения, эмиграция есть зло, все же можно сказать, что в некоторых обстоятельствах это зло необходимое. Следует предпринять все усилия — и по существу многое уже сделано, — чтобы это, так сказать, «материальное» зло не приводило бы к еще более тяжелым моральным потерям. Наоборот, нужно, чтобы это зло, эмиграция, насколько возможно, оказалось благом как в отношении страны, из которой он уехал, так и в отношении страны, в которую он прибыл. В этой области очень многое зависит от справедливого законодательства, особенно когда речь идет о правах трудящихся. Понятно, что в данном документе проблема эмиграции рассматривается прежде всего в связи с проблемами труда.

Самое важное следующее: человек, который трудится за пределами родной страны, будучи в стране пребывания или эмигрантом или сезонным работником, не должен подвергаться дискриминации в области прав, связанных с трудом. Труд рабочего-эмигранта должен оцениваться с помощью тех же критериев, которые используются при оценке работы всех других тружеников общества. Ценность труда должна определяться с помощью общего для всех мерила и не зависеть от национальных, религиозных или расовых разли-

чий. Тем более недопустимо использовать то зависимое положение, в котором находится эмигрант. Естественно, прежде всего должны приниматься во внимание квалификация и способность человека к труду. В то же время все связанные с его эмигрантским положением обстоятельства должны решительно отступать перед основополагающей ценностью труда, той ценностью, что связана с достоинством человеческой личности. Еще раз напомним самое главное, самое основное: подлинная иерархия ценностей, глубочайший смысл человеческого труда требуют, чтобы капитал был на службе труда, а не наоборот.

5. ДУХОВНЫЕ ОСНОВЫ ТРУДА

24. ОСОБАЯ РОЛЬ ЦЕРКВИ

Последнюю часть наших размышлений на тему труда, размышлений, вызванных девяностолетием со дня выхода в свет энциклики «Рерум новарум», мы посвятим духовным основам труда и рассмотрим эти основы, опираясь при этом на Евангелие. В силу того, что труд, в своем объективном измерении, есть всегда действие личности, *actus personae*, к труду, независимо от его характера — ручного или умственного, — причастен весь человек — и его тело и его дух. Равным образом ко всему человеку обращено слово Бога Живого, Евангельская Весть о спасении, содержащая в себе многие истины, касающиеся человеческого труда, истины, как-то по-особому освещающие его. Следовательно, нужно хорошо усвоить эти истины. Необходимо, руководствуясь верой, надеждой и любовью, сделать внутреннее духовное усилие, чтобы в свете этих истин раскрыть тот смысл конкретного человеческого труда, которым наделил его Сам Бог, тот смысл, благодаря которому труд стал одним из элементов нашего спасения, элементом обычным и в то же время обладающим особым значением.

Церковь считает своим долгом говорить о труде с точки зрения присущей труду человеческой ценности и того

морального порядка, частью которого он является. В этом она усматривает одну из тех важнейших задач, которые связаны с ее служением всей Евангельской Вести в целом. Вместе с тем Церковь считает своим особым долгом установление духовных основ труда, для того чтобы помочь всем людям продвинуться вперед к Богу, Творцу и Искупителю, приобщить их к Домостроительству спасения человека и мира, углубить в их жизни связь со Христом, помогая им по-настоящему приобщиться через веру к Его тройному служению — священническому, пророческому и царскому. Именно об этом с необыкновенной ясностью говорит в своем учении Второй Ватиканский Собор.

25. ТРУД КАК УЧАСТИЕ В ДЕЛАНИИ ТВОРЦА

Второй Ватиканский Собор говорит: «Верующим ясно, что человеческая деятельность как индивидуальная, так и коллективная, т. е. те великие усилия, которые люди в течение веков прилагали для улучшения условий своей жизни, — эта деятельность, рассматриваемая сама по себе, отвечает Божественному замыслу. Ибо человек, сотворенный по образу Божию, получил заповедь: подчинив себе землю и все, что есть на ней, управлять миром в праведности и святости и, признавая Бога Творцом всего, соотносить себя и совокупность всего с Богом, дабы с подчинением всего человеку имя Божие было прославлено по всей земле». В самой глубине Божественного Откровения скрывается та основная истина, согласно которой сотворенный по образу Божию человек через свою работу участвует в делании Творца и в определенном смысле, по мере своих возможностей, продолжает развивать и дополнять это делание, достигая все большего прогресса в раскрытии бесценных богатств, заключенных в сотворенном мире. Мы сталкиваемся с этой истиной уже в самом начале Священного Писания, в Книге Бытия, в которой само творческое делание Бога представлено в форме «работы», выполненной Богом за шесть дней, после чего Бог почил «на седьмой день». С другой стороны, в заключительной книге Священного Писания мы находим отзвуки такого же благоговения перед тем де-

ланием, которое Бог совершил посредством Своей творческой работы: «Велики и чудны дела Твои, Господи Боже Вседержитель». В этих словах отражается настроение Книги Бытия, в которой описание каждого дня творения завершается утверждением: «И увидел Бог, что это хорошо».

Это содержащееся уже в первой главе Бытия описание Творения есть вместе с тем — в определенном смысле — первое «благовестие труда». Ибо оно являет нам саму суть достоинства труда. Это благовестие учит нас, что через свой труд человек способен уподобиться Богу, своему Творцу, потому что человек — и только он один — заключает в себе нечто особое, что делает его подобным Богу. Человек должен уподобляться Богу и в труде и в отдыхе, так как Сам Бог пожелал явить ему Свое творческое делание как в виде Труда, так и в виде Отдыха. Это делание Бога в мире продолжается непрестанно. о чем свидетельствуют слова Самого Христа: «Отец Мой доныне делает...». Бог действует посредством Своей творческой мощи, поддерживая существование мира, призванного к бытию из небытия. Спасительная мощь Бога воздействует на сердца людей, от начала призванных к «покою», в единстве со Христом в «Доме Отца». Поэтому и человеческий труд не только требует отдыха «на седьмой день», но также не может ограничиться применением человеческих сил лишь во внешней деятельности. Труд должен заключать в себе некое пространство, внутри которого человек, все более становясь тем, кем он должен быть по Воле Бога, предуготовляется к тому «отдыху», который Господь предназначил Своим служителям и друзьям.

Согласно учению Собора, человек посредством своего труда участвует в делании Бога даже тогда, «когда выполняет самые повседневные дела. Ибо мужчины и женщины, которые трудятся ради поддержания своей жизни и жизни своей семьи и при этом стараются принести пользу обществу, могут справедливо считать, что своим трудом они продолжают дело Творца, служат своим братьям и вносят свою лепту в осуществление Божественного замысла в истории».

Следовательно, нужно чтобы это духовное, христианское понимание основ труда стало общим наследием всех людей. Необходимо — и особенно в нашу эпоху, — чтобы в основании

духовных основ труда проявилась та зрелость, которая одна может разрешить всю напряженность, что вызывает тревогу и озабоченность в человеческих умах и сердцах. «Христиане не считают, что дела, совершаемые гением и силой человеческими, противоречат Божественной власти и что разумное существо находится в соперничестве с Творцом. Наоборот, они убеждены, что победы рода человеческого являются знаменем величия Божия и плодом неизреченного Его замысла. Но чем более возрастает сила людей, тем шире становится их ответственность — ответственность как отдельных лиц, так и целых обществ... Христианское благовестие не отвращает людей от построения мира и не ведет их к пренебрежению благом своих ближних, но, наоборот, обязывает их все более этому содействовать».

Человеческий труд есть некое продолжение Божественного делания. Именно в этом коренится наиболее глубокое обоснование начинаний в самых разных областях жизни. «Поэтому верные, — читаем мы в конституции «Свет народам», — должны признавать, что все Творение, по своей глубочайшей природе, в силу присущей ему ценности и своего предназначения, есть слава Бога; в своей, даже чисто мирской, деятельности они должны помогать друг другу ради достижения более святой и совершенной жизни, дабы мир проникался Духом Христовым и, пребывая в правде, любви и мире, мог ближе подойти к своей цели... Своими познаниями в мирских науках и своей деятельностью, внутренне преображенной благодатью Христовой, они должны активно содействовать тому, чтобы блага Творения могли послужить людям... согласно замыслу Творца и свету Его слова и благодаря труду человека, его технике и культуре...».

26. ХРИСТОС — ЧЕЛОВЕК ТРУДА

Истина, согласно которой человек посредством своего труда участвует в делании Самого Бога, своего Творца, была особенно ярко раскрыта Иисусом Христом, тем Иисусом, о Котором многие из его первых учеников в Назарете «с изумлением говорили: откуда у него это? Что за премудрость дана Ему?... не плотник ли Он?...». И действительно, Иисус не

только провозглашал, но прежде всего практически осуществлял порученное ему «Евангелие», слово вечной мудрости. Поистине можно говорить о «Евангелии труда», ибо тот, кто провозглашал его, сам был тружеником, ремесленником, подобно Иосифу Назаретскому. И хотя в словах Христа нельзя найти какого то особого приказа трудиться — даже наоборот, по крайней мере один раз, Иисус запретил чрезмерно заботиться о работе и о средствах существования, — сама Его жизнь красноречиво свидетельствует о том, что Он принадлежал к «миру труда». Иисус ценил и уважал человеческий труд, и более того — Он с любовью смотрел на человеческий труд, на все его проявления, видя в каждом таком проявлении особое раскрытие подобия человека Богу Творцу и Отцу. Не Христос ли сказал: «Отец Мой — виноградарь...»? Не Он ли по-разному раскрывал в своем учении основную истину о труде, ту истину, которая уже была выражена всей ветхозаветной традицией, начиная с Книги Бытия? В книгах Ветхого Завета есть ссылки на труд, на разные трудовые профессии: врач, фармацевт, ремесленник или художник, кузнец — это слово можно применить к труду современных металлургов, — гончар, земледelec, мудрец, приносящий в тайны Писания, мореплавателe, каменщик, музыкант, пастух, рыбак. В Писании можно найти прекрасные слова, посвященные труду женщин. В своих притчах о Царствии Божиим Иисус Христос постоянно ссылается на труд пастуха, крестьянина, врача, сеятеля, хозяина дома, слуги, управляющего, рыбака, купца, рабочего. Иисус говорит также о разных женских работах; Он сравнивает апостольскую деятельность с ручным трудом жнецов или рыбаков. Иисус ссылается и на труд писцов.

Это учение Христа о труде, учение, которое Он практически осуществлял во время своей жизни в Назарете, очень ярко отразилось в учении апостола Павла. Павел, вероятнее всего занимавшийся изготовлением шатров, гордился своей профессией, благодаря которой он мог, оставаясь апостолом, сам зарабатывать себе на хлеб. «Мы занимались трудом и работою день и ночь, чтобы не обременить кого из вас». На этих словах основаны Павловы наставления о труде, по своему характеру назидательные и обязывающие. «Таковых... увещеваем и убеждаем Господом

нашим Иисусом Христом, чтобы они работали в безмолвии и ели свой хлеб», — пишет он Фессалоникийцам. При этом, замечая, что некоторые «живут бесчинно... ничего не делая», апостол решительно говорит: «Если кто не хочет трудиться, тот пускай и не ест». В другом месте он, наоборот, ободряет: «И все, что делаете, делайте от души, как для Господа, а не для человека, зная, что воздаяние от Господа вы получите в наследие».

Как мы видим, учение апостола народов обладает основополагающим значением для определения моральных и духовных основ труда. Это учение служит важным дополнением к великому, хотя и скромному Евангелию труда, которое мы находим в жизни Христа, в его притчах, во всем, что Иисус «сделал и чему учил». Просвещенная этой исходящей от Самого Божественного источника истиной, Церковь всегда возвещала то учение, которое на современном этапе было выражено Вторым Ватиканским Собором: «Но если человеческая деятельность исходит от человека, то она и предназначена для человека. Ибо человек, когда трудится, не только изменяет среду и общество, но и совершенствует самого себя. Он научается многому, развивает свои способности, выходит за пределы своего „я” и превосходит самого себя. Такого рода преуспевание, если оно правильно понимается, куда ценнее, чем накопление внешних богатств...

Отсюда исходит главная норма человеческой деятельности: согласно замыслу и воле Божией, эта деятельность должна содействовать истинному благу рода человеческого и давать человеку возможность, самостоятельно или вместе с другими, всесторонне развивать и исполнять свое призвание». Благодаря такому видению ценности человеческого труда, т. е. его духовности, мы можем во всей полноте понять учение Второго Ватиканского Собора об истинном значении прогресса. В том же месте Пастырской конституции «Радость и надежда» мы читаем: «Человек больше ценен тем, что он есть, чем тем, что он имеет. Равным образом, все, что люди делают для достижения большей справедливости, более широкого братства и более гуманного порядка в социальных отношениях, гораздо ценнее, чем технический прогресс. Ибо этот прогресс, хотя и может

служить материальной базой для человеческого совершенствования, однако сам по себе не способен привести к его достижению».

Это учение о человеческом прогрессе и развитии, привлекающих ныне столь пристальное внимание, может быть понятно лишь как плод испытанной веками духовности труда. Это учение может быть осуществлено и воплощено в жизнь лишь на основе такой духовности. Корни этого учения и программ, основанных на нем, лежат в «Евангелии труда».

27. ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ТРУД В СВЕТЕ КРЕСТА И ВОСКРЕСЕНИЯ ХРИСТОВА

Существует и другая, одна из наиболее существенных сторон человеческого труда, неразрывно связанная с основанной на Евангелии духовностью труда. Всякий труд — ручной или умственный — неизбежно связан со скорбью. Эта истина с необыкновенной яркостью выражена в Книге Бытия: изначальное благословение труда, коренящееся в самой тайне Творения и связанное с совершенствованием человека как образа Божьего, противопоставляется проклятию, которое принес с собой грех: «Проклята земля из-за тебя! Со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей». Эта присущая труду скорбь указывает на путь жизни каждого человека на земле; эта скорбь есть в то же время предвещение его смерти: «В поте лица твоего будешь есть хлеб твой, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят...». Этим словам, подобно эху, вторит один из авторов книг Премудрости: «И взглянул я на все, что я сделал своими руками, на всю ту скорбь, что сопровождала меня, когда я трудился». Нет такого человека на земле, к которому не относились бы эти слова.

В некотором смысле последнее слово Евангелия — даже относительно нашей темы — содержится в Пасхальной тайне Иисуса Христа. Именно здесь нужно искать ответ на вопросы, столь важные для понимания духовных основ человеческого труда. В центре Пасхальной тайны утверждён Крест Христа, утверждено Христово послушание вплоть до смерти, послушание, которое апостол противопоставляет непослуша-

нию, от начала истории обременившему жизнь человека на земле. Эта же тайна проливает свет на Вознесение Христа, Который, пройдя через смерть на Кресте, воскрес и вернулся к Своим ученикам, облеченный всей мощью Духа Святого. На земле человеческий труд неизбежно сопровождают пот и скорби. Именно благодаря им христианин и вообще всякий человек, призванный следовать за Христом, может через любовь стать причастным тому делу, которое пришел исполнить Христос. Это дело спасения было осуществлено через страдание и смерть на Кресте. Неся вместе с распявшимся ради нас Христом скорбь труда, человек таким образом как бы сотрудничает с Сыном Божиим в деле искупления всего человечества. Истинным учеником Иисуса являет себя тот, кто, трудясь, в свою очередь изо дня в день несет свой крест. Христос «принял смерть ради всех нас грешников. Своим примером Он учит нас, что мы также должны нести тот крест, который плоть и мир налагают на плечи тех, кто старается следовать путями правды и согласия». Но одновременно Христос, «ставший через Воскресение Господом», получивший всякую власть на небе и на земле, отныне действует в сердцах людей мощью Своего Духа... Христос очищает и укрепляет жертвенные усилия всей человеческой семьи, старающейся сделать жизнь более человеческой, подчинить этой цели всю землю». Через человеческий труд христианин хотя бы отчасти соединяется со Крестом Христовым, начинает нести этот Крест, общаясь к искуплению Христа, понесшего Свой Крест нас ради. Благодаря просвещающему нас свету Воскресения Христова мы постоянно обретаем в труде некую искру новой жизни, нового блага. В труде мы обретаем как бы знамение «нового неба и новой земли», к которым человек и мир становятся причастными именно через скорбь труда. Через скорбь и никогда без нее. И с одной стороны, это подтверждает, что Крест по необходимости связан с духовной стороной человеческого труда. Но с другой стороны, в этом Кресте, который есть скорбь, раскрывается новое благо, то благо, начало которому полагает сам труд, понимаемый во всей его глубине и во всех аспектах. Без труда невозможно обрести это новое благо. Это новое благо, плод труда человеческого, принадлежит ли оно уже, хотя бы

отчасти, той «новой земле», где обитает правда? И если верно, что многообразная скорбь труда человеческого есть малая часть Креста Христова, то как это новое благо связано с Воскресением Христа? Собор старается ответить также и на этот вопрос, черпая свет из источников Откровения: «Конечно, мы прекрасно знаем, что нет никакой пользы человеку, если он приобретет весь мир, а себя самого погубит. Но ожидание новой земли должно не ослаблять, а скорее пробуждать заботу о возделывании этой земли, где возрастает „тело“ новой человеческой семьи, в котором уже можно видеть некий прообраз нового века. Поэтому, хотя и следует тщательно отличать земной прогресс от возрастания Царства Христова, все же, поскольку этот прогресс может помочь лучшему устройству человеческого общества, он имеет большое значение для Царства Божия».

В наших размышлениях о человеческом труде мы постарались осветить все, по нашему мнению наиболее важные, его стороны, ибо через труд не только должны умножаться на земле «плоды нашей деятельности», но также должно утверждаться «достоинство человека, братское общение между людьми и свобода». Христианин, прилежатель слушанию слова Бога Живого и соединяющий труд с молитвой, да познает он, какое значение его труд имеет не только для земного прогресса, но также и для развития Царства Божия, к которому мы все призваны силой Духа Святого и словом Евангелия!

По окончании этих размышлений я счастлив преподать вам всем, досточтимые братья, дорогие сыновья и дочери, апостольское благословение.

Я хотел, чтобы этот документ был обнародован 15 мая 1981 г., в день девяностолетия со дня опубликования энциклики «Рерум новарум». Но я смог закончить свою работу лишь после выхода из больницы.

*Дано в Кастель Гандольфо, 14 сентября 1981 г.
в праздник Воздвижения Креста Господня, на третий год
моего Понтификата.*

ИОАНН-ПАВЕЛ II

КУЛЬТУРА И ВРЕМЯ

Ольга Меерсон

ПРОГУЛКА С ТЕРЦЕМ

В книгах, наиболее ярко раскрывающих личность Абрама Терца, в «Голосе из хора» и в «Мыслях врасплох» можно найти много интересного об искусстве, о прохожих, о снеге, о литературе, о страданиях, о звуках, о творчестве и о жене. Однако меня интересует больше всего одна из его тем — тема веры и я хочу пересказать ее здесь.

Часто приходится слышать возмущение против веры в Бога: «Как можно верить в Бога, когда миллионы страдают и погибают, а Бог молчит?!» (Впрочем, откуда известно, что Он молчит? Беседовал ли кто-нибудь когда-нибудь с одним из этих миллионов страдающих? Или же мы знаем только одну ужасную статистику? Или можно представить себе простого человека или даже своего приятеля и сказать: «вот таких погибло миллионы».) Терц так сказать не может, для него каждый в этих миллионах не «такой», а такой, какого уже не будет: «—Знаешь, папа, я очень боялся, что приедешь не ты, а мне скажут, что это — ты». (Вернувшемуся из лагеря). Потому он так внимателен к чужим голосам в хоре и предлагает нам свою книгу бесед с личностью из числа страдающих, ибо для него гибель приходит на миллионы, а спасается всегда личность. При этом у каждого из миллионов есть эта возможность стать личностью, каждый имеет шанс быть выслушанным Судьей и получить от Него единственный и неповторимый, для него одного предназначенный, ответ. Вероятно, в этом основное отличие Терца — слушателя и писателя — от диссидента: Терц хочет услышать ответ Бога для каждого. Потому не случайно его книга о лагере называется «Голос из хора». Ибо каждый голос в хоре делает хор

хором, а не толпой, и Терц прилагает все «свидетельские усилия», показывая, что у каждого в хоре — свой, личный, голос, что каждый в нем — личность. « — Моя жизнь у меня на лице написана! И все лицо — в каких-то шрамах, буграх. И острый нос заканчивался раздвоенным, на двух шарах, наконечником». Терц вслушивается в голоса в хоре, для него каждый, сидящий с ним, — не один из миллионов несправедливо посаженных, но отдельный обиженный человек, в судьбе которого и лагерь, и то, возмездие ли он или чистая несправедливость, играют свою неповторимую роль.

«— Жена сердится, что долго сижу. — Сколько уныния в этой реплике, и какая длинная жизнь лежит за нею!». Как много в этих словах жалости к этому вот одному: писатель расстраивается за него так (по качеству и осмыслению, а не по степени), как только Бог может расстраиваться за каждого. В этом он — пока единственный из лагерных свидетелей, кто постоянно прислушивается к диалогу Бога и человека, кто постоянно отыскивает в людях внутреннюю свободу, способную противостоять тюремной несвободе.

« — Андрей, а что ты думаешь о драконах?

— ?!

— Куда они подевались?»

Одна моя знакомая возмущенно говорила: «Как Синявский может писать о таких пустяках из лагеря?» (Сама она в лагере не сидела, но много о нем слышала). Здесь любовь к форме, будь она неладна, — позволяет воспринимать ужасное как банальное или — воспринимать банально. А ведь надо испытывать большое доверие к человеку, чтобы спросить у него на нарах так по-детски о драконах, когда тебя каждый день и так окружают вещи пострашнее драконов.

Собственно, ее жалоба — на недостаток гражданственности, глобальности обличения Терца. Но что может с бóльшим основанием быть названо мировой скорбью:

«О Земле, на которую сбросят водородную бомбу: — С орбиты она не сойдет, конечно, но содрогнуться она содрогнется». Тут обсуждаются не законы физики, а некая эмоциональная кондиция, здесь — уподобление нашему душевному содроганию от страдания. Так, полужаргонно, можно сказать о пережившем горе: «свихнуться не свихнется, но содрогнется». В

этом — и образ долготерпения и скудость выражения в страдании.

Бог и ближний так связаны для Терца, что коллизия разделения и противопоставления двух заповедей вызывает у него добрейшую иронию:

«— Нет, есть Бог. Кто скажет — Бога нет, я тому глаз выколю.» Каждый человек в обиженности своей беспомощен, как ребенок, подчас не может выразить свою боль, но автор и в безграмотности жалобы являет индивидуальность пережитого страдания: «— Женой я изменен. (Поэма из личной жизни)».

Дорожа личностью ближнего Терц любит в нем и грустный юмор несбывшихся притязаний, потому что он тоже всегда неповторим («Мне больше подходят женщины типа мадам Бовари»). Так же, как неповторима лично и «дикая поэзия» отношения к женщине: «— Златогривая еврейка».

Неповторимы в нас даже глупые желания, бредовые мечты о ненужном, или неосновном. И в них человек раскрывается в своей цельности: «— Купите туфли — и вы сразу почувствуете себя королем Лиром». Автор изречения и не подозревает, что судьба босого предпочтительнее судьбы обутого, но короля Лира: фигура Лира предносится ему лишь в аспекте королевства. Терц-то знает Шекспира и все равно с нежностью вспоминает изречение.

В множестве похабщины (из которой Терц выбирает литературные перлы) он умеет найти детскую чистоту преклонения, как бы очищает ближнего своею любовью. Он внимателен к грустной фразе — «Из уст ее должны только красивые слова исходить, а она ругается!». «— Я при женщине еще ни разу не заругался». Терц понимает, что сказавший видит в том, чтобы не заругаться, личный подвиг и потому он, Терц, оценивает это рыцарство по заслугам.

Терц никого не судит, и потому сама постановка вопроса о «миллионах» ему чужда. Он недвусмысленно выражает свою точку зрения на окружающее — прежде всего, как на страдание, а не беззаконие по чьей-то вине: «Мне кажется, „Бедные люди“ Достоевского родились по звуковой аналогии и по контрасту с „Мертвыми душами“. — Не мертвые души, — спорит Достоевский (и очень при этом сердится), — а бедные люди!»

Личность — нечто несомненное для каждого. Потерять ее — быть презренным: «— И ты был когда-то „Я“!»

Ведь для Терца личность, личностность — прежде всего тайна, чудо: «Странно, что просыпаясь я всегда оказываюсь — я. На чем это держится?»

Чудо того, что личность непрерывна, больше того, «на чем держится», скажем, Земля. Ведь не могло же, в самом деле, быть и вообразимо, что единство «меня» держится на трех китах! Вот это — тайна, так тайна.

Каждый из погибающих миллионов умирает отдельно. Но и преодолевает он смерть, как личность:

«— Дал простор фантазии, написав на запретке: «Не бойтесь смерти.» «— Я не хотел жить, когда впервые услышал о смерти.»

Нам, в общем, ни к чему спрашивать, зачем Бог, если миллионы страдают, потому что оказывается, что у каждого в результате опыта его неповторимого страдания появляется свой ответ на этот вопрос:

«— Господь устраняет меня из любви ко мне, я подумал. Чтобы я лишнего не нагрешил. (Перед расстрелом)».

Что может противопоставить атеист *этому* свидетельству о Боге? А вот — свидетельство внутренней борьбы, достойное страниц «Иова» и «Добротолубия»: «— Дьяволу все люди не нужны. Ему нужны некоторые. Я — ему нужен. Но я не поддамся!»

Ропшущие против Бога на основе статистики, в сущности, как бы безответственно исключают самих себя из происходящего. Насколько больше личной ответственности в благодарности Ему, что спас *тебя* от греха, удержал руку:

«— За что я благодарен Господу, так это — что за всю мою жизнь не убил никого. А сколько было случаев!..»

Наряду со многими современными авторами России Терц свидетельствует о лагерях и его герой номинально — тот же, что и у всякого лагерного свидетеля — зэк, но Терц любит его и от его любви зэк становится лучше, дороже всего зэку становится его душа.

— «Справедливостью моей души заявляю!»

«— Чтоб я кошкой интересовался?! Да я душе своей не рад!»

А вот свидетельство о том, как личностно понимается спасение.

«— Приснилось: двое хотят зарезать. С одной стороны и с другой. Никуда не скроешься. И я — улетел!» Тут уж ясно, что не кто-нибудь спасся, а именно он.

А вот — личность, для которой страдание — дело и его надо сделать, но Бог неожиданно облегчил: латыш, бегун, срок 25 лет. Снится сон, что бежит 25-ти километровую дистанцию. Вдруг на половине дистанции мягкий голос судьи: «Хватит, довольно». Наутро просветленный умирает. До конца срока не дожил ровно 12 лет и 6 месяцев. Что может быть определеннее такой судьбы?

И свидетельство «очевидцев» о Воскресении (казалось бы, какая чепуха людям в голову лезет в лагере?!)

«Сценарий из сна... Похороны. Гроб. Попрошавшись, уходим. В автобусе натыкаемся: он самый, живой! Не знаю, что и подумать. Едва решил заговорить, смотрю — под нашим автобусом — высунувшись из окна — под колесами — клубящиеся, как дым, облака...»

Часто Терц выступает в роли настоящего летописца, ставя себе целью донести до нас историю русской святости:

«Перед допросом в тюрьме у нее было видение. Явились Никита Мученик и Иоанн Воин: — Раиса, помнишь ли слово „не знаю“?!»

Один из серьезных вопросов, которые нам (или Терцу) могут поставить — это сомнение в том, так ли уж был тяжел лагерь времен и порядков 60-х годов как, скажем, лагерь Колымы. Действительно, свидетель Колымы — Шаламов пишет менее «цветисто», более сурово, чем Терц, и он имеет на то достаточные основания. Но есть разница и в отношении:

«Мы самими собой заглушаем этот Голос и говорим: — Помогите! А Он отвечает: — Я с тобой. Я же с тобой. Неужели ты не слышишь?» — Это Терц. Шаламов считает, что человека можно уничтожить совершенно (как личность), и свидетельство его более чем достойно доверия. Но важно и то, что Терц слушает Голос, а Шаламов нет — он полагается лишь на себя. Отсюда, на мой взгляд, разница в отношении к последним подонкам лагеря: блатным. Шаламов законно ненавидит их, потому что они — очередная форма вполне официозного кошмара. Обычно этому противопоставляется «романтика», что, конечно же, несостоятельно и просто негуманно. Но Терц (занимающийся и «блатным литературоведением») противопоставляет этому нечто иное, *отношение исключительно религиозное, хотя и выходящее за рамки христианской догматики:*

«... Но я ни о чем не догадывался, пока в какой-то вечер не заговорил о разбойнике, распятом вместе с Христом. Не о том,

который покаялся, но о втором разбойнике, который, как известно, не поверил в Христа и погиб.

— А вы знаете, — сказал он загадочно, и у меня по спине пробежали мурашки, — и второй разбойник спасен... Да, он тоже спасся... Только об этом никто не знает... — И из всезнающего глаза — слеза...»

Невольно вспоминаешь притчу Иисуса о должнике, которому много простилось и он много возлюбил. Тогда «можно понять» точку зрения Терца.

Терц верит в способность покаяния даже у самых «завзятых». Примеров того, как в лагере человеческая душа открывается явлениям, совершенно чуждым ей прежде, у него достаточно. Вот один из них:

«— Выслушал он все разъяснение Апокалипсиса, внимательно слушал, часа два, не перебивая... и с тоской говорит: — Ох, попался бы ты мне два года назад, ведь я бы с тебя всю шкуру спустил!»...

Какое за этим стоит преобразование личности в эти 2 года, — и по отношению к «фраеру», и по отношению к Апокалипсису, как данности!

Терц в «Голосе из хора» «выискивает», обретает во всем Бога. Это, безусловно, аполитично. Но как всегда, поиск Бога — конкретное целебное средство, ибо его аполитичность противопоставляется конкретному, политическому злу. Когда есть такая твердая пристань, отступает страх перед жизнью:

«— Я с шестнадцати лет — как рыба в воде».

Терц не считает нужным доказывать свое видение Бога во всем, но по праву считает способность к этому видению (в других) счастьем:

«— Смеялись над ним. Особенно-один подполковник из бытовиков. Я, говорит, подполковник, а никакого Бога за всю свою жизнь не встречал. Где Он — твой Христос? Хоть кто-нибудь когда-нибудь Его видел?

— А я, отвечает, каждый день Его вижу».

Однако это не просто «концепция» Терца и даже не просто помогающая жить и выжить концепция, но реальная способность любви, которая и к нему вызывает любовь у окружающих сидельцев:

«Я за вас, А. Д., две свечи поставил — по 60 копеек.»

«Мысли врасплох» — это еще одно свидетельство, но уже о своем, о внутреннем, это как бы «дневник совести». Если в «Голосе из хора» существенным в ответе на вопрос, почему можно и осмысленно искать спасения, когда все гибнут и все рушится, было то, что спасается *каждый* из всех, лично, то в новой книге существенно уже то, что спасаешься *ты*, и каждый «ты». Потому и стиль книги в своем роде деловитый.

«Жизнь человека похожа на служебную командировку. Она коротка и ответственна. На нее нельзя рассчитывать, как на постоянное жительство, и обзаводиться тяжелым хозяйством. Но и жить спустя рукава, проводить время, как в отпуске, она не позволяет. Тебе поставлены сроки и отпущены суммы. И не тебе одному. Все мы на земле не гости и не хозяева, не туристы и не туземцы. Все мы — командировочные».

Эта фраза — не простая констатация факта, против которого «не попрешь» — здесь совершен уже нравственный выбор. Терц соглашается принять личную ответственность, ибо он определяет, что для человека мир — не данность и не вотчина, но предмет творчества, хотя и мучительного. Отсюда и отношение к смерти, как к итогу сделанного:

«Надо бы умирать так, чтобы крикнуть (шепнуть) перед смертью:

— Ура! Мы отплываем!»

Разумеется, Терц верит: итог не может быть пустотой, он — воскресение. Иначе это не итог, а обрыв, что для него совершенно неприемлемо.

«Смерть сообщает жизни сюжетную направленность, единство, определенность.

...По сравнению с умершими (в особенности литературными персонажами) мы выглядим недотянутыми, недоразвитыми. Такое чувство, как если б у нас грудь и голова терялись в проблематическом тумане. Потому мы так неуверенны в оценке себя, в понимании своей роли, судьбы и места... конец — всему делу венец».

Поскольку для Терца смерть — итог, человек всегда волен выбрать, *чему* ей быть итогом, как прожить. Волен он и выбрать, будет ли она итогом вообще: жить, как в командировке — да; а спустя рукава — смерть будет, как тать в ноши. То есть оказывается, что выбирая нравственный путь жизни, человек выбирает себе смерть, что смерть праведного — совсем не то,

что смерть несправедливого, опять-таки, что в жизни каждого «тебя» она значит свое.

Впрочем, не следует заблуждаться. Терц далек от мыслей о «возмездии» и «загробном» воздаянии, аде или рае. Он меньше всего хочет мистики, пролезть в то, что скрыто. Для него ад и рай — не элементы загробной жизни (для него вообще нет загробной жизни, а есть воскресение, о чем говорит хотя бы история о сне с автобусом в облаках), а нечто, что можно увидеть рядом. Вот ад (правда, тут есть некоторые сомнения в собственной прозорливости, что тоже характерно для автора):

«Не исключена такая возможность, что на земле — ад. Тогда все понятно. А если нет? Господи, тогда как?»

А вот и Рай:

«Природа прекрасна под влиянием Божьего взгляда. Он молча, издали смотрит на кучи деревьев — и этого достаточно».

Однако это не значит, что Терц дерзко не боится будущего воскресения: «Когда все тайное станет явным — понимаете? — все. То-то мы сядем в калошу.» Есть у него и робкая попытка представить себе, как больно видеть нас Тому, Кто видит все:

«Почему Христос никогда не улыбается? Не потому ли, что в тюрьме, где сидят приговоренные к казни, смех неуместен?..»

При таком, терцевском, осмыслении жизни и смерти оказывается, что страх смерти, как таковой — низость:

«Как вы смеете бояться смерти?! Ведь это все равно, что струсить на поле боя. Посмотрите — кругом все валяются. Вспомните о ваших покойных стариках-родителях. Подумайте о вашей кузине Верочке, которая умерла пятилетней. Такая маленькая, а пошла умирать, придушенная дифтеритом. А вы, взрослый, здоровый, образованный мужчина, боитесь... А ну — перестаньте дрожать! веселее вперед! марш!»

В этом — опять же — не удалость, не разухабистость, что де «помирать, так с кузиной Верочкой», но сознание, что умирают и те, кто лучше меня, невиннее меня, что смерть «функциональна», несет творческий смысл. Потому, а вовсе не по цинизму говорит Терц: «веселее!»

Ведь вера — это доверие Богу, умение не только принять Его, как существующий факт, но и положиться на Него, как на личность:

«У меня перегорели пробки. Я очень грустил и просил Бога помочь. И Бог послал мне Монтера. И Монтер починил пробки.» Терц здесь мимоходом восстанавливает в правах злосчастного

Монтера, который в советском анекдотическом фольклоре (удивительным ценителем которого является Терц) уже давно утвердился, как наглый гордец—атеист, узурпировавший функции Вседержителя, кошунственно поставивший себя на одну доску с Творцом и, естественно, потерпевший фиаско («Да будет свет — сказал монтер, — и сделал замыкание»). Происходит двойное чудо: сбывается молитва, пускай самая «бытовая», и низверженный, недостойный персонаж возведен в ранг посланца, ангела.

Вера Терца не просит чудес и знамений, но как всякое интимное общение с любимым, она хочет обусловленного знака понимания, часто ничего не говорящего никому, кроме влюбленных (так — даже лучше).

«Господи, дай о Себе знать. Подтверди, что Ты меня слышишь. Не чуда прошу — хоть какой-нибудь едва заметный сигнал. Ну пусть, например, из куста вылетит жук — ведь вполне естественно...» Тут — не желание чудес и знамений, но ощущение того, что то, что для других — обыденность, для тебя — живая связь. Невольно вспоминаются условные посвисты влюбленных в саду, рыцарская любовь св. Франциска к Богу и пр.

Для Терца доверие к Богу научает доверять и ближнему (или, по крайней мере, доверять Богу, что Он не даст ближнему тебя зарезать):

«Идет он по лесу. Навстречу — трое в лаптях. Он подошел к ним и говорит:

— Я вас, братцы, боюсь. Вас — трое, я один.

— Давай, — говорят они, — мы сядем на травку, чтобы тебе нас не бояться. А ты стань поодаль, шагах в десяти, и будем разговаривать.

Уселись трое и спрашивают:

— Нет ли хлебца? Три дня не ели.

Он отдал им хлеб, какой был у него, и ушел. Потом их поймали и в городе расстреляли.»

Доверие разрушило магию страха, и в цепи преступлений образовался прорыв: доверившийся не культивировал страх и не успел подумать, что они — разбойники; они не повели себя с ним как разбойники, так они перестали быть разбойниками, хотя где-то и выяснилось потом, что они разбойники. Как будто Господь прятал их от искавших до этого дня, чтобы дать им явиться на Свой Суд раз оправданными, избежавшими последнего преступления.

Кончается прогулка с Терцем. Остается его понимание веры. Не веры в гуманизм, которая может сломиться перед картиною зверств, или веры в спасение, которая рассыпается от страха смерти, или в оригинальность, которая способна презирать смирение ближнего. Но другая вера, вера в Бога, которая научает верить в гуманизм, несмотря на зверства, в спасение, преодолевая страх смерти надеждою воскресения, в «оригинальность», несмотря на многие унижения, потому что знаешь, вслед за Терцем, что «Господь предпочитает тебя». Терц где-то пишет, что предложи ему спасение души без Бога или Бога и его погибшую душу, он бы согласился на второе, и не от небрежения о душе, но от того, что без Бога ему никак невозможно.

«Верить надо не в силу традиции, не из страха смерти, не на всякий случай, не потому, что кто-то велит или что-то пугает, не из гуманистических принципов, не для того, чтобы спастись и не ради оригинальности; верить надо по той простой причине, что Бог есть».

ЗАПАДНЫЕ АДВОКАТЫ В СОВЕТСКОМ СУДЕ

К 60-летию первого показательного процесса

Когда датский адвокат советского политзаключенного Анатолия Марченко Торкиль Хойер пришел в конце августа 1981 года в советское посольство в Копенгагене с просьбой выдать ему въездную визу в город Владимир, где он должен был участвовать в процессе Марченко, то получил следующий ответ: «В советском суде защитниками могут выступать только члены советской коллегии адвокатов» (датская газета «Юлландс-Постен» от 29 августа 1981 г.)

Между тем в советском законе — в Уголовно-Процессуальном Кодексе РСФСР — нет такого ограничения. Там говорится, что защитниками на процессе могут быть (цитирую): «адвокаты, представители профессиональных союзов и других общественных организаций. ...в качестве защитников могут быть допущены близкие родственники и законные представители обвиняемого, а также другие лица» (ст. 47 УПК РСФСР).

Не в первый раз западным адвокатам отказывают в праве участвовать в советском суде. Так было с американскими и английскими адвокатами, бравшими на себя защиту Юрия Орлова, Александра Гинзбурга, Вячеслава Бахмина... Иногда советские дипломаты ссылаются не на закон (которого, кстати, нет), а на практику: дескать, этого не может быть, потому что этого не было никогда. Между тем, *это было*: западные адвокаты участвовали в советском суде. Даже не зная русского языка, пользуясь услугами переводчиков, они защищали своих клиентов. И делалось это с полного согласия советского правительства и, отчасти, по инициативе этого правительства.

Было это при Ленине, в 1922 году, на процессе правых социалистов-революционеров. Тут нужно сделать небольшой экскурс в историю. Социалисты-революционеры (или «эсеры») были самой большой политической партией в 1917 году в России. После захвата власти большевиками в октябре того года

эта партия раскололась: «левые» эсеры поддержали большевиков и даже вошли в Совнарком, тогда как «правые» эсеры выступали против Октябрьского переворота; они считали себя партией февральской революции. И вот многие из руководителей правых эсеров были арестованы еще в начале 1919 года и сидели в тюрьмах без суда целых три года. К 1922 году гражданская война закончилась. Большевики почувствовали себя увереннее. Был введен НЭП. На международной арене энергично действовал Коминтерн. Многие социалистические партии Запада, еще плохо себе представляя, что означает новый режим в России, считали возможным сотрудничать с Коминтерном. В это время, кроме Коминтерна, в Европе существовало 2 Интернационала: Второй и так называемый «Двух-с-половинный» (Венский). В апреле 1922 года в Берлине состоялся конгресс трех Интернационалов. Второй и «Двух-с-половинный» Интернационалы согласились сотрудничать с Коминтерном, но при некоторых условиях. Одним из этих условий был допуск деятелей двух Интернационалов на предстоящий процесс партии социалистов-революционеров в Москве и неприменение смертной казни к подсудимым (а, судя по всему, смертная казнь угрожала многим из них). Руководители Коминтерна от лица советского правительства согласились на эти условия. На московский процесс должны были приехать 9 западных адвокатов, в том числе три русских эсера, находившихся в эмиграции (и советское правительство всем им разрешило въезд). Однако, по неясным причинам, в Москву прибыли только 4 западных защитника: глава Второго Интернационала бельгиец Эмиль Вандервельде, бельгиец Вотерс и два немца — Курт Розенфельд и Теодор Либкнехт (брат известного революционера Карла Либкнехта).

Но фактически на процессе было не 4 западных адвоката, а больше. Дело в том, что подсудимых (их было 34 человека) разбили на 2 группы: одна группа (22 человека) — «нераскаившиеся», другая — «раскаившиеся» (12 человек). Они и в разных местах зала сидели. И вот раскаившихся подсудимых тоже защищали западные адвокаты (и тут уже была инициатива самого советского правительства). И среди обвинителей были иностранцы — в частности, небезызвестная Клара Цеткин.

Это был первый большой открытый политический процесс.

Хотя кроме родственников подсудимых в зале были практически только члены партии большевиков, но все же на процесс были допущены западные журналисты — 20 человек. Это был первый процесс с участием западных адвокатов. Вместе с тем, это был первый процесс, где некоторых подсудимых удалось «расколоть», т. е. обещанием сохранения жизни и свободы добиться от некоторых покаяния и обвинительных показаний на своих товарищей. И вот в этих покаяниях уже провиделись черты последующих процессов сталинского времени.

Это был первый процесс, где судимы были не только отдельные люди, но политическая партия в целом. Вопреки принятым в цивилизованном мире нормам индивидуальной ответственности каждого за свои собственные деяния, обвинители и судьи на этом процессе постоянно подчеркивали, что здесь судят партию эсеров как таковую, и обвиняемые несут ответственность за деятельность всей партии.

Это был процесс, во время которого в зал суда вдруг входила «организованная» делегация «рабочих» и, с разрешения председателя, требовала «от имени трудящихся» расстрела подсудимых. А газеты, еще до вынесения приговора, писали о них как о «преступниках». Впрочем, такое, вопреки закону, часто наблюдается и в наши дни.

Вот как описывает обстановку этого уникального процесса допущенный туда немецкий журналист русского происхождения Георгий Попов:

«Заседания Ревтрибунала происходили в большом концертном зале Московского Дворянского Собрания... В прилегающих помещениях поместилась выставка, предназначенная для иллюстрации злодеяний и преступлений социалистов-революционеров. По коридорам и мраморным лестницам топчется всякий подозрительный люд. В вестибюле накрыты длинные столы для чекистов, с аппетитом поедаящих тут щи, кашу и прочие кулинарные прелести...» (Г. Попов. «Стремящимся в Россию». Берлин, 1924г.) Не забудем, что в это время в России, особенно в провинции, еще всюю свирепствовал голод. Председательствовал на суде Георгий Пятаков, обвинителем выступал Николай Крыленко (оба впоследствии уничтожены Сталиным). Тот же журналист Попов пишет, между прочим: «бросается в глаза пикантная подробность: важнейшие должностные лица ревтрибунала связаны друг с другом родствен-

ными узами. Это одно трудолюбивое семейство. Следствие по делу социалистов-революционеров вела товарищ Розмирович — в „частной жизни” супруга генерал-прокурора Крыленко и сестра председателя суда Пятакова. Таким образом, процесс не только акт мести властвующей партии по отношению к побежденной, но еще до некоторой степени „семейное” дело, рассмотренное предварительно в интимном кружке родственников. Само собой разумеется, подсудимые протестуют, но и само собой разумеется — их протесты остаются без последствий».

Надо добавить, что подсудимые протестовали не только против «интимного кружка» родственников: как только открылся этот процесс они заявили отвод всему составу суда на том основании, что судьи, являющиеся членами коммунистической партии не могут быть беспристрастными в их деле. Этот момент интересен еще и потому, что и сейчас, 60 лет спустя, некоторые инакомыслящие в Советском Союзе также требуют, чтобы их судьи не были членами КПСС. Например, так было недавно в Харькове на процессе Евгения Анцупова. Как сообщается в бюллетене «Вести из СССР» (издается в Брюсселе, редактор Кронид Любарский), Анцупов обвинялся в «антисоветской пропаганде», а фактически был арестован за желание эмигрировать из СССР. Перед началом суда Анцупов осведомился, весь ли состав суда — члены КПСС. Получив утвердительный ответ, он ходатайствовал, чтобы хотя бы один человек из состава суда был беспартийный. Это ходатайство было отклонено.

В требовании эсеров о беспартийном суде, как и в ходатайстве Анцупова, — налицо элементарная логика: если меня обвиняют в деятельности, направленной против КПСС (а всякая так называемая «антисоветская» деятельность в силу однопартийной структуры нашего государства является деятельностью против правящей партии), то, естественно, судья-член КПСС не может быть беспристрастен в этом процессе. Если меня обвиняют в ограблении кого-нибудь, то было бы странным, если бы меня судил сам потерпевший.

Сейчас в советском суде на политических процессах обвинители, судьи и почти все защитники — члены КПСС. В этом смысле эсерам повезло: у них хотя бы защитники были либо беспартийными (их русские адвокаты), либо членами некоммунистических партий (их западные адвокаты). К сожалению,

западные адвокаты «неразъяснившихся» подсудимых ушли с процесса после шести дней его заседаний. Им не разрешили вести свою, отдельную стенограмму процесса, и они заявили, что в таких условиях не могут нормально осуществлять защиту своих клиентов. Отечественные адвокаты той же группы подсудимых вскоре также ушли с процесса, и подсудимые дальше защищали себя сами.

Прокурор Крыленко метал в адрес этих подсудимых громы и молнии. Чего стоит, например, такая фраза в адрес подсудимой Ивановой: «А вам, гражданка Иванова, с вашей усмешкой, мы... найдем возможность сделать так, чтобы вы не смеялись больше никогда». (Цитирую по книге Н. Крыленко. «Судебные речи». Москва, 1964 г. стр. 268)

Выступления виднейших большевиков вне зала суда носили примерно такой же устрашающий характер. Каменев, например, сказал: «Пусть наши враги склонят перед нами свои головы, а кто не захочет склонить, пусть ее потеряет». Как бы в ответ на это подсудимый Тимофеев сказал: «Вы получите наши головы, чтобы положить их к ногам Коминтерна, но чести нашей вы не получите». (Обе цитаты по журналу «Современные Записки», №12, Париж, 1922 г., стр. 305).

12 подсудимых были на этом процессе приговорены к смертной казни, но исполнение приговора было приостановлено. В Постановлении ВЦИК говорилось, что, если партия эсеров применит «методы вооруженной борьбы против рабоче-крестьянской власти, то это приведет к расстрелу осужденных». И это был тоже уникальный приговор, напоминающий скорее эпизод гражданской войны, чем уголовное право мирного времени. 12 смертников оказались заложниками большевистского правительства на неопределенный срок.

Естественно, не каждый из них мог вынести такое. Морозов вскоре покончил жизнь самоубийством. Судьба многих других подсудимых — гибель в 30-е годы.

Но положительное значение этого процесса в том, что ожидаемое сотрудничество западных социалистов и Коминтерна — не состоялось. Напротив, Второй и Двух-с-половинный Интернационалы вскоре объединились в Социалистический Интернационал, и Коминтерн не мог рассчитывать больше на доверие этого Интернационала.

Социалистический Интернационал существует и по сей

день. Правда, в нем сейчас несколько иные тенденции. И трудно себе представить, чтобы его нынешние лидеры — Вилли Брандт или Олоф Пальме — требовали от советских властей, чтобы их допустили в качестве защитников на процессы Марченко или Подрабинека (хотя разница между ними и эсерами — огромная: эсеры обвинялись в соучастии в терроре и экспроприациях, тогда как единственным оружием Марченко, Подрабинека и других было и остается *слово*).

Многие из нынешних лидеров Социалистического Интернационала могут говорить с советскими руководителями о проблеме прав человека лишь *вообще*, да еще без особой огласки, а именно это и устраивает нынешних наследников Крыленко.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Уважаемая редакция!

В первом номере Вашего журнала напечатано письмо москвичей редакции журнала «Континент». Среди прочего там есть и такой пассаж:

«Чем можно объяснить, к примеру, многолетнее нежелание редакции печатать стихи Юрия Кублановского? И если они в конце концов появились на страницах „Континента“, то словно под неким давлением, будто шаг этот для редакции вынужденный: „Метрополь“ и „Вестник РХД“ опубликовали, и мог появиться вопрос, почему несколько лет задерживали в „Континенте“?»

Среди подписавших — двое моих хороших знакомых: Владимир Гершуни и Юрий Диков. Зимой 1981 года, когда это письмо составлялось, моя сторожка была в самом центре Москвы на Чистых прудах — на Антиохийском подворье — забеги, уточни, справься, если хочешь «kozyрнуть именем» Никто из них этого не сделал...

Стихи мои в «Континенте» были опубликованы с лестной для меня оперативностью — сразу по присылке.

Надеюсь, что Вы напечатаете и это мое замечание.

Дружески

10. 2. 83, Paris.

Юрий Кублановский

**Спрашивайте в русских книжных магазинах
книгу Михаила ФРЕНКИНА**

**«ЗАХВАТ ВЛАСТИ БОЛЬШЕВИКАМИ В РОССИИ И
РОЛЬ ТЫЛОВЫХ ГАРНИЗОНОВ АРМИИ. ПОДГОТОВ-
КА И ПРОВЕДЕНИЕ ОКТЯБРЬСКОГО МЯТЕЖА 1917—
1918 гг.»**

Книга М. Френкина знакомит читателей с ролью армии в совершении большевистского переворота 1917 г., с национальными движениями в Российской империи накануне и во время революции...

Автор — профессор, доктор исторических наук, бывший политзаключенный сталинских лагерей, в настоящее время живет в Израиле.

СОДЕРЖАНИЕ

К ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЮ УКРАИНСКОЙ ТРАГЕДИИ

- 4 В. Малинкович. Голод 1933 года на Украине.
15 П. Григоренко. Из воспоминаний (*Отрывки из книги «В подполье можно встретить только крыс»*).
20 Вас. Гроссман. Все течет... (Главы из повести).

ПРОБЛЕМЫ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

- 39 Советская система находится в состоянии загнивания... и оно будет продолжаться (*Интервью с Милованом Джиласом и Михайлом Михайловым*).
54 Интервью с Эрнстом Кольманом.
60 Социалист-82 (*Статьи из сборника, вышедшего в Самиздате*).
81 Краткая демократическая программа (*Самиздат*).

АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ СЕГОДНЯ

- 83 С. Пирогов. Исправительно-трудовой, или кто кого.
107 М. Хейфец. Узник ГУЛАГа Николай Кончаковский.

ПОЛЬСКИЙ ОПЫТ

- 110 «Солидарность» сегодня (*Программное заявление ВКК НСПС «Солидарность»*).

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

- 117 Меморандум представителей коренного населения Эстонии, Латвии и Литвы руководителям государств западной демократии и Совету Безопасности ООН.
128 Находится ли эстонский народ и его культура под чужеземным гнетом? (*Самиздат*).
146 М. Кукобака. Украденная родина.

СОЦИОЛОГИЯ, ЭКОНОМИКА

155 А. Кронидов. Сколько просуществует Советский Союз?

РЕЛИГИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ЭТИКА

180 Владимир Соловьев. Исторические дела философии.

ТРУД — РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ — ПРОБЛЕМЫ
САМОУПРАВЛЕНИЯ

194 Права трудящихся. Духовные основы труда (*Энциклика папы Иоанна-Павла II «Laborem exercens»*).

КУЛЬТУРА И ВРЕМЯ

222 Ольга Меерсон. Прогулка с Терцем.

ИЗ ПРОШЛОГО

232 Б. Вайль. Западные адвокаты в советском суде.

238 ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

**Условия подписки
на журнал «ФОРУМ»**

Цена одного номера:	Годовая подписка:
Англия 3.— фунт.	10.— фунт.
Германия 15.— н. м.	50.— н. м.
США 7.— ам. дол.	25.— ам. дол.
Франция 40.— ф. фр.	135.— ф. фр.

В других странах — расчет по курсу немецкой марки.

Адреса: Ukrainische Gesellschaft für Auslandstudien
e. V., «Forum»

Bankkonto: Deutsche Bank A. G.
Promenadeplatz, 8000 München 2
Kto Nr. 22/20457, BLZ 70070010 .

Postscheckkonto PSchA München
Kto Nr. 22278-809.

